

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковичъ.

Іюль и Августъ, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П р о з а .

Стр.

Екатеринославъ	1.
Лода	19.
Три дни моей жизни	35.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Сътованіе сердца моего	82.
Посланіе къ Т. . . . . в у	84.
Сельское уединеніе	86.
Посланіе	88.
Ушро	90.
Къ * . . . . я	91.
Стансы	92.
М. М. Михайлову	93.
Мои мечтанія	94.
Вопросъ Софіи	95.
Экспромтъ Графини Ч	96.
Мысль	—

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

Юль и Августъ 1826.

П Р О З А.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

(Изъ записокъ одного Русскаго путешественника.)

(Продолженіе.)

Желая, какъ возможно лучше, выполнить сіе *лестное* порученіе, и зная по опыту, какъ ничтожны и поверхностны наши свѣдѣнія о земляхъ, чрезъ которыя проскакали мы на почтовыхъ по большой дорогѣ, я слѣдоваль въ путешесвіяхъ своихъ по Отечеству совершенно другимъ правиламъ. При обозрѣніи Кавказской области и Асраханскаго Царства, — Сарепта была средоточіемъ моихъ поѣздокъ по берегу Ахшубы, въ Асрахань и на Кавказскую Линію. Здѣсь мы съ шоварищами выбрали себѣ главною кварширою домъ одного Менониспа на самомъ берегу Днѣпра, подлѣ перевоза отъ Колоніи Эинълагъ къ городу Александровску. Сшарики, наши хозяева, переселившіеся въ Россію изъ окрестностей Данцига въ 1789 году, отшвели намъ двѣ чистыя комнаты. Въ одной, служащей семейству честныхъ

Кн. XVII. 1

Нѣмцевъ госпиною, учредили мы кабинешъ и рабочую. (Въ ней находился шкафъ съ книгами, бюсшъ Государя, маленькія клавикорды, по копмъ очень пріятно бѣгали пальчики Жанешты, единственнѣйшей дочери, и стѣнные часы съ заушвнвою кукушкою.) Хозяинъ нашъ далъ намъ бричку, запряженную парю кургузыхъ коней въ шорахъ, и сына своего Эрнеста съ длиннымъ бичемъ въ бошфорнахъ и въ синей куршкѣ. Въ ней отправились мы берегомъ Днѣпра до мѣша, на коемъ прежде процвѣтала Запорожская Сѣчь (1) а шеперь красуенія село Покров-

- (1) Сѣчь Запорожская, укрѣненное жилище Козаковъ того же имени, на Западномъ берегу рѣки Днѣпра, при устьѣ рѣки Бузлука, супрошнвъ прежде бывшей, по заключенному при Прушъ мирному договору, раззоренной крѣпости Каменнаго Затона. Сія Сѣчь, вѣроятнымъ образомъ, начало свое возымѣла во время Польскаго Короля Сигизмунда I. Она естъ собраніе неженатыхъ людей, которые съ начала не инымъ чѣмъ пропитаніе имѣли, какъ военными дѣятеліями. Пыл Сѣчи значительнѣе, чмо сіе мѣсто ограждено итѣакимъ укрѣпленіемъ, и шѣмъ описъ около лежащихъ мѣсць яко бы ошечено: и дѣйствительно, она окружена осыпью, или землянымъ валомъ; а Запорожскою называется потому, чмо съ начала и всегда находилась за Днѣпровскими порогами. Козаковъ въ Сѣчи живущихъ счисляется 27,117 человекъ. Жилища ихъ разделяются на 38 куреней. Каждый курень имѣетъ своего Апамана, или предводителя, а всѣ оныя Куренныя Апаманы состоятъ подъ ведомствомъ Кошевого Апамана. Неплучшее укрѣпленіе сего мѣсна составляетъ замокъ, въ кошоромъ живетъ Россійскій Комендантъ Штабъ-Офцерскаго ранга съ гарнизономъ. Особливаго примѣчанія достоинно, чмо никакая женщина, подъ какимъ бы то видомъ ни было, въ Сѣчь не выпускается; а если кто изъ козаковъ захочетъ жениться, тошъ долженъ изъ Сѣчи выдти вонъ и жить съ женою въ ошдѣленіи. Предъ сего Сѣчью естъ предместье, въ кошоромъ живутъ купцы, торгующіе всякими товарами, и содержатели шракировъ. См. 1. Географ. Слов. Рос. Госуд. Подушнна, нап. въ 1773 году; 2. Собраніе Рос. Исторіи, Миллера; 3. Ежевѣсячныя Сочиненія 1760 года на Май мѣсць.

ское; (1) отсюда по рѣкѣ *Томаковкѣ* чрезъ колоніи Шнигорскіе и Нейндорфъ обратнo въ Эиль-Лагъ. Здѣсь переправились черезъ Днѣпръ, взглянули на окопы принадлежавшей къ Днѣпровской линіи крѣпости Александровской, на колонію Шёнвизъ при р. *Московкѣ* — и пустились внизъ берегомъ рѣки *Конскія Воды* (древней *Паптикапей*) до деревни *Малая Знаменка*. Тутъ выѣхали на берегъ Днѣпра, сѣли въ лодку — и поплыли на островъ *Хортицу*, а отсюда въ свою главную квартиру. Обширное пространство между рѣками *Пугульцель*, вливающимъ свои воды въ Днѣпръ, и рѣкою *Миусель*, впадающимъ въ Азовское море недалеко отъ Таганрога, устлано курганами. Къ Таганрогу они спановящся рѣже, также какъ съ западной стороны, вершъ за 30 не доѣзжая до Херсона; (2) между рѣкою же *Каменкою*, островомъ *Хортицкимъ* и рѣкою *Конскія Воды* они весьма часты. Высота ихъ отъ 2 до 5 и даже до 8 сажень; обойдя самыя огромныя изъ нихъ, мы нашли, что они отъ 50 до 60 шаговъ въ окружности и почти все выкладены камнемъ. На верху ихъ земля осыла; отъ чего сдѣлался обвалъ на подобіе жерла или воронки. Можетъ быть въ продолженіи ХХХ столѣтій, кочующіе народы погребали здѣсь своихъ Царей и Воеводъ.

Скискія насыпи отменно отъ другихъ своею огромностью: въ нихъ находятъ мѣдныя копья и

(1) Населено бывшимъ Генералъ-Провуроромъ А. А. Вяземскимъ.

(2) Записки Зуева.

на конечники стрѣлъ изъ того же мешалла: доказательство, что сіи могилы насыпаны прежде, нежели научились люди ковать желѣзо, слѣдственно въ самой глубокой древности.

На *Монгольскихъ* или *Кипчакскихъ Идолопоклоннигьихъ* — стоящъ грубо обшесанные изъ пещаника истуканы, (1), часпо въ большомъ видѣ, мужскіе и женскіе. Послѣдніе легко отличить по грудямъ, покрывалу и длинной одеждѣ. Иные представлены стоящими, другіе сидящими; иные въ барельефѣ, лежащими на полстой каменной плитѣ, какъ изображеніе Рыцарей среднихъ вѣковъ на надгробныхъ камняхъ. Поселяне называютъ ихъ *каменными бабами* и спавящъ у ворошь вмѣсто верей, врывая ихъ въ землю. Опишу здѣсь самые замѣчательнѣйшіе.

(1) Паласъ нашелъ множество кургановъ и каменныхъ истукановъ на Уральской степи между рѣками Кучумомъ и Большимъ Уземемъ, впадающимъ въ Камышъ-Самарское озеро.

Онъ же видѣлъ въ 15-ти верстахъ отъ Индеръ-Монжу Нѣмецкой колоніи въ Саратовской Губерніи двѣ безобразныя статуи и одну близъ колоніи Шафгаузенъ на курганѣ. Въ сихъ курганахъ найдено нѣсколько мелкихъ Ташарскихъ монетъ и вещей.

„Близъ города Уфы на нагорной сторонѣ рѣки Бѣлой находятся огромныя курганы, въ коихъ погребались Нагайскіе Ханы. Въ сихъ могилахъ вырываютъ луки, стрѣлы желѣзныя и колчаны, кои были украшены мѣдными бляхами.“ Дневныя записки путешественія по разнымъ провинціямъ Росс. Госуд. Н. Рычкова.

Въ Слободско-Украинской Губерніи есть старинныя курганы, въ коихъ находятъ коня, стрѣлы, мечи и человѣческіе основы. См. Землеописаніе Россіи, Профессора Зябловскаго, ч. V, стр. 269.

Одинъ (1), выше человеческого роста, съ круглою, какъ шаръ, головою, лицомъ обращенъ къ западу, врытъ въ землю по самую одежду; ошь чего ногъ не видно. На головѣ кольчужный шлемъ, одѣтъ въ кольчугу, засшегнушую на спинѣ пряжкою, къ коей и шлемъ прикрѣпленъ ремнями; руки на груди сложены пальцы въ пальцы, шѣло опоясано широкимъ поясомъ, кошорый засшегнутъ напередѣ двумя большими бляхами; на лѣвой бедрѣ висѣлъ мечъ.

Другой (2) на рѣкѣ Ингуль, въ 22-хъ верспахъ ошь Херсона; очень сходенъ съ первымъ, кромѣ того, что сложенные руки его чѣмъ-то покрыты, на правой бедрѣ висѣтъ шпоръ, крюкъ ошь аркана и гребень; на лѣвой, въ маленькомъ видѣ лукъ въ чехлѣ, колчанъ съ стрѣлами, огниво, ножъ, ключъ и сабля. Одежда по подолу широко проспорочена; ноги до колѣнъ соразмѣрны величинѣ шѣла, ниже колѣна и самыя спушни чрезмѣрно тонки и обушы въ сандали.

Въ степи между Александровскимъ и Таганрогомъ на высокомъ курганѣ видѣли мы огромный испуканъ, кошорый ни Зуевымъ, ни другими Академиками не описанъ. Круглая голова его опличается длинными ушами; онъ сидишь на чешвероугольномъ камнѣ; ноги сложены одна рядомъ съ другою;

---

(1) См. Путѣшественныя Записки В. Зуева.

(2) Тамъ же.

обѣ руки лежатъ на колѣнахъ; онъ не имѣетъ никакой одежды и ничего на головѣ Эша спашуя похожа на всѣ Египетскія: ужь не Египтянами ли она сдѣлана? или, не завезена ли во время Сезо-схрисова похода въ Скивію?

Монгольскіе, *Нагайскіе* или *Татарскіе Магомедацкіе* могильные холмы отличаются плоскою вершиною и во всемъ сходны съ видѣнными мною около развалинъ Шери-Сарая, также на Царицынской и Асраханской степяхъ.

Всего удивительнѣе, что Запорожцы переняли Скивскій обычай громоздить высокія земляныя насыпи надъ шѣлами своихъ военачальниковъ: сіи могилы также выкладены плитами; но ихъ можно распознать *по каменнымъ крестамъ*, на нихъ воздвигнушымъ.

„Должно думать, говоритъ почтенный путешественникъ нашъ Зуевъ, что сіи сшоль великіе курганы, не смотря на ихъ множество, не простыхъ и бѣдныхъ покойниковъ, а такихъ, для копорыхъ надобно было вырывать изъ земли плитами и возить на могилу.“

Сюда приходятъ изъ Великороссійскихъ городовъ промышленники нарочно разрывать курганы и искать кладовъ. Видно, что ихъ шруды вознаграждаются. Не желая, можетъ быть, открытъ постороннему челоуьку, сколь богача ихъ добыча, они опъ меня пряталась во все время моего тамъ пребыванія;

однако жъ служило моему удалось купить у нихъ старинный желѣзный шлемъ, или, правильнѣе, шапку съ козырькомъ изъ сего же металла, который подвязывался подъ бороду желѣзнымъ подбородникомъ и на которомъ глубокой рубецъ отъ сабельнаго удара. Я подарилъ его Дерптскому Профессору Гушу для кабинета рѣдкостей.

Если не принимать за басню стихотворные рассказы объ Амазонкахъ, будто бы жившихъ на берегахъ Чернаго моря прежде Киммеріанъ и Скивовъ: то имъ надобно будетъ отдать старшинство предъ обоими выше названными народами и допустить, что Сарматы суть ихъ потомки. Вступя въ брачный союзъ съ Скивскими юношами, они утратили и политическое бытіе, и славное свое имя.

Всѣ древніе Историки и Географы: Плиніи, Юстинъ, Страбонъ, повторили и размножили то, что Геродотъ написалъ о нихъ.

III. Египтяне XV вѣковъ до Р. X.

IV. Финиціане около XIV вѣковъ до Р. X.

V. Персы V вѣковъ до Р. X.

VI. Македоняне около III вѣковъ до Р. X.

Мы уже выше довольно подробно говорили о нашихъ Свѣдѣхъ Сезосприса, Дарія, Филиппа и Александра. Остаётся только прибавить, что Зофиріонъ, полководецъ послѣдняго, будучи имъ посланъ къ Сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, осадилъ городъ

Ольвію (Борисѣенъ), и что граждане онаго, давъ свободу рабамъ и вооружа ихъ, принудили Македонянь сняшь осаду и спасли городъ.

Амміанъ Марцеллинъ, въ своей Географіи, входящей въ составъ его Исторіи, утверждаетъ, что Финикіяне завели поселенія на берегахъ *Тираса* (Днѣстра). Онъ, безъ сомнѣнія, потерпнулъ сіе извѣстіе изъ какого-нибудь, недошедшаго до насъ, сочиненія о Черномъ морѣ. Ученый Дѣбросъ, собравъ въ одно всѣ разсѣянные о семъ предметѣ опрывки, возстановилъ оное, шакъ сказаешь, въ первобытное его состояніе. (1)

Іосифъ Флавій пишешъ, что *Тирасцы* и *Фракійцы* сушь народы оиъ одного корня. Евреи не плавали по морямъ, и не иначе могли получишь какія-нибудь свѣдѣнія о земляхъ, лежащихъ на Днѣпрѣ и Дунаѣ, какъ по разсказамъ Финикіянь.

Спранно было бы, если бъ сіи предприимчивые мореходцы, проплывшіе далѣе столповъ Геркулесовыхъ (2), привозившіе олово съ Бришанскихъ острововъ (3) и яншаръ съ береговъ Балшійскаго моря (4), оспавили безъ вниманія берега Черноморскіе.

Выгоды торговли по Балшійскому, Черному и Азовскому морю, и великія водяныя сообщенія посред-

(1) Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ Этимологін, соч. дѣ-Бросса, пер. Александромъ Никольскимъ и напечатано по опредѣленію Императорской Россійской Академіи С. П. Б. 1822. Также *Mémoires de l'Académie des inscriptions.*

(2) Геродотъ, кн. V.

(3) Страбонъ.

(4) Карамзинъ И. Г. Р. 7, 1. стр. 11.

спвомъ Днѣпра, Волги, Двины и Ладожскаго озера, съ давнихъ временъ привлекали промышленные народы въ наше Опечесство. Какъ знашь? можешъ бышь, Финикіане или Карѣагенцы принесли на Сѣверъ и бросили первую искру просвѣщенія!

VII. Геты, X вѣковъ до Р. X.

Геты, какъ хочешъ увѣришь насъ Графъ Иванъ Пошоцкій, были знакомы, подъ именемъ *Абіанъ*, Гомеру, кошорый будшо бы называетъ ихъ добродѣпельнѣйшими изъ смертныхъ. (1) Геты сосставляли часть народовъ, населявшихъ Фракію; но опличались опъ нихъ нравами, обычаями и вѣроу, въ кошорой слѣдовали они системѣ Пифагоровой. Имя *Абіанъ*, данное имъ Гомеромъ, кажешся, имѣешъ опношеніе къ воздержанію ихъ опъ мясной пищы; оно значитъ; *нигего живаго*. (2) *Геты* говорили однимъ языкомъ съ Фракійцами (3); побѣжденные Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но спрашные для Рима во время Царя своего Беревисша храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Р. X. опняли у Скиѣовъ всю землю между Испромъ и Борисѣеномъ, п. е. между Днѣпромъ и Дунаемъ. (4)

(1) Илиада, пѣснь XIII, стихъ 6. Знаюки Греческаго языка совствъ нной смыслъ даюшь сему стиху.

(2) Шлѣцеръ въ своей Сѣверной Испоріи.

(3) Страбонъ, кн. III.

(4) Versuch einer Geschichte des Handels und der Schiffahrt, in den ältesten Zeiten; соч. Шлѣцера.

VIII. Сарматы, 1400 лѣтъ до Р. Х.

Строгая историческая критика опровергаетъ бытіе Амазонокъ; она причисляетъ извѣстія объ нихъ къ сказкамъ объ островѣ *Яйцедовъ* (οασις), *Консоговъ* (Νιρρορδαε) (1) и счастливой странѣ *Гипербореевъ*. Она выводитъ Сарматъ первоначально изъ Мидіи за XIV вѣковъ до нашего лѣтосчисленія, и доказываетъ, что они составляли одно изъ многочисленныхъ племенъ Скиѣскихъ, съ которыми вмѣстѣ переселились на берега *Танаиса*. „Древніе вѣстніе Писатели (2), *Скиѣовъ* и *Сарматъ* на разныя поколѣнія раздѣленныхъ, подъ разными именоваціями въ Россіи полагаютъ. Обои народы одержали великое участіе въ обширномъ семь земель пространствѣ.“ говоритъ Ломоносовъ. (3)

Вмѣстѣ съ ученымъ Рейскіемъ нахожу справедливымъ мнѣніе Бокарша, который производитъ слово: *Сарматы* или *Савроматы* отъ Халдейскаго языка, гораздо древнѣйшаго Греческаго, именно же отъ словъ *Саръ - Мадай*; что значитъ: *остатки Мидянъ*. Помощи сихъ переселенцевъ долго сохраняли обычаи, нравы и одежду Мидійскую (4).

Геродотъ повѣствуетъ, что земля *Савроматская* лежала по ту сторону *Танаиса*; за нею земля

(1) Россійская исторія Стршштера, ч I, отд. I.

(2) Геродотъ, Страбонъ, Плиній, Птоломей.

(3) Древняя Россійская Исторія, соч. Ломоносовымъ, С. П. Б. 1766.

(4) Помпоній Мела кв, IV.

Плиній написалъ: „При *Танаисъ* (Донъ) живутъ *Сарматы*, происходящіе, какъ говорятъ, отъ *Мидянъ* и раздѣленные на многія поколѣнія.“

Будинкавъ; что Савроматы иѣли уже Царя во время нашествия Даріева на Скиѣю и говорили Скиѣскимъ языкомъ. Плиній утверждаетъ, что Римляне называли Скиѣами и *Сарматовъ*.

Многіе Нѣмецкіе Ученые признають *Сарматовъ* единоплеменными *Славянамъ*. Въ этомъ согласны они со всѣми знаменитыми изыскателями Славянскихъ древностей, какъ-то съ Ломоносовымъ (1), Евгениемъ Булгаромъ (2), Сеспренцевичемъ - Богушемъ (3).

Сарматы употребляли языкъ Славянскій. Слѣдующія доказательствва сокращенно взяты изъ описанія Архіепископа Евгенія Булгара Митрополиту Сеспренцевичу на вопросъ его: *какимъ языкомъ говорили древніе Сарматы?*

— „Юстинъ Историкъ въ своемъ сокращеніи, Трога Помпея, утверждаетъ, что „языкъ Сарматскій сходенъ съ *Мидійскимъ* и *Скиѣскимъ*. Свидѣтельство Трога подтверждаетъ старшій Плиній, который пишетъ: „при *Танаисѣ* (Донѣ) живутъ Сарматы, происходящіе, какъ говорятъ, отъ *Мидянъ* и раздѣленные на многія поколѣнія,„ — Также Помпоній Мела: „Народъ *Сарматскій* по одеждѣ и оружію весьма сходенъ съ *Персїянами*,“ — слѣдственно и съ *Мидянами*. — *Клуверій*, слѣдуя мнѣнію сихъ авторовъ пишетъ: „Весь народъ, отъ Грековъ Сарматскимъ называемый,

---

(1) Въ своемъ Летописецѣ.

(2) В. Е. 1813. № 9. стр. 7. 8. 19 и слѣдующія.

(3) Исторія Царства Херсониса Таврическаго. ч. 2. стр. 8.

оружіемъ, нравами и образомъ жизни подобенъ Скиѣскому и Парфянскому. Одинъ изъ новѣйшихъ Писателей, Халкондиль, упоминаеть только, что „Трибаллы, Мизійцы, Иллирійцы, Кроаты, Поляки и Сарматы (1) имѣють одинъ языкъ.“ — Онъ вѣрно разумѣеть здѣсь языкъ Славянской, кошорый въ его время былъ въ употребленіи между помянутыми народами. „И шакъ, — говоритъ ученый Евгений Булгаръ — если принять мнѣніе Халконкондила, то можно утвердительно сказать, что древній языкъ Сарматовъ есть нынѣшній Славянской или Иллирійскій.“ —

Европейская Сарматія (2) заключала въ себѣ, по мнѣнію Гашперера, (кошорый, кажешся, слишкомъ разпространилъ ея границы) Польшу, начиная отъ Вислы, Пруссію, Курляндію, Ливонію, Россію Европейскую, Татарію и Крымъ.

Азіатская же Сарматія вмѣщала въ себѣ Азіатскую Россію, Сибирь и Монголію. Сарматы вели кочевую жизнь, перевозили семейства свои въ кибиткахъ, и нравами и склонностью къ войнѣ уподоблялись Скиѣамъ.

Сарматы хлынули въ Европу, лѣтъ за 80 до Р. Х. истребили Скиѣовъ, или подчинили ихъ себѣ и изгладили имя ихъ изъ списка народовъ. Самы же въ свою очередь упрасили особенное бытіе свое и переименили свое имя на имя братьевъ своихъ Славянъ.

---

(1) Онъ беретъ здѣсь народъ Сарматскій въ тѣсномъ смыслѣ.

(2) Пшоломей.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, вели они продолжишельныя и кровавыя; но, по большей части, неудачныя войны. Веспасіанъ въ 69 году по Р. Х. укрошилъ *Сарматовъ*; Адрианъ въ 109-мъ побѣдилъ; Маркъ-Аврелій въ 171-мъ нападалъ на нихъ; Каръ въ 277 году увѣщевалъ; Діоклисіанъ въ концѣ III вѣка, съ союзниками своими Херсонцами разсѣялъ ихъ. Констаншинъ Великій въ IV вѣкѣ разбилъ ихъ въ кровопролитной битвѣ (1); въ 407 году послѣ Р. Х. часть ихъ вмѣстѣ съ другими варварами сдѣлала нашесствіе на Галлію; другая часть сего народа, оставшаяся на прежнемъ своемъ мѣстѣ, побѣждена Ашшилою. По кончинѣ сего ужаснаго завоевателя, они покорились Императору Марціалу. Въ концѣ V вѣка Исторія уже молчитъ о *Сарматахъ*.

Отъ нихъ произошли два особенные народа: *Роксолане*, утвердились въ окрестностяхъ Азовскаго и Чернаго моря; *Языги* скоро перешли въ Дацію, на берега Тисы и Дуная. Они первые отважились шревожить съ сей стороны Римскія владѣнія.

Евгеній Булгаръ, Нарушевичъ, Графъ Иванъ Потоцкій и Сестренцевичъ-Богущъ согласны въ томъ, что „Поселенцы, изъ кошорыхъ Болеславъ составилъ Польское Царство, были насоящіе и *Сарматы*.”

IX. Греки 700 лѣтъ до Р. Х.

Греки завели многочисленныя поселенія по берегамъ Чернаго и Азовскаго моря; знаиѣйшими изъ нихъ были городъ *Ольвیا* на Днѣпрѣ, основанный Мили-

(1) Введеніе въ Росс. Исторію кн. Щербатова, стр. 34 и след.

ійскими Греками за 655 лѣтъ прежде нашего лѣтосчисленія; *Танаисъ* при устьѣ Дона, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Азовъ; *Ододосія*, *Херсонъ* и *Пантикапел* въ Тавридѣ. Впрочемъ, Греки никогда не простирали своего владычества во внутренность земли. Они довольствовались тѣмъ, что имѣли надежныя пристани и мѣста для складки товаровъ.

Въ послѣдствіи, говоря о торговлѣ Новороссійскаго края, въ древнія, среднія и новыя времена, мы будемъ имѣть случай описать пространныя сіи города, нѣкогда цвѣвшіе, богатые и многолюдныя.

X. Понційцы или Воспорійцы 115 лѣтъ до Р. X.

Митридашь Эвпаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря, переправился на сѣверные берега онаго и покорилъ Скиѣю осьъ Борисѣена до Адриатическаго моря. По кончинѣ его Скиѣи возвратили свою независимость.

XI. Аланы, 62 года до Р. X.

„Почти въ одно время съ Язигами и Роксоланами, узнаемъ и другихъ, — вѣроятно единоплеменныхъ съ ними обитателей Юго-восточной Россіи, *Аланы*;: (1) говоривъ нашъ Типъ-Ливій.

Они потомки Массагетовъ (великихъ Гетовъ) (2), подъ именемъ коихъ древніе разумѣли всѣ неизвѣстные сѣверные народы Азіи, жившіе на восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря, гдѣ ны-

---

(1) Карамзинъ II.Г.Р. часть I. стр. 11.

(2) Аммианъ Марцелинъ.

нѣ обитають Туркестаны и Каракалпакн.— О нихъ часто упоминается въ Исторіи Скиѳовъ и Персовъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что *Алане* были *Скиѳы* (1), говорили по-Скиѳски, (2) не знали земледѣлія, сшрансшвовали по степямъ Европы и Азін въ шельгахъ, обитыхъ древесною корой. *Алане* поклонялись Мечу, какъ предки ихъ Скиѳы; не имѣли ни алшарей, ни храмовъ, были высокаго роста, проворны, смѣшны, бѣлокуры; смрастны къ войнѣ, жадны къ добычѣ и славилсь ошмѣнною храбростью. *Алане* почитали счастливыми шѣхъ, кошорые погибли въ битвѣ; смерть отъ смрастности казалась имъ посшдыною; подобно Скиѳамъ, они покрывали коней своихъ, какъ будшо чепраками, кожею убитыхъ враговъ; а черепъ ихъ упошребляли, какъ чашу.

Алане выпѣснили Сарматовъ изъ южной Россіи, и въ III вѣкѣ по Р. Х. сами пали подъ власть Гошѳовъ.

XII. Готы.

Готы (3) (у Тацита Gothones, у Плинія Cuttones, но не Gothoni Тацитовы или Cotini Діоновы, кошорые Гальскаго происхожденія) народъ Германскій, сперва имѣвшій жштельство на берегахъ Балшій-

(1) Сестренцевичъ, Исторія Таврш, ч. 1. стр. 241 и слѣдующія.

(2) Сравнительный Словаръ всѣхъ языковъ въ Свѣтѣ, составленный Палласомъ; Histoire des Huns et des Tartares, par de Guignes, ч: 1. кн. 4.

(3) Untersuchengeu über die nördlichen und östlichen Völker. Соч. Проф. Тушана. — И.Г.Р. соч. Караззина — Юриандъ о войнѣ Гошѳской. — Князь Щербатовъ, ишш. Росс. ч. 1. стр. 71, 72, 73

скаго моря между Вислою и Одеромъ, слѣдственно въ нынѣшней Прусской Польшѣ. Языкъ ихъ близко подходитъ къ древнему Франкскому. Подобно другимъ Германскимъ племенамъ, они имѣли длинные русые волосы и бороды, и носили шубы; но прошивъ обычая сихъ своихъ единоземцовъ имѣли Царей наследственныхъ. Подъ именемъ *Готтовъ*, народъ сей сдѣлался извѣстенъ въ 215-мъ году; вскорѣ занялъ важное мѣсто въ Историю, и въ продолженіи болѣе 500 лѣтъ постоянно славился въ Европѣ военными подвигами. Оставивъ жилища свои у Балтійскаго моря, на Вислѣ и Одерѣ, *Готы* бросились на Югъ, къ берегамъ Чернаго моря. Множество другихъ скишающихся Орды съ ними соединились. Такимъ образомъ, ужасные свирѣпостію и мужествомъ *Готы*, чрезъ непрерывныя нашествія и завоеванія, основали при Эрманарикѣ въ 350 году обширное Готское Царство, которое простиралось отъ Дона до Тисы, впадающей въ Дунай на границахъ Венгрии, отъ Чернаго моря до Вислы и Нѣмецкаго моря; слѣдственно вмѣщало въ себя Фракію, Мизію, (Сербію и Болгарію) Даکیю (часть Венгрии, Банатъ, Буковину, Валахію и Молдавію до Пруша), обширную часть Россіи, Польши и Пруссіи, а къ Северу заключало въ себя Славянскіе, Финскіе и Лашышскіе народы. Весьма естественнаго, что западные *Готы* вступили въ непріязненныя сношенія съ Римскою Имперіею, а Восточныя съ Византійскою. Два Императора сдѣлались жертвою сихъ

кровопролитныхъ браней, и Римъ и Византія покупали миръ съ ними подарками и золошомъ. Къ Готѣамъ прежде, нежели къ другимъ кочующимъ народамъ, проникла чрезъ Дунай Христіанская вѣра: Улфиласъ Епископъ Мезійскихъ Готѣовъ (и: е: живущаго въ Мезіи Готѣскаго поколѣнія) прославился въ 360 году изобрѣшеніемъ Германскихъ письменъ и переводомъ новаго завіша на Готѣскій языкъ. Изъ сего явствуетъ уже довольно значительная степень образованности сего народа; но не все Готѣы (*) сходствовали съ Мизійскими, жившими въ сосѣдствѣ и имѣвшими непрерывныя

(*) Для желающихъ знать судьбу сего воинственнаго народа, прилагаемъ слѣдующую выписку изъ новой Нѣмецкой Энциклопедіи.

Тѣснимые Гуннами, они испросили дозволеніе у Императора Валенція поселиться въ Византійскомъ Государствѣ, а именно въ опустошенной Фракіи. Вскорѣ притѣсненія Императорскихъ намѣстниковъ принудили ихъ къ бунту и кровопролитной войнѣ. Въ 378 году самъ Валенцій былъ совершенно ими разбитъ при Адрианополѣ, и на бѣгствѣ своемъ сгорѣлъ въ одной крестьянской хижинѣ, зажженной мятежниками. Съ сего времени они играли важную роль въ Константинополѣ. Въ 453 году восточные Готѣы заняли новыя земли въ Венгріи и Славоніи. Между тѣмъ западные Готѣы усилили власть свою въ Греціи и Италіи. Аларикъ въ 396 году съ непреодолимою силою ворвался въ Грецію, опустошилъ Пелопонезъ и сдѣлался Префектомъ Иллиріи и Царемъ западныхъ Готѣовъ. Въ началѣ пятаго столѣтія онъ устремился на Италію, гдѣ положилъ начало разрушенію Римской Имперіи. Чтобы одержать побѣду надъ Аларикомъ при Веронѣ (403), Римскій Полководецъ Стилихонъ приносинилъ къ себѣ все Римскія войска сплывшія на Рейнъ, и тѣмъ причинилъ такъ называемое великое переселеніе народовъ, ибо со всехъ сторонъ Германскія поколѣнія ворвались въ Галлію, Верхнюю Италію, Швейцарію и Испанію.

Аларикъ, скорѣ послѣ того, возвратился въ Италію и завоевалъ Римъ въ 409 году, а вторично въ 410 году. Послѣ смерти его, воспослѣдовавшей въ томъ же году въ Германіи, западные Готѣы обратились въ Южную Галлію и Испанію, и тамъ удалось имъ основать новое Западно-Готѣское Царство (Septimania, Gothia), кося главнѣйшя

сношенія съ Греціею. Около 369-ти лѣтъ огромное Готское Царство, терзаемое внутренними неустройствами, раздѣлилось на два: на Государство Восточныхъ Готѣвъ (Австроготы, Государство Греншунговъ) при Черномъ морѣ, отъ Дона до Днѣпра, и на царство Западныхъ Готѣвъ (Государство Геруинговъ) въ Даніи отъ Днѣпра до Дуная. За внутренними мятежами вскорѣ послѣдовали нашествія враговъ вѣнскихъ, когорые въ тѣхъ странахъ разрушили могущество Готѣвъ. Въ 375-мъ году безчисленныя полчища Гунновъ и побѣжденныхъ ими Аланъ, пришедъ изъ Азіи, ополкнули восточныхъ Готѣвъ отъ западныхъ, когорые подвинулись во Фракію.

Воейковъ.

(Будетъ продолженіе.)

1825, Іюня 10,
Царское Село.

части составляли Провансъ, Лангедокъ и Кашалонія, а столицею былъ городъ Тулуза. Около сего же времени (474) получили они письменные законы (Leges Visigotorum). Ненавпеснь Восточныхъ Готѣвъ къ западнымъ была причиною того, что и первые вскорѣ послѣ того подъ предводительствомъ Тевдерика пошли въ Италію, будучи къ тому принуждены Императоромъ Зинономъ въ Констанцінополь. (489). Въ 493 году сей Восточный Готѣвъ провозглашенъ Королемъ Италиискимъ и положилъ основаніе новому Восточно-Готскому Царству, которое, кромѣ Италіи, заключало въ себѣ Рецію (часть Швейцаріи и Тироли), Визиделцію (часть Баваріи и Швабіи), Норикумъ (Сальбургъ, Штейермаркъ, Кернтію, Австрію), Далмацію, Паннонію, Дакію по ту сторону Дуная, но въ 554 году опять разрушилось. Изъ сего явствуетъ, что Готѣвъ, сначала господствовавшие на Днѣпрѣ, Днѣпрѣ и Дунаѣ, потомъ въ Аонахъ, Римѣ, Тулузѣ, Голедѣ и Равеннѣ, составили важную эпоху въ исторіи народовъ. Должно отдать справедливость: они не пренебрегали искусствами и науками, какъ другіе хищные варвары: ибо задолго еще до нашествия на Италію, находились они въ сношеніяхъ съ Восточною и Западною Имперіями. Тевдерикъ, восшаняный при Дворѣ Констанцінопольскомъ, до того любилъ изящныя искусства, что учредилъ особое достоинство Графа изящныхъ искусствъ, Comes nitentium regum (Kunstgraf, главный надзирашель надъ художественными произведеніями) копорому поручено было сохраненіе древностей. Онъ не только повелѣлъ исправити древнія общественныя зданія въ Римѣ, но и другія города украсилъ новыми.

Л о д а.

Историческій анекдотъ.

Около половины XVII столѣтїя, въ селенїи Башешъ близъ Милана, въ двухъ миляхъ отъ Гренобля, жила молодая пастушка, по имени Клодина Миньё, извѣстная въ окрестностяхъ подъ именемъ *Лоды*. Она была скромная и благонравная дѣвушка, миловидная лицомъ, съ живымъ румянцемъ на щекахъ, и прелестная стройнымъ станомъ. Жанинь, писарь Г. Амплерё, владѣтеля замка Башешъ, увидѣлъ и полюбилъ *Лоду*; *Лодь* понравилась Жанинь. Но Жанинь не любилъ скромныхъ дѣвушекъ, и, казалось, искалъ только сердца, а не руки *Лоды*. Хотя она была молода и неопытна, однако же скоро замѣтила, что этакъ молодой человѣкъ не имѣешь на нее честныхъ видовъ. Самолюбіе всступилось за добродѣтель, и предохранило ее отъ сѣтей обольстителя. „За чѣмъ шакъ долго опкладывашь свадьбу, говорила *Лода*, если онъ въ самомъ дѣлѣ хочешь на мнѣ женишься? мнѣ минуло пшнадцашь лѣтъ, шесшнадцашь, хошѣла я сказашь. Другія подруги моложе, не пригожѣе и не умнѣе меня, выходяшъ замужъ: не ужь-шо думаешь Жанинь, что я не найду себѣ жениха? я могла бы выбрашъ любаго. Только-что покажусь на улицѣ, всѣ молодцы бѣгущъ ко мнѣ на встрѣчу: одинъ съ розою, другой съ фіалкою, прешій съ баншомъ,

четвертый съ ленпою; всё ищущь, мнѣ понравился. Берегись, Жанинъ, чшобъ я не наскучила швоею медленностью и не опдала руки своей первому молодому челоѣву, кошорый мнѣ понравился.“

Любовь *Лоды* къ Жанину съ каждыиъ днемъ становилась холоднѣе. Чѣмъ неопвязнѣе приступала Жанинъ, тѣмъ взыскашельнѣе была *Лода* за его пустыя опговорки, для кошорыхъ онъ опкладывалъ женишбу. Нѣсколько разъ примѣчалъ онъ, что *Лода* съ участіемъ слушала молодыхъ людей въ деревнѣ и шушила съ ними: онъ вздумалъ ревновашъ, досаждалъ ей упреками: тѣмъ хуже для него *Лода* не хошѣла и слушашъ. „Хорошо же, сказалъ онъ, я желалъ шолько продолжишъ весну любви нашей; лѣто опъ насъ еще не уйдешъ. Хочешъ ли ты, чшобъ я просилъ руки швоей у родшелей?“ — „Я должна повиновашъся опцу и мапери“ опвѣчала она, „эшо долгъ всякой дѣвушки.“ Она замолчала и пошушила глаза въ землю.

Онъ надѣялся, что сдѣлавшись, мужемъ *Лоды*, возвращишъ прежнюю любовь ея, и въ шопъ же день просилъ у Піетро и Тивены руки ихъ дочери. Опець *Лоды* согласился; онъ любилъ Жанина. Тивена была не однихъ съ нимъ мыслей. Жанинъ успѣшилъ сдѣлать нужныя приготошленія къ свадьбѣ, и закупилъ подарки для прекрасной своей невѣсты. Піетро, оставшись съ женою одинъ, началъ выхваляшъ Жанина: „правду сказашь, эшошъ молодець

не много поизбаловался обращаясь съ большими господами, особливо съ шѣмъ, у котораго онъ служилъ писаремъ; но что ни говори, а для *Лоды* онъ женихъ хоть куда: у него двѣ пары воловъ и большое стадо овецъ: поле и садъ его сполько приносятъ хлѣба и винограду, что ему эшого не прожешь съ женою и дѣтьми, если Небо ихъ ему даруешь. Онъ и намъ еще будетъ пособлять въ нуждѣ; одна только бѣда: мнѣ кажется, что онъ слишкомъ значень для нашей дочери.“ — „Писарь, слишкомъ значень?“ подхватила Тивена; скажи лучше, что онъ не стѣишь ее пальца; нашей *Лодинь* не стыдно быть супругою Принца, да, Принца! Развѣ ты забылъ, что сказала мнѣ Цыганка, къ которой ходила я гадать, когда родилась *Лода*; она будетъ Королевою, да, Королевою,“ — „Жена! оставь свои глупыя бредни; гдѣ ты найдешь у насъ такого жениха, какъ Жанинъ? если ешь у себя на примѣтъ лучше его, то укажи мнѣ.“ — Если бѣ я знала,“ прибавила Тивена, „то бы не спала молчать при Жанинѣ, да, не смолчала бы.“ — „Съ шобою не сговоришь!“ сказалъ Пьетро нахмурия брови, замолчалъ и вышелъ изъ хижины.

Между шѣмъ, влюбленный Жанинъ всего накупилъ къ брачному пиру и сполько же шоропилъ свадьбою, сколько прежде ее опкладывалъ. *Лода* не показывала ни веселости, ни грусти; смотря на нее, никто бы не повѣрилъ, что она помолвлена. Жанинъ изгошовивъ

все, какъ надобно, почель за долгъ, представивъ свою невѣсту Г. Амплерѣ, и просить его подписать свадебный контрактъ. Господинъ его былъ уже въ лѣсахъ, владѣль богатымъ помѣстьемъ; молодость свою провелъ онъ при Дворѣ, посреди забавъ блестящаго круга, и забытый свѣтомъ, оставилъ свѣтъ, чпобы кончить жизнь свою въ уединеніи. Онъ много слышалъ о красотѣ *Лоды*. Пріемъ молодой сельской дѣвушки въ замкѣ Г. Амплерѣ можно было назвать маленькимъ праздникомъ. Владѣтель замка былъ восхищенъ прелестями *Лоды*; онъ отдавалъ справедливостъ вкусу счастливаго своего писаря и ошмѣнно обласкалъ его прекрасную невѣсту. *Лода* и Тивена возвратились домой обвороченныя милостію Г. Амплерѣ.

Когда всѣ удалились, Г. Амплерѣ велѣлъ позвать къ себѣ писаря: „для швоей невѣсты не прищанешъ глупая одежда здѣшнихъ крестьянокъ; я беру на себя приготошить ей нарядъ къ вѣнцу. Завтра поушру поѣзжай въ Ліонъ; кешаши, тебѣ надобно исправить шамъ и другія дѣла, которыя необходимо шребуютъ швоего присутствія. Любовь швоя къ *Лодѣ* ручается мнѣ за шо, что шы скоро ихъ кончишь, а до того времени опкладывается и свадьба.“ Это приказаніе обрадовало и вмѣстѣ опечалило Жанина. Счастіе его было опсрочено; однако порученіе Г. Амплерѣ показывало лестную къ нему довѣренностъ и участіе, принимаемое имъ

въ *Лодь*. На другой день онъ извѣстилъ свою невшу и ея родителей о своемъ опъздѣ. Тивена съ дочерью, казалось, болѣе пому обрадовались, нежели опечалились — и Жанинъ былъ очень встревоженъ холодношью, съ какою невшта его сказала ему — проси!“

Въ пошъ же день, какъ Жанинъ опправился въ *Лионъ*, въ селеніи *Башетъ* случилось необыкновенное происшествіе, какого самые старые люди не могли запомнить: знашый придворный господинъ, владѣшель замка, посѣнилъ хижину бѣднаго поселанина. Онъ заспалъ одну только *Лоду* съ матерью; *Піетро* работалъ въ своемъ виноградномъ саду. Тивена, при видѣ *Г. Амплерѣ*, чуть не потеряла головы, *Лода* покраснѣла не столько опъ спыда, сколько изъ щеславія. Обѣ, мать и дочь, спараясь какъ можно вѣжливѣе приняшь шакого знашнаго гостя, въ суматохѣ, куда попало, побросали горшки, самопрялки, скамейки. Учтивый гость, казалось, не замѣчалъ безпорядка; онъ сѣлъ на спуль, кошорый одинъ только и былъ о чешырехъ ножкахъ, и когда *Лода* съ матерью нѣсколько пришли въ себя опъ перваго испуга, началъ говорить шакъ; „еслибъ я имѣлъ всѣ Королевскія короны, и всѣ земныя сокровища, то опдалъ бы ихъ первой красавицѣ; одна красота имѣешь право на сердце, на богатство и на корону.“ — „Да, на корону!“ робко примолвила мать, окинувъ взглядомъ спройный спанъ *Лоды*. — „У меня,“ продолжалъ важный владѣлецъ

зѣмка Башеша, нѣшь ничего, кромѣ замка, нѣсколькихъ домовъ, нѣсколькихъ пысячь десятинь земли, виноградныхъ садовъ, лѣсовъ, богатыхъ пасбищъ и многочисленныхъ стадъ; но и эшу бездѣлку повергаю къ ногамъ прелестной *Лоды*.“

Мать съ дочерью посмашривали другъ на друга и не знали, что имъ ошвѣчать. Какимъ чудомъ знашный господинъ вздумалъ искать руку бѣдной сельской дѣвушки? Г. Амплерё понялъ ихъ молчаніе и продолжалъ; „Писарь мой, Жаиниъ, шебя любишь, прекрасная *Лода*: хошя по роду и имѣнію своему онъ не заслуживаетъ такаія прелести называшъ своими, но я никогда не думалъ разлучашъ васъ, если сердца ваши согласны: любви одна только любовь бываешъ наградой; она замѣняетъ все, и сама ничѣмъ не замѣняется. Но Жаиниъ сказывалъ мнѣ, что онъ самъ заслужилъ швою холодность; вчера примѣшилъ я, что онъ и совсѣмъ потерялъ швою любовь. Сердце швое свободно. Еслибъ я менѣе уважалъ шебя, шо не преняшшвовалъ бы вашей свадьбѣ, и могъ бы надѣяшся, что въшренность моего писаря, время, мои исканія . . . . Но нѣшь, не эшой цѣною хочу я приобрьшъ сердце прекрасной, умной *Лоды*. Она должна бышъ украшеніемъ моего зѣмка, моею супругою.“

Такъ говорилъ Г. Амплерё и, прощаясь съ ними сказалъ, что на другой день онъ придетъ къ нимъ ошашъ услышатъ ошвѣшъ *Лоды*. „Подумай, при-

бавилъ онъ, цѣлуя у ней руку,“ что судьба обоихъ насъ зависить отъ твоего слова.

Тивена не успѣла еще проводить Сіятельнаго гостя, какъ кинулась на шею къ своей дочери, и прижавъ ее къ сердцу, вскричала: „теперь-то, милая моя *Лода*, теперь-то начинаешь сбываться предсказаніе Цыганки; ты хотя еще не Королева, но ужъ знашная дама, да, знашная дама!“ — Клодина была въ раздумьѣ. „Какъ! сказала мать, не ужъ ли ты думаешь еще о Жанинѣ, кошорый шакъ долго тебя проводилъ и чесшилъ, для того, что не могъ обесчестить?“ — „Я не шужу по Жанинѣ“ отвѣчала дѣвушка „Я ужъ не люблю ево; но онъ молодъ, а эшошъ господинъ спарь.“ — Опецъ швой былъ шакже не молодъ, когда на мнѣ женился, однако мы прожили вѣкъ свой счасливо. Подумай шолько, милая дочка! для тебя чешь сидѣшь въ церкви въ Баронскихъ креслахъ! гдѣ бы ты ни показала, всѣ будущъ говоришь: это Г-жа, д'Амплерѣ! кто тамъ идетъ? Поспоронись, поспоронись, Г-жа Амплерѣ! Да здравшвуешь Г-жа Амплерѣ! А мнѣ-шо какая будешъ слава, когда скажу: Г-жа Амплерѣ дочь моя! Тогда ужъ не буду знашь ни рабошы, ни забошы, не спану бояшься ни дожда, ни холодной зимы! Въ каминѣ всегда будешъ у насъ большой огонь, а на сполѣ жирное блюдо жаркаго; мы всѣ шогда проживемъ лишній десятокъ лѣшъ, если шолько я не умру отъ радости. Не надбно ни на минушу ошкладывашь

пвоего счастья. Побѣжимъ поскорѣй къ отцу, и расскажемъ ему, что ты сдѣлалась Корол . . . — Нѣтъ, барынею.“

Честный Пьетро выслушавъ свою жену, съ сердцемъ сказалъ ей: „Безумная, я хочу имѣть шакого заша, у котораго бы безъ чиновъ садился я за споль, и кошорому бы не спыдно было сидѣть со мной рядомъ. Куда какъ приспало пвоей дочери перемѣнишь вдругъ шерстяное платье на бархашное! не успѣешь она выйши замужъ за знашнаго барина, какъ научишь презирашь все, что прежде приносило ей радость и удовольствіе, все — даже своихъ родителей. Это все равно, чтобы мы за-живо похоронили *Лоду*; я ненавижу людей, которые ѣдятъ хлѣбъ и не знаютъ, какихъ шрудовъ стоишь его посяшь и убрашь въ жишницу; мужъ дочери моей долженъ самъ работашъ и снискивашъ себѣ насущный хлѣбъ шрудами. Что скажешь знашныя госпожи и знашныя дѣвицы, когда увидяшь *Лоду* госпожей? Что скажешь у насъ въ деревнѣ сосѣди и ее подруги? Не ряхнулась ли ты ума, Тивена! прошу тебя впередъ не говоришь мнѣ шакихъ глупостей!

Тивена и *Лода* не смѣли отвѣчать; добрый Пьетро разсердился не на шушку. Онѣ просили знакомыхъ, родню и сосѣдей уговорить его. Пьетро не хотѣлъ и слышашъ. Что дѣлашь? Какъ сказашь Г. Амплерѣ, что бѣдный виноградарь не хочешь выдашь за него дочь свою? Тивена тайно прокралась въ замокъ. Смущенный видъ ея не общалъ добрыхъ

дѣшей Г. Амплерѣ; но узнавъ настоящую причину, онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. „Если Пѣшро, говорилъ онъ, не хочешь, чшобъ я поравнялъ васъ съ собою, то я поравняюсь съ вами. Будь только осторожна, предупреди *Лоду*, и когда вы увидишь меня съ честнымъ Пѣшромъ, то дѣлайшь видъ, будто вы меня не знаете.“

Г. Амплерѣ созвавъ своихъ людей, накрѣпко запрещилъ имъ разглашать о новой перемѣнѣ его образа жизни, оставилъ замокъ и перешелъ жить на скошной дворъ, позади селенія. На другой день, переодѣвшись паспухомъ подъ именемъ Луки, онъ разсыпалъ сшадю свое около Пѣшрова виноградника. Лука былъ шакъ нископоклонень, шакъ осторожно держалъ свое сшадю, чшобы оно не попоршило деревьевъ, шакъ искусно выхвалялъ работу Пѣшро, его щерпѣливосшь, скромныя желанія, умныя разговоры, чшо въ короткое время успѣлъ ему понравиться. Скоро они сдѣлались друзьями: гдѣ былъ Пѣшро — тамъ и Лука. *Лода* и Тивена, имѣвшая шайныя свиданія съ пожилымъ Селадомомъ, пособляли ему, сколько могли. Между шѣмъ Жанниъ въ *Лионѣ* безпреспанно получалъ отъ своего господина новыя порученія, новыя приказы, ошдалавшіе возвратъ его къ невѣстѣ. Письма, писанныя имъ къ *Лодѣ* и отцу ея, не доходили до нихъ; слухи объ его невѣстѣ, хотя были для него не совсѣмъ печальныя, однако доказывали, чшо она не скучаешь его ошсущствіемъ.

Когда Г. Амплерё довольно увѣрился въ хорошемъ къ себѣ расположеніи спараго Піетро, по однажды, сидя съ нимъ подъ шѣнью густаго дерева, завель рѣчь слѣдующимъ образомъ: „Піетро, мы кажешся съ тобой пріятели; дружба швоя дѣлаешъ меня счасливѣйшимъ человѣкомъ. Одно шолько меня огорчаешъ: лѣпа мои и досшашокъ не позволяюшъ мнѣ бышь швоимъ зяшемъ.“ — Да, сказалъ Піетро, я и самъ опасуюсь, что шы дочери моей покажешся немножко спарообразымъ, а женѣ моей не шакъ богашымъ; правду сказашъ, жена моя очень чешполюбива.“ — Съ эшой спороны я не сполько опасуюсь, возразиль Лука: у меня кое-что найдешся еще, кромѣ эшаго спада; и шакъ, можешъ бышь, мнѣ удаешся уговорить Тивену. Въ разсужденіи *Лоды*, я не могу бышь увѣренъ въ успѣхъ и ей понравилъся; но въ домашнемъ бышу и шого довольно, если супруги живутъ ладно. Еслибъ шолько я былъ увѣренъ въ швоемъ согласіи, сполько же какъ въ ихъ . . . . — „въ моемъ, любезный Лука? по мнѣ хошь сей часъ; вошь шебѣ моя рука. Тупъ Лука не почель за нужное скривашъся долѣе и сбросиль съ себя личину. Піетро, узнавъ въ пріятели швоемъ господина Амплерё, хошьль извинилъся и напомнилъ ему о писарѣ, о кошоромъ-было совсѣмъ забыль.“ „Эшо молодой повѣса, сказалъ Баронъ,“ онъ думаешъ шолько о своихъ удовольствіяхъ. Еслибъ онъ любиль дочь швою, шо былъ бы здѣсь: ужъ съ мѣсяць шому, какъ онъ кончилъ дѣла свои въ Ліонѣ;

но нарочно опкладываетъ опъездъ свой подь разными предлогами, и мнѣ извѣстно, что онъ ведетъ шамь самую развращную жизнь. Впрочемъ, дочь своя его не любишь, и я бы не совѣшоваль шебѣ дѣлашь ее несчастною.“ Піетро пришелъ въ шупикъ, и не зналь, какъ отказать Барону. Наконецъ, они ударили по рукамъ.

Скоро во всемъ околоскѣ разнесся слухъ о семъ неслыханномъ и неравномъ супружескѣ. Дворянство показывало явное негодованіе; со всѣхъ сторонъ летѣли насмѣшки, сапиры, эпитагмы. Молва дошла и до Ліона. Жанинъ не вѣрилъ слухамъ; однако жъ шоропился возвращишься въ Башень. Онъ пріѣхаль шуда въ полночь, спучался у всѣхъ ворошъ зѣмка, но служители Барона объявили ему, что его не вельно шуда впускашь. Онъ спѣшишь въ хижину Піетро, спучишься; никшо не опворяешь, никшо не опвѣчаешь. Опчаяніе овладѣло имъ. Мысль поперяшь *Лоду*, была для него смершельнымъ ударомъ: но когда онъ вообразиль, что другой владѣешь *Лодю*, шогда безнадежность успушила въ сердцѣ его мѣсно ревности и онъ почувшвоваль весь адъ въ душѣ своей. Одно мщеніе и — самое ужасное — занимало его.

У подошвы горы, въ глубокой, мрачной пещерѣ жила спарушка, кошорая славилась даромъ предсказанія и волшебства. Мрачная ночь благопріятшвовала шайнымъ чародѣйствамъ. Жанинъ ею воспольшовался. Спарушка еще не заснула. „Тебѣ извѣстны

сокровенѣйшія мысли людей, вскричалъ онъ; ты знаешь причину моего прихода; если не можешь помочь любви моей, то пособи мнѣ опмстись.“ — „Сила любви выше моего могущества. Погасшая любовь никогда не возвращается. *Лода* любишь другаго. Если *Жанинъ* благоразуменъ, то найдешь себѣ другую. Сердце *Лоды* для тебя недоступно; тщетно хочешь ты возбудить въ немъ чувство.“ — Проклятая колдунья! ты не знаешь, какъ сильна любовь! *Лода* прежде меня никого не любила, можешь ли она забыть меня?“ Онъ кинулся въ лѣсъ и провелъ шамъ ошашокъ ночи.

Наспало утро; вся деревня была въ суматохѣ. Громъ пушекъ, колокольный звонъ, трубный шрескъ, пѣсни, радостныя восклицанія, праздничная одежда поселянъ и поселянокъ, все возвѣщало брачное шоржество Господина Амплерѣ. Бѣдный *Жанинъ*! поговорить съ *Піетро*, взглянуть на *Лоду* — какими надеждами не обольщаль онъ сердца, раздираемаго любовью и ненавистью, воспоминаніемъ объ ушраченномъ счастьи и ужасомъ настоящаго своего положенія! Онъ слышаль ликованье въ замкѣ и не могъ къ нему приближиться! видѣль *Лоду* въ саду, идущую подъ руку съ *Барономъ* и не смѣль ее вырвать изъ рукъ его! *Лода* сама примѣшила его, прокрадывающагося сквозь кустарникъ, невольный румянецъ выступилъ на лице ея: „не думали ль мы всѣ, говорила она сама себѣ, что *Жанинъ* въ *Лионѣ*, что онъ забыль меня? Ужь не обманули ль меня? Что сдѣлалось? Какимъ образомъ удалили бѣднаго *Жанина*?“ Она

хотѣла бы сдѣлать тысячу вопросовъ, и не смѣла сдѣлать ни одного.

Подъ стѣнами замка шумѣлъ горный пошокъ, быстро пропекая по каменному дну между скалами: насупротивъ его возвышался крушой, голый утѣсъ, нависшій надъ пошокомъ: съ вершины его можно было видѣть все, что происходило въ замкѣ. Жанинъ въ опчаяннѣ, забывъ страхъ, взошелъ на верхъ утѣса, и когда торжественные огни ярче запылали въ черпogaхъ, когда тихій свѣтъ луны озарилъ знакомыя ему окрестности, расперзанное сердце его довольно находило для себя пищи. Но скоро тучи заволокли луну, музыка въ замкѣ умолкла, огни поухли, повсюду распространилась мрачность. Опчаяннѣ его превратилось въ бѣшенство. Онъ идетъ на край утѣса, беретъ пистолетъ, прострѣливаетъ себѣ голову и кидается въ пропасть.

Лода слышала выстрѣлъ; шоска, беспокойство, — можетъ быть, любовь взволновали ея сердце и заставили ее помыслить о несчастномъ, котораго тщетно искали въ окрестности и уже на другой день узнали о печальномъ концѣ его.

Баронъ не долго былъ счастливъ въ объятіяхъ прелестной супруги и возвратился къ прежнему образу жизни; ему казалось, что онъ долго былъ въ горячкѣ и, наконецъ, опамятовался. Честный Пьетро высланъ изъ замка въ свой виноградникъ, а Тивена въ свою хижину; Г-жа Амплерѣ изрѣдка и по тайно имѣла позволеніе посѣщать бѣдныхъ сво-

пхъ родителей. Пьетро предвидѣлъ свое несчастіе: онъ перпѣлъ и молчалъ. Но Тивена, пакъ жестоко обманушая въ своихъ надеждахъ, не пропускала случая давать волю языку своему, какъ скоро заводили рѣчь о ея злѣхъ.

Впрочемъ *Лода* не долго сносила тяжкую свою участь. Г. Амплерѣ умеръ, оставивъ ее полною наследницею всего имѣнія, которое было очень значительно. Первою ея заботою было, щедро одаривъ родителей и поставивъ на берегу рѣки памятникъ несчастному Жанину. Оный предшавлялъ женщину, бросающую цѣпсы въ пусшую урну. Г-жа Амплерѣ не могла спокойно владѣть обширными помѣстьями своего супруга. Дальніе родственники его спекались со всѣхъ сторонъ: неравный бракъ подалъ предлогъ къ ябедѣ. Самое замужество ея хотѣли признашь незаконнымъ. Они завели тяжбу, и Г-жа Амплерѣ принуждена была ѣхать въ Парижъ для защищенія правъ своихъ. Красота ея обратила на себя вниманіе; она нашла сильныхъ засшупниковъ. Маршалъ Лопишаль, шарикъ лѣтъ семидесяти и давнишній вдовецъ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея покровителей: такое покровительство, безъ сомнѣнія, могло дать дѣлу прекрасной вдовы совсѣмъ другой оборотъ. Одно слово его . . . но онъ не хотѣлъ повредить доброй славы молодой женщины . . . злые языки нашли бы для себя пищу . . . словомъ, онъ предложилъ ей руку, прежде нежели принялся за ея дѣло. Его знатность лышила успешности *Лоды*.

Брачный союзъ съ старикомъ для нее не былъ уже новымъ; она знала, что старые мужья хотя не такъ любезны, но недолговѣчны. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что она облегчила полько сходъ въ могилу старому Маршалу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Маршалъ Лопишаль встрѣтился съ Г. Амплеріе на берегахъ Спикса, оставивъ жену свою бѣднѣе прежняго: ибо она получила отъ него въ наслѣдство одни полько долги. *Лодь* дорого стоило шипло Маршалши. Тивена съ воспоргомъ услышала о замужствѣ своей дочери съ Маршаломъ Франціи. Она все еще по прежнему была шщеславна; гордосшь ея, оскорбленная пошупками прежняго зящя, ушщшена была новымъ еще знашнѣйшимъ родствомъ. Но Пиетро ни мало шому не радовался; онъ часшо говорилъ съ горесшю: „Ахъ! отсюда далеко до Парижа; никогда уже не прижму ее къ моему сердцу, никогда рука ея не будешъ покоишься въ моей рукѣ!“ — Не о нашемъ счасшїи идешъ дѣло — швердила Тивена — а о счасшїи нашей дочери. Вошь, шеперь она Маршалша, а шамъ будешъ Принцессою, а шамъ Королевою, да, Королевою: я никогда не забуду предсказанїя Цыганки.“

Казимиръ II, Король Польскїй, сложивъ съ себя Корону, удалился во Францію, гдѣ получилъ въ удѣлъ отъ Людовика XIV Сенжерменское Аббашство. Ошрекшись отъ Престола, онъ сдѣлался образцемъ любезности и лучшаго тона людей. Увидѣвъ прелестную вдову Маршала Лопишаль, онъ плѣнился

Кн. XVII.

ея красою и умъль ей понравилсь. Казимиръ женился на ней шайно, но шайна ея открыша была оскорбленнымъ самолюбіемъ соперницы, не споль счастливой, и хопя *Лода* не называлась Королевою, но всъ знали, что она супруга Короля. Въшь о семь доспигла до бѣдной хижины опца ея, кошорый умеръ опъ печали, а машь ея опъ радости. Иоаннь Казимиръ скоро за ними последоваль, и *Лода* въ шрепій разъ оспалась вдовою, проживъ за шремя мужьями пятнадцать лѣтъ. Единешвеннымъ плодомъ сихъ супружескъ была дочь опъ Казимира, кошорую родшвенники сего послѣдняго не хопѣли признашь. Супружескво съ Королемъ Польскимъ не умножило ея богатштва, и наспушка, сдѣлавшаяся Королевою, имѣла несчасшіе видѣшь попомковъ своихъ еще въ бѣдшвеннѣйшемъ соспоянїи, нежели въ какомъ сама родилась. Многіе спарики въ Гренобль еще помняшь маленькую *Лоду*, кошорая возбуждала состраданіе прохожихъ слѣдующими словами: „подайше милосшыню внукъ Короля Польскаго!“ Эпа несчасшная была въ самомъ дѣлѣ правнукою *Лоды* Миннѣ.

Пер. В. Соколовъ.

Три дни моей жизни.

(Повѣсть Клаурена.)

I.

Передъ каждымъ почти домою кололи дрова; всѣ запасались на холодную зиму; одинъ только я бродилъ безъ надежнаго пріюта; одинъ только я не зналъ, буду ли имѣть свою шепленькую комнашку. Ахъ! богашые и знашныя люди совѣтъ не понимающъ, съ какими нуждами нерѣдко борется бѣднякъ; въ противномъ случаѣ они были бы гораздо снисходительнѣе, гораздо добрѣе.

Съ черешвою булкою и горстью чернослива въ карманѣ, вышелъ я за городъ въ рощицу, и шамъ на мягкомъ дернѣ пообедалъ съ большимъ аппетитомъ.

Солнце старинный другъ бѣдняковъ: оно оживило меня своими крошкыми лучами, и до того расслабило мои сливы, что поѣлъ бы еще, еслибъ ихъ только было со мною побольше. Пообедавъ, человекъ всегда бываетъ веселѣе; и я мало по малу развесялся, и подумалъ самъ въ себѣ: все пойдешъ на ладъ; Богъ себя не оставишь. Пшички наѣбающъ же въ кускахъ веселя пѣсенки, букашки весело жужжашъ въ шравѣ; почему же мнѣ не веселишься? Неужь-то Богъ одарилъ человека способностію размышлять о будущемъ единственно для того, чшобы обременять себя заботами, и шѣмъ лишашъ себя

шой веселости, кошорою наслаждаются все животноныя?

И пошому, я съ бодрымъ духомъ вспаль съ шравы и началъ прохаживашься по красивой рощицѣ, ибо я шущь на свободѣ чувшвовалъ себя гораздо лучше, нежели въ городскихъ спѣнахъ, въ душной каморкѣ госпожи Прецель, моей старушки - хозяйки. Но когда неизмѣнный другъ мой, солнце, все болѣе и болѣе спускалось на Западъ, и послѣдніе лучи его позлащали высокія вершины кипарисовъ, въ уныломъ безмолвіи осѣняющихъ гробницу обожаемой Королевы; когда все прогуливающіеся, оставя паркъ, поспѣшали въ городъ подъ сѣнь домашняго крова, и вокругъ меня ежеминутно спановилось пущье въ шемнѣющей рощицѣ, тогда и меня покинула бодрость: я съ горестію предвидѣлъ, что мнѣ, неизвѣстному, молодому и неопытному челоѣку, не скоро найши честный кусокъ хлѣба; что скудный кошелекъ мой, хопя за обѣдомъ ѣлъ я шолько хлѣбъ съ плодами, а вечеромъ ничего, долженъ вовсе испощиться черезъ нѣсколько недель, и что тогда не будетъ конца моимъ бѣдшвіямъ.

Черезъ паркъ, какъ извѣстно, ведеть большая дорога. По ней, какъ по самой крапчайшей, пущился я въ городъ, думалъ о своей доброй машері, и смощрѣлъ унылымъ взоромъ на вечернюю звѣзду, кошорая привѣшно сверкала на шемносинемъ небѣ.

Меня догнала щегольская бричка, и, по приказанію господина, ошпановилась въ небольшомъ ошъ меня

разшоялии. Вышелъ прешолешый мущина; онъ сказалъ кучеру, что намѣрень зайши къ Шмековскому, (первому Респорашёру въ паркѣ) выпить чашку чаю, и приказалъ ему ѣхать домой и сказать женѣ, чшобъ она ожидала его къ ужину.

„Слушаю, господинъ Коммисіи Совѣшникъ,“ отвѣчалъ кучерь, и прямо поѣхалъ въ городъ; шолешый же господинъ завернулъ на-лѣво въ шемную аллею.

На шомъ самомъ мѣшѣ, гдѣ онъ вышелъ, увидѣлъ я на дорогѣ чшо-шо бѣлое; я подошелъ и поднялъ запечашанный пакешъ, на кошоромъ въ сумеркахъ на-силу разобралъ надпись: *со вложеніемъ 30,000 талеровъ Государственными ассигнаціями.*

Спрѣлоу пуслился я въ слѣдъ за шолешякомъ, крича во все горло: „господинъ Коммисіи Совѣшникъ! господинъ Коммисіи Совѣшникъ!“ Но онъ исчезъ. На-право и на-лѣво извивались между кустами дорожки; я пуслился по одной, гдѣ слышался мѣшорохъ: и дѣйшшвишельно, какой-шо мущина съ дамою въ бѣломъ легкомъ одѣяніи мелькали въ кустарникѣ, но завидя меня, поспѣшно скрылись въ шемную аллею.

Человѣкъ сей — глаза по неволѣ измѣнили мнѣ въ шемношѣ — весьма походилъ на шолешаго Совѣшника въ бричкѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ; но вѣдъ онъ, говоря съ кучеромъ, упомянулъ о женѣ своей, и слѣдовашедьно ему не за чѣмъ было позднимъ вечеромъ здѣсь прогуливашся

съ дамою въ бѣломъ плашьѣ. Вѣрно, эшо кшо-нибудь другой прогуливается съ своею супругою.

Мой шолсмякъ хошьѣль зайши въ респорацию Шмековскаго: и шакъ я поспѣшилъ шуда.

Я пробѣжалъ по всѣмъ комнашамъ; вездѣ мушину и дамы, сидя за роскошными шоломи, ѣли и пили и разговаривали, и своими вкусными блюдами шакъ возбудили мой аппешисъ, чшо я съ радоспю подсълъ бы къ нимъ, еслибъ шолько имѣлъ хошя одинъ крейцеръ въ карманѣ — но шолсшаго Совѣшника не было. Погребщикъ, вѣрояшно замѣшивъ, чшо я пробѣгалъ всѣ комнашы, спросилъ меня, кого ищу.

Не заходилъ ли сюда какой-шо Коммисіи Совѣшникъ, человекъ прешолсшый; у него бричка запряжена двумя вороними . . . . . —

„А! Коммисіи Совѣшникъ Гельбахъ; нѣшъ, я его здѣсь не видалъ.“

— Не извѣшно ли вамъ, гдѣ онъ въ городѣ живешъ? —

„Въ дворцовой уллицѣ, въ большомъ домѣ съ балкономъ,“ отвѣчалъ погребщикъ, и довольно явно далъ мнѣ замѣпишъ, чшо ему нѣкогда раздавашъ адреса Коммисіи Совѣшниковъ.

Однако я уже доволенъ былъ и шѣмъ, чшо узналъ жишельсшво моего незнакомца. Я пушился въ городъ, и нашедъ означенный домъ, узналъ, чшо Гельбахъ живешъ въ первомъ ярусѣ, кошорый до послѣдняго окна былъ ярко освѣщенъ. Въ кухнѣ пылало огромное пламя, на кошоромъ можно было изжаришъ

цѣлаго быка, а поварь — сердце во мнѣ замерло — бросилъ цѣлую ложку масла въ огонь, чѣобы онъ ярче загорѣлся.

Я уже три недѣли не ѣлъ ничего кромѣ чоршваго хлѣба.

Весь обширный голунами лакей, на лицѣ котораго написаны были пьянство и праздность, довольно грубо спросилъ меня, за чѣмъ я пришелъ, и сказалъ мнѣ на опрѣзъ, что шеперь нельзя видѣшь господина Совѣтника. Когда я замѣшилъ ему, что мнѣ надобно вручитьъ ему нѣчто весьма нужное, что господинъ его непременно меня допустить къ себѣ, онъ наконецъ пошелъ доложить обо мнѣ.

Весьма хорошо поступали бы господа, еслибъ они каждое воскресенье крашкою, но вразумительною рѣчью внушали своимъ лакеямъ, что они ни что болѣе какъ лакеи, и слѣдовательно обязаны обращаться со всеми гораздо учтивѣе, нежели они обыкновенно дѣлають. Грубый слуга ужасно вредить доброй славѣ господина.

Я вытащилъ изъ кармана найденный пакешъ, чѣобы хорошенько разсмотрѣшь его у пылающаго очага, и къ удивленію моему сумма умножилась шестью тысячами: вмѣсто 30 увидѣлъ я на конверсѣ 36 ш. шалеровъ. Число *шесть* показалось мнѣ въ шемнофѣ нулемъ.

Наконецъ позвалъ меня Коммисіи Совѣтникъ, шакже человекъ довольно дородный, но не шощъ,

копорого я искалъ; онъ былъ въ богатомъ мундирѣ и въ башмакахъ.

Я смутился, но вкращѣ объявилъ ему причину моего прихода, и просилъ извиненія въ томъ, что ошвлекъ его опъ обществѣ.

„Эшопъ пакешъ не мнѣ принадлежишь,“ ошвѣчалъ онъ дружески: судя по адресу и вашему описанію, вы ищете Коммисіи Совѣтника Грейфера, хошя у него нѣшь брички, сколько мнѣ извѣсно; между шѣмъ мнѣ весьма пріятно, что пакешъ его попался въ честныя руки.“ Онъ описалъ мнѣ жишельство моего Коммисіи Совѣтника, спрашивалъ меня о моемъ имени, о моихъ семейственныхъ обстоятельствѣхъ, ошкуда я, чѣмъ занимаюсь, и ш. д.

Въ эшу минушу вошла молодая дѣвушка, и звала Г. Гельбаха въ гостиную; я хошѣлъ ошкляниться, но онъ началъ рассказывать своей дочери все то, что слышалъ опъ меня, и Розалія, смотря на меня съ улыбкою, казалось, забыла про гостей, и съ большимъ участіемъ вслушивалась въ то, что мы говорили.

Привѣнное и ласковое обращеніе Гельбаха поощрило меня; я смѣло и ошкровенно рассказалъ ему, что рано лишился ошца, воспитывался въ Гимназіи на казенномъ иждивеніи, попомъ училъ правамъ въ Университетѣ, и что теперь пріѣхалъ сюда искашь себѣ мѣста.

„Эшо не пойдешь такъ скоро, какъ я желалъ бы вамъ,“ замѣнилъ ошецъ благосклонно. „Легко мо-

жестъ спашься, что полгода проведешь безъ мѣста, а ваши финансы, можешь быть“ — —

— Нѣтъ! возразилъ я, тяжело вздохнувъ, ибо крайность моего положенія предспала мнѣ грознымъ спрашилищемъ, — сколько времени не могу ждаться.

„Зачѣмъ, любезный другъ! — не берегли вы сколько-нибудь на всякой случай.“ —

— Я получалъ на содержаніе ежегодно 60 шалеровъ, половину изъ нихъ посылалъ моей бѣдной матери, — ошвѣчалъ я, будучи огорченъ почти до слезъ ошъ несправедливаго упрека въ небрежливости.

„Чѣмъ же вы теперь живете?“ — спросилъ онъ гораздо благосклоннѣе: „гдѣ вы теперь имѣете сколько?“ —

Я молчалъ, и въ крайнемъ смущеніи опустилъ глаза въ землю.

Я никакъ не могъ рѣшиться сказать ему, что въ день не смѣю издержать болѣе двухъ грошевинокъ, если, паче чаянія, придется, ошъ чего Боже сохрани! прожить еще цѣлый мѣсяць безъ мѣста; еще менѣ признаюсь ему могъ я въ шомъ, что весь объѣдъ мой состоишъ изъ горсти плодовъ и куска хлѣба. Я чувствовалъ, что лице мое запылало ошъ стыда, и щеки мои горѣли какъ огонь. Въ глазахъ Розалии навернулись слезы: она взглянула на ошца; онъ пригласилъ меня ошпашься ужинашъ; „мы празднуемъ сего дня,“ — примолвилъ онъ — день рож-

денія моего сына, и мнѣ весьма пріятно будетъ познакомиться его съ вами. —

„Но мнѣ необходимо нужно было возвратишь Господину Грейферу пошеранный имъ пакетъ съ деньгами; и шакъ, извиняясь въ помъ, что принужденъ ошказашься ошъ лесшнаго предложенія, поспѣшилъ я въ домъ другаго Коммисіи Совѣтника.

Бричка дѣйствительно спояла на дворъ, но его самого не было еще дома.

Я спалъ дожидашься.

Наконецъ пришелъ онъ; я началъ было съ нимъ говоришь; „сей часъ, сей часъ!“ пробормошалъ онъ, и пошребовалъ огня и фонарей, и послалъ за кучеромъ, лакеями и за кухаркою: всѣ должны были немедленно явишься, чшобы вмѣстѣ съ нимъ опыскашь какую-шо вещь. Онъ спрашнымъ образомъ кричалъ и суешилъся, непрерывно швердя, что выронилъ изъ кармана бумаги, и что если не найдущься въ бричкѣ, шо онъ въ-конецъ раззоришься.

— За шѣмъ-шо я и пришелъ, — сказалъ я шихимъ голосомъ, но онъ меня не слышалъ, ибо въ эту минушу явился кучеръ съ фонаремъ, лакей съ двумя свѣчами, а кухарка съ лампою.

Дужій Совѣтникъ съ бышпрошою молніи влешѣлъ въ бричку, и грянулъ во всю длину ея. Кухарка, смошря на паденіе живой громады, принуждена была зашкнушь себѣ ротъ передникомъ, чшобы не расхошашься во все горло. Все перерылъ онъ: въ соломѣ и сѣнѣ подъ козлами шарилъ онъ съ удиви-

шельною скоростию, какъ будто бѣгали шумъ нѣсколько тысячъ мышей. Онъ кружился въ бричкѣ какъ флюгеръ, такъ что я самъ едва могъ удержаться отъ смѣху. Но шумъ схватилъ онъ за воротъ кучера, копорый, держа фонарь, также заглядывалъ въ бричку, и въ бѣшенствѣ закричалъ „бездѣльникъ, ты украдъ, признайся, или я прикажу связать тебѣ руки.“

Чтобы освободить бѣднаго кучера изъ рукъ неистоваго Совѣтника, я пробрался поближе къ экипажу, и сказалъ довольно громкимъ голосомъ: Милосливый Государь! у меня вѣроятно ша вещь, копорую вы ищете.

Однимъ прыжкомъ выскочилъ Грейферъ изъ брички, и прямо ко мнѣ: онъ схватилъ меня за плечо и спрашивалъ по робкимъ, по радостнымъ, по неперѣлпвымъ голосомъ: „что у васъ есть? что я искалъ? кто вы такіе? откуда вы пришли? гдѣ вы нашли? говорите, сударь!“

Я хотѣлъ освободиться изъ нѣжныхъ объятій Совѣтника, но онъ вцѣпился въ меня такъ крѣпко, что всѣ мои усилія вырваться были тщетны.

— Я не знаю впрочемъ, то ли вы теперь ищете, что я нашелъ, — сказалъ я съ улыбкою, ибо мучительное безпокойство дюжаго Совѣтника показалось мнѣ очень смѣшнымъ.

„Пойдемте со мною,“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо; здѣсь при людяхъ и чужомъ кучерѣ не хочется мнѣ назвать сумму.“

Мы отошли въ сторону; онъ назвалъ сумму, описалъ пакетъ, и обнялъ меня съ восторгомъ, когда я вручилъ ему бумажнаго найденыша.

„Требуйте, что хотите,“ сказалъ онъ тихимъ голосомъ: „избавитель мой! скажите, чѣмъ могу вамъ служить?“ — Тутъ онъ поспѣшно влѣзъ въ карманъ, и всунулъ мнѣ въ руку маленькую серебряную монету, а людямъ сказалъ опмѣнно ласково, чпобы они переслали искашь, что я-декашь нашель и принесъ любимую его прубку, кошорую онъ дорогою выронилъ изъ кармана.

Я принудилъ его взять обратно серебряную монету, и никакъ не могъ скрыть маленькое негодованіе на его обидный подарокъ..

Онъ замѣшилъ эшо, посмошрѣлъ на монету, и началъ извиняшься, что далъ ее ошибкою вмѣсто лудора, и съ той минушы обращался со мною гораздо ошорожиѣе и учпивиѣе.

Онъ пригласилъ меня войши, и вмѣстѣ съ нимъ ошужинашь. Боясь обидѣшь его ошказомъ, я согласился, хошя, признаюся, охониѣе ужиналъ бы у шоварища его Гельбаха.

Когда по шребованію его спалъ я рассказывашь исторію моей находки, и между прочимъ упомянулъ о дамѣ въ бѣлой одеждѣ, онъ просилъ меня, въ присутствіи жены не говоришь ничего о семь произшесствіи, пошому что жена будетъ осыпашъ его упреками, кошорыя онъ конечно заслужилъ, пошеравъ изъ кармана шоль значительную сумму денегъ.

Что же касается до дамы въ бѣлой одеждѣ, то онъ готовъ божишься, что я на-вѣрно ошибся; но жена его въ эшомъ споль щекотлива, что и малѣйшее подозрѣнiе можешь надѣлать ему множество бѣдъ.

Тутъ насъ позвали къ столу; хозяйнѣ представилъ меня женѣ, какъ сына своего спариннаго знаконца. Госпожа Грейферъ, десятиью годами спарше своего мужа, сухощавая, угрюмая, сидѣла прошивъ меня.

Прiятный запахъ жареныхъ дроздовъ поднялъ голодъ мой на спенень крайней жадности, а съ корицы и миловиднаго изюма на яблочномъ компотѣ не могъ я свесити глазъ.

Но судьба, кажешся, вздумала подшутити надъ моимъ аппетиномъ, дроздовъ было шолько чешыре; а яблочный компотъ едва покрываль дно маленькой десертной шарелочки.

Хозяйка присвоила себѣ пару жареныхъ пшичекъ, а намъ доспалось каждому по одной; съ компота она искусно сняла корицу и весь изюмъ, и великодушно оставила намъ шоненькой слой, какъ листъ почшовой бумаги.

Къ счастью, кусокъ хлѣба съ масломъ спасъ меня ошь голодной смерши. За 36,000 шалеровъ, думаль я самъ въ себѣ при всей своей скромности, безъ зазрѣнiя совѣсти можно наѣстися хлѣба съ масломъ; однако не смощря на спрашный голодъ, я положилъ преграду моему аппетишу, когда при пляшомъ кускѣ,

кошорый поднесъ мнѣ Совѣшникъ, глаза мои встрѣпились съ свирѣпымъ взоромъ почтенной хозяйки.

За споломъ разговоръ нашъ между прочимъ конулся до меня, и когда Грейферъ узналъ, что я ищущу мѣста, то сказалъ съ примѣшнымъ удовольствіемъ: „Насъ, кажешся, свело само Небо; сегодня я былъ у Графини Шаумбахъ, кошорая поручаетъ мнѣ всѣ дѣла свои въ здѣшней столицѣ; домашній Секретаръ ея вступилъ въ Королевскую службу; она поручила мнѣ, на мѣсто его, рекомендовать ей искуснаго письмоводителя, а теперь я совершенно удостоверился, что не могу сдѣлать лучшаго выбора, предлагая вамъ сіе мѣсто. Если вы согласны, то позжайте завтра въ Графининъ экипажъ, въ кошоромъ я сегодня пріѣхалъ въ городъ; я дамъ вамъ рекомендацельное письмо къ Графинѣ, и вы непременно получите Секретарское мѣсто.

Еслибъ онъ мнѣ прежде сказалъ о томъ, я бы съ радости не съѣлъ ни одной крошки въ угожденіе его милой супругъ; вошь истинно магическая сила обворожительныхъ словъ! голодъ мой совершенно вдругъ исчезъ; я чувствовалъ себя въ полной мѣрѣ сытымъ, и внѣ себя отъ восторга, гошовъ былъ заключить весь міръ въ свои объятія; само собой разумѣется, что я тотчасъ согласился. Хозяинъ весьма подробно рассказывалъ мнѣ о всѣхъ достопамятностяхъ города Флизерица и двадцати деревень, принадлежащихъ Графинѣ, о превосходныхъ

льсахъ, изобилующихъ самою рѣдкою дичью, и превозносилъ до небесъ бывшаго Секретаря Графинина, кошорый каждый годъ снабжалъ поварню его зайцами, рябчиками и фазанами. И нынѣшній Секретарь, замѣшилъ онъ, опредѣленъ по моей рекомендаціи, и въ знакъ благодарности онъ навязалъ мнѣ десять полновѣсныхъ голландскихъ червонцевъ.

Я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, какъ предложивъ денежный подарокъ шакому человѣку, кошорому возвратилъ я 36,000 шалеровъ, но превозмогъ себя и сказалъ, попушивъ глаза въ шарелку, что я съ радостію готовъ пожертвовать двадцашью червонцами, если только получу Секретарское мѣсто, и шолский Совѣтникъ пошчасъ вельѣлъ принести изъ погреба бушылку вина, чтобы съ новымъ молодымъ Секретаремъ выпить ее за здоровье старой Графини.

Онъ попребовалъ бургонскаго, но то, что желтолицая Совѣтница налила мнѣ кошняною рукою, было прекислое домашнее вино. Впрочемъ, еслибы это былъ и уксусъ, я бы выпилъ его охотно, ибо мы пили за здоровье дамы, ошъ кошорой зависѣло мое счастье.

Послѣ ужина онъ повелѣ меня въ свой кабинетъ, заспавилъ меня написашъ обязательство на выдачу ему двадцати полновѣсныхъ голландскихъ червонцевъ и приказалъ мнѣ явиться завшра въ 8 часовъ ушра, для полученія рекомендашельнаго письма, съ кошорымъ мнѣ должно было опсправиться къ Графинѣ.

Идучи домой, а кошѣль-было мысленно разругашъ въ пухъ корыстолюбиваго Совѣтника и скупую супругу его и письменное обязашельство, но вспомнивъ, что черезъ него получилъ мѣсто, я забылъ легкую рану, кошору ю нанесть онъ моею свѣжей младенческой вѣрѣ въ благородство и безкорыстныя людей.

Почти всю ночь лежалъ я въ постелѣ безъ сна. Въ желудкѣ я нечувствовалъ никакой боли, да и голова моя нимало не была опухманена доморощеннымъ виномъ Совѣтника, но радость обуревала мое сердце; я гошовъ былъ просидѣвъ всю ночь, и писалъ моею бѣдной мешери, ибо кромѣ ея, никто на свѣшъ не принималъ еще во мнѣ ни малѣйшаго участвія. Да и сверхъ того душа моя возвышалась гордымъ и вмѣстѣ благодѣшельнымъ чувствомъ, что я счастлиемъ своимъ обязанъ одному себѣ, одной своей честности: еслибъ я поступилъ безчестно и присвоилъ бы себѣ пакешъ съ 36 ш. шалеровъ, то никогда не познакомился бы съ дюжимъ Совѣтникомъ, и слѣдственно никогда не сдѣлался бы Флизерицкимъ Секретаремъ Ея Сіашельства.

II.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. На другое утро я отправился въ Флизерицъ.

Мой почтеннѣйшій Грейферъ снабдилъ меня рекомандашельнымъ письмомъ и самую почною инструкцію, да и сверхъ того далъ мнѣ разные намѣтки, чтобы я, опредѣлившись Секретаремъ, поручалъ исключительно ему одному закупку всякаго рода про-

визіи для Графини и снабжалъ бы его дровами, хлѣбомъ, пивомъ и дичью. „Одна рука моетъ другую; примолвилъ онъ: „мы будемъ жить друзьями, — и каждый изъ насъ найдетъ свою выгоду.

При разсѣваніи, онъ навязалъ мнѣ еще лошаденный билетъ, и замѣшилъ съ прищворнымъ чистосердечіемъ, что деньги за него теперь ему не къ спѣху, и что мы сочтемся.

Утро было прекрасное, дорога безнодобная; сначала ѣхали мы по шоссе, а потомъ проселочною дорогою, между пашнями, лугами и мѣлкимъ кустарникомъ.

Изъ всѣхъ деревень, черезъ копорья проѣзжали мы, передъ нами и за нами шли и ѣхали въ Флизирицъ многочисленныя шолпы нарядныхъ поселянъ и поселянокъ. Тамъ была ярмонка, какъ мнѣ сказывалъ кучеръ. Я потчасъ проѣжалъ мысленно классическое сочиненіе Смита о народномъ богатствѣ, и сидя преспокойно въ бричкѣ, начерпалъ и уничтожилъ тысячу плановъ, какъ доведши до высочайшей степени совершенства промышленность и торговлю Флизерицкихъ жителей.

Черезъ нѣсколько времени погода спала пасмурнѣе, небо покрылось облаками, и вдругъ дождь полился ливнемъ; мы принуждены были осѣановиться среди ошкрышаго поля: ибо въ прехъ шагахъ не видать было ни зги. Я съежился подъ корошенькимъ плащемъ моимъ, и опъ того неслишкомъ промокъ, но шуда, гдѣ шажешь моя произвела блюдообразное

углубленіе въ кожаной подо мною подушкѣ, вся вода ешекала съ плаща, шакъ чшо я сидѣлъ, какъ въ морѣ.

Несчастливая шуча надъ нами промчалась, дождь пересталъ, но — мое нанковое плашье — о Небо! — до шого промокло, чшо можно было бы выжашь изъ него другой порядочной дождикъ. Я не походилъ уже на человѣка, а на морское чудовище. Какъ явишься къ Графинѣ?

Смершная шоска овладѣла мною, когда я взглянулъ на свое изгаженное исподнее плашье. Неужшо, подумалъ я самъ въ себѣ, ничшожнымъ проливнымъ дождемъ, какъ пыль, смышы съ лица земли всѣ мои надежды, всѣ мои виды на счастливую будущность?

Съ ужасомъ узналъ я, чшо намъ остаешся ѣхашь шолько два часа, а въ шакое корошкое время плашье мое не могло высохнушь безъ насильственныхъ средствъ. Но вдругъ мелькнула счастливая мысль, ибо нужда изобрѣшательна: я выпрямилъ въ бричкѣ, схватилъ одною рукою за спину козелъ, другою вынулъ изъ кармана плашокъ, и началъ имъ шерешь изо всѣхъ силъ мое наводненное плашье.

Я давно уже чипалъ и перечишывалъ всѣ древнія и новѣйшія сочиненія о средстввахъ осушенія, но всѣ они шущь были бесполезны; одна шолько крайняя нужда сдѣлалась моею наставницею. Извѣсно, чшо дикари съ особенною ловкостію, посредшвомъ скорого шренія, извлекающъ огонь изъ двухъ кусковъ сухаго дерева. Еслибъ въ нанкѣ и карманномъ плашкѣ моемъ заключалась хошя одна искра огне-

швора, они вѣрно бы запылали: шакъ неупомимо перья, и поелику постоянный прудъ почвы всегда увѣнчивается счастливымъ успѣхомъ, то и я, къ величайшей моей радости, замѣшилъ, что темныя мѣсна мало по маду прояснѣли, а мокрыя высохли.

Свѣжій упреній въперокъ; который подулъ съ востока, чудеснымъ образомъ способствовалъ моимъ спараніямъ: я обернулся къ нему спиною; поднялъ обѣ полы фрака; и далъ ему волю душъ.

Флизерикія ярмоночныя путешественницы вѣрно удивлялись моимъ зашѣямъ; ибо нѣ, кошорыя шли по лѣвую сторону брички, видѣли меня шолько сзади, потому что лицомъ я споялъ къ западу; но мысленно прославлялъ я власпишеля въпровъ, который для меня и позади меня шворилъ великія чудеса.

Я почти уже возвратился въ первобынное состояніе, когда кучеръ бичемъ указалъ на прибашни, примолвивъ: вошгъ замокъ, Церковь и Рашуша Флизерица; въ эту минушу загремѣлъ подъ нами маленькій деревянный мостъ, и мы находились во владѣніяхъ Сіашельной Графини.

Споя (на подушкѣ, насквозь промоченной опъ дожда, не могъ я сидѣть ни подъ какимъ видомъ,) осмашривалъ я обширные предѣлы моего будущаго круга дѣйшвія. „Все, что видимъ шеперь подъ раскинутою нами лазурью небесною,“ сказалъ кучеръ, погладивъ усы свои, „принадлежитъ намъ; наша Графиня ужасно богата; вѣрше мнѣ, или

нѣшъ, какъ хопише, но она получаешъ каждую чешвершъ часа по червонцу; эшо истинная правда.“

Съ какимъ-шо особеннымъ чувствомъ мѣрять я глазами длинную цѣпь опдаленныхъ горъ покрытыхъ кудрявымъ лѣсомъ.

Мнѣ казалось, какъ будшо всевышнія силы ниспослали меня сюда посредникомъ между владѣтельницаю сихъ земель и ихъ жипеляли, дабы ревностно служилъ я первой, и распроспранялъ бы ея благодѣянiя между послѣдними.

Я мысленно обратился уже въ рай все помѣспья Графини, водворилъ спокойствiе и благословенiе, какъ въ замкѣ обожаемой владѣтельницы, шакъ и во всѣхъ хижинахъ сельскихъ жипелей. Душа моя ушопала въ восторгѣ ошъ счастливаго жребiя, мнѣ предшоявшаго; я далеко распросперъ обяшiя, какъ будшо хошѣлъ прижашъ къ шрепещущему ошъ радости сердцу всѣхъ, которые съ сей минушы, казалось, уже повѣрены моему попечительному надзору.

Двъ капли купоросной кислошы, два чернильныхъ орѣха—и все мои прелеспныя мечшы разсѣялись!!!

Жалкіе люди! самый ничшожный случай разрушаешъ все ваши планы, все ваши замысловашые расчешы.

Къ самому полдню прiѣхалъ я въ свою новую столицу. Мнѣ показалось непристойнымъ прямо ошправиться въ замокъ. Люди, можешъ бышь, по-

думали бы, что я нарочно приехал за обѣдомъ; а я вѣдь занятъ былъ гораздо важнѣйшими дѣлами.

Я вышелъ изъ брички, приказалъ кучеру вѣхашъ въ замокъ, а самъ направилъ пушъ къ ближайшему прахширу подъ вывѣскою *Дракона*.

Изъ шумной билліардной повели меня въ другую комнату, назначенную для спешенныхъ ярмоночныхъ гостей, гдѣ сельскій Паспоръ, и другіе знашныя приѣзжіе изъ столицы обоего пола, сидѣли уже за обѣденнымъ споломъ.

Будущему Секретарю Сіяшельной Графини весьма бы не приспало, еслибъ онъ забился въ какой-нибудь уголокъ. Назовище эшо чувствомъ приличія, или свѣшскимъ шакшомъ, или внушеніемъ гордосши, какъ хошите; но я подсѣлъ къ пирующимъ госшамъ, копорые въ запуски убирали говядину съ крупнымъ изюмомъ, и холодную рыбу съ горячею капустою, и жирныхъ гусей, начиненныхъ черносливомъ.

Одинъ шолько я, несчастшный, за свои звонкія деньги, не имѣлъ ни крошки апнешима.

Ежеминутно былъ я въ опасности подавиться: дыханіе у меня занялось совершенно, какъ будто кшо-нибудь бичевкою зашянулъ горло. Сначала почишалъ я эшу смершную шоску за страхъ ошъ предшоявшаго мнѣ свиданія съ Графинею; но въ послѣдшвіи я узналъ, что эшо было нѣчто другое. Съ сего времени я вѣрю предчувшвію.

Ошъ всѣхъ блюдъ я шолько ошвѣдывалъ; въ шо самое время, какъ я принялся грызть превкусную

гусиную ножку, вошелъ къ намъ почильщикъ и просилъ смиреннымъ голосомъ: „не сдѣлаешь ли кпо-нибудь изъ господъ милоспъ, напишешь ему корошенькое прошеніе: онъ имѣлъ-де такія-то и такія-то непріятности съ городовымъ писаремъ, и шенерь принужденъ подать въ шаможию письменное прошеніе; но, присовокупилъ онъ, пожимая плечами, много не могу заплашпшь вамъ за прудъ, милоспшвые государи; я бѣденъ, и сего дня еще не выработалъ себѣ ни одного пфеннинга.“

Сельскій Паспоръ и я вспали въ одно время; но поелику онъ ближе сидѣлъ къ письменному сшоліку, сшоявшему въ углу комнаты, и собирался уже исполнить просьбу почильщика, то я опять сѣлъ на свое мѣсто.

Паспоръ, кажешся, былъ близорукъ: онъ не успѣлъ еще сѣсть, какъ опрокинулъ чернильницу; жена его захохотала во все горло и замѣшила, что она предчувствовала худыя слѣдствія его услужливости, зная, что очки его оспались въ коляскѣ.

Тутъ я вспалъ и подошелъ къ письменному сшоліку, покрытому зеленымъ сукномъ. Служанка, между шѣмъ, вышерла чернила, и въ нѣсколько минушь бумага была готова къ величайшему удовольствію почильщика. Но какъ описашъ мой ужасъ, когда я вспалъ и увидѣлъ на обоихъ колѣнахъ два чернильныхъ пшшна, величиною съ ладонь? Края зеленого сукна висѣли, по крайней мѣрѣ, на поларшшна. Служанка, кошорая выширала сшоль, забыла

вычислешь пошъ край, по кошорому разлились чернилы, а я будучи заняшь шочильщикомъ и сочи-неніемъ просьбы, не обращилъ на шо ни малѣйшаго вниманія.

Какъ оглушенный громомъ, вскочилъ я со стула, и опасаясь бышь осмѣянъ гостями, опромешью ки-нулся къ ближайшей двери, и рассказалъ шракшир-щику свое несчастіе.

„О! эшому скоро можно помочь,“ отвѣчалъ сей; подлѣ насъ аптека: вывести эши пяшна суцая бездѣлица для моего сосѣда, господина Апшекаря.“

Опусшивъ салфешку на колѣна, вмѣсто перед-ника, чшобы огромныя чернильныя пяшна не слу-жили посмѣшищемъ ярмоночной публикѣ, я спрѣлоу побѣжалъ въ аптеку.

Съ шрудомъ пробрался я сквозь шолпу креспья-нокъ, кошорыя въ своихъ широкихъ фланелевыхъ юпкахъ и съ большими корзинами на плечахъ со всѣхъ сторонъ осаждали прилавокъ, на цѣлый годъ запасаясь шпанскими мухами, ревенемъ и гипекакуа-номъ. Самъ Апшекарь обѣдалъ, а Провизоръ, дру-жески увѣряя, чшо онъ немедленно мнѣ поможетъ, избавилъ меня шѣмъ ошъ мучительной шоски въ раз-сужденіи чернильныхъ пяшенъ, съ кошорыми ни подѣ какимъ видомъ не могъ явиться къ Графинѣ.

Услужливый Провизоръ спрѣлоу вскочилъ на ска-мейку, снялъ съ полки склянку съ какою-шо про-зрачною жидкостію, вылилъ нѣсколько капель на мои колѣна, и пошомъ покрылъ мокроу шряпицею,

что-бы ослабишь разрушительную силу миссической влаги.

Между тѣмъ, какъ происходила сія операція, которую сопровождалъ я тысячью шажкихъ вздоховъ, вошла въ Апшеку 17-ши-лѣшняя дочь Арендашора, давнишняя знакомка Провизора. Онъ привѣтствовалъ красавицу неиспощимою рѣкою прищорныхъ учтивостей, а я, краснѣя отъ стыда, скорѣе закрылъ колына салфешкою, и во все продолженіе ихъ разговора находился въ пышкѣ мучительной неизвѣстности, чѣмъ кончишься лѣченіе моего чернильнаго Докшора.

Провизоръ и сельская красавица рассказывали другъ другу тысячу новостей. Всякъ подумалъ бы, что одинъ спустился съ луны, а другая съ Урана, что оба не видались нѣсколько спольшій, сполько чудесъ сообщали они другъ другу, а все, что они рассказывали, были однѣ самыя пусшѣйшія сплешни. Наконецъ мой Лейбъ-Хирургъ съ коварною улыбкою спросилъ полнощекую Арендашорскую дочь: правда ли, что она въ скоромъ времени будешь Госпожею Секрешаршею? и сердце мое замерло, когда я замѣшилъ, что лице красавицы вспыхнуло яркимъ румянцемъ, и она, спыдливо пошупивъ глаза, ошвѣчала: „сего дня мы помолвлены, впрочемъ женихъ мой не остаеися болѣе Секрешаремъ при Ея Сіапшельствѣ, а будешь опредѣленъ спаршиною мяснаго цѣха.“

Такъ это невѣста моего предшественника, думаль я самъ въ себѣ.

Тутъ спаль я принималъ близкое участіе въ дочери Арендашора: я почивалъ ее, шакъ сказашъ, и мою невѣсткою, и мнѣ казалось, какъ будто мы оба находимся въ шѣсномъ отношеніи — женишься. Объ этомъ я никогда еще и сонный не мечпалъ, а мысль сія какъ молнія блеснула въ головѣ моей, когда красавица съ очаровательнымъ просподушіемъ примолвила, что свадьба все-таки не была бы сыграна въ Ноябрь мѣсяцъ, еслибъ женихъ ея и осшался Секретаремъ при Графинѣ.

И шакъ я могу женишься, когда захочу; ибо Секретарское мѣсто, узналъ я шеперь, доспашочно для содержанія жены и цѣлаго семейства.

Теперь, шакъ-то эгоизмъ людей — каждое слово милой невѣсты — показалось мнѣ интереснымъ. Къ несчастію, нашъ дружескій разговоръ былъ прерванъ крестьянкою, кошорая въ шу самую минушу, когда преумный Провизоръ со всѣмъ не къ спаша осприлъ свой языкъ насмѣшками надъ супружесвомъ, пошребовала у него оленьего рогу въ порошокъ; будущая Ревизорка ошкланялась, а я, сдѣлавшись еще жаднѣе, чѣмъ когда-либо, до Секретарскаго мѣста, безмолвно спросилъ моего Лейбъ-Медика, указывая на свои колѣна, не пора ли возобновишь операцію.

„Не нужно будешь!“ — возразилъ Апшекаръ, съ гордою самонадѣянностію, снимая салфешку съ

колѣнь: и кто опишетъ мою радость, когда увидѣлъ я, что спранные чернильныя пашна дѣйствительно исчезли? По краямъ прежнихъ безобразныхъ фигуръ, хотя и ошливались еще слабыя опшѣнки, но можно было надѣяться, что лишь только совершенно высохнутъ колѣна, то изгладятся и сіи послѣдніе признаки случившагося шущь несчастья.

Нѣсколько грошей были цѣною сего волшебнаго искусства.

Съ благоговѣйнымъ изумленіемъ оставилъ я обителю Элевзинскихъ шамисшвъ, благоустроенную апшеку, и благодаря Провидѣнію за то, что я не родился въ тѣ мрачныя времена грубаго невѣжества, когда наши добрые прадѣды и понятія не имѣли ни о фармакопсѣ, ни о скорыхъ средстввахъ выводисш чернильныя пашна, выступилъ я на рынокъ, и направилъ пущь къ шракширу.

Женишьяся! —

Эша мысль крѣпко застѣла въ головѣ моей. На цѣломъ земномъ шарѣ я не зналъ еще такой дѣвушки, на кошорой бы я желалъ женишьяся, но, думалъ я самъ въ себѣ, за эшимъ дѣло не спанешъ. Для шущки вздумалъ я нѣсколько времени бродисш по рынку, любопышшсшвуя узнать, не познакомисш ли меня случай съ какою-нибудь красавицею. Тушъ встрѣшилъя со мною хозяинъ шракшира; осмошрѣвъ меня съ ногъ до головы, онъ гордо сказаль: „ну, каковъ нашъ Апшекаръ? У шого должны бышъ рысыи глаза, кто шущь замѣшисш хотя малѣйшіе слѣды

прежнихъ пашень. — Но, милоспивый государь, эша несчастная ишпорія лишила васъ пирожнаго. Впрочемъ, время не прошло: всѣ сидящъ еще за столомъ, милоспи прошу войши. Жена моя крайне обидишя, если вы не ошвѣдаете нашего вкуснаго пирожнаго.“ —

Я сълъ опящъ за столъ, и чувствоваль себя гораздо лучше; прежняя смершная шоска, кошорую почиталь я за страхъ ошъ предстоявшаго мнѣ предспавленія Графинѣ, ишчезла вмѣстѣ съ чернильными пашнами, и шолько желудокъ мой почувствоваль обычный апдепищъ. Я конечно прозѣваль говядину, рыбу и жаркое; но за шо въ полной мѣрѣ вознаградила себя пирожнымъ.

Такъ! душа зависишъ ошъ шѣла, но, право, и шѣло зависишъ ошъ души. Не за долго передъ симъ, когда мучишельное предчувствіе несчастія налегло на грудь мою шяжелымъ камнемъ, опказались служишъ мнѣ всѣ органы позыва къ пищѣ. Теперь, когда минуль сей бѣдшвенный случай, я ѣль съ шакимъ прожоршвомъ, какъ будшо убираль послѣдній шафранный пирогъ въ сей земной жизни.

Если эшо не самое ясное доказательство силы души надъ шѣломъ: шо я готовъ ошдашь даромъ всю мою Философію.

Даже на глаза мои дѣйствовало прежнее предчувствіе несчастнаго приключенія.

Въ шо время, кажешя, я совершенно ослѣпъ! прямо насупротивъ меня сидѣла прелестная дѣ-

лушка, а я тогда не видалъ ее. Теперь только замѣнилъ красавицу, и мысль, что она, можешь спасться, идеаль моей будущей супруги, пронеслась мимо меня, какъ бы въ отдаленномъ шуманѣ.

Эшо была Ида, дочь моего сосѣда, пріѣзжаго кандишера, кошорый, узнавъ, что я вспунаю въ должность Флизерицкаго Секретаря, вѣроятно имѣлъ какіе-нибудь виды, ибо онъ ласкался ко мнѣ уже черезъ мѣру, непрерывно подчивалъ меня ликеромъ и виномъ, а я уже мысленно видѣлъ моихъ дѣшей, его внучашъ, какъ они пируютъ за его дѣдовскими конфекшами, и въ самую минушу моихъ пророческихъ мечтаній моя будущая супруга бросила на меня шакой значительный взглядъ, что я ошъ восшорга съѣлъ до послѣдняго куска мой шафранный пирогъ, поспѣшно всшала и съ бодрымъ духомъ ошправился въ замокъ.

Вышедъ изъ комнашы, я еще разъ окинулъ испышующимъ взглядомъ мое плашье, какъ обыкновенно водишся, когда идешь на поклонъ къ Графинѣ, нашей будущей покровишельницѣ. Тушь между прочимъ взглянулъ я на мои колѣна — и обмеръ ошъ ужаса — ибо они въ полной нагошѣ своей выглядывали изъ шемной нашки, какъ бѣлоснѣжныя лебеди изъ шемносиней поверхности озера.

Правда, чернильныя пяшна исчезли, но вмѣстѣ съ ними исчезла и нанка, кошорая цѣлыми кусками, какъ шрушь, ошпала ошъ ѣдкихъ капель многоученаго Провизора.

Какъ громомъ пораженный, спояль я надъ могилую моихъ надеждъ.

Въ одно мгновеніе исчезли для меня и Графиня, и Секретарское мѣсто, и прелестная Ида, и внушаша съ конфекшами.

Вопшь награда за мою честность, за возвращенные вчера 36 ш. шалеровъ; думаль я самъ въ себѣ: вопшь награда за мое состраданіе къ безграмотному почильщику. Каншь шребуешъ, чтобы мы дѣлали добро изъ обязанности, а не изъ какихъ-нибудь видовъ. Знаменишому Философу хорошо было говоришь: еслибъ я имѣль хошя половину его доходовъ опшь Профессорскаго мѣста, я бы охотно молчалъ, но въ ашу минушу я ничего не имѣль; и шакъ могъ ли равнодушно перенести пошерю своего единственнаго исподняго плашья?

Нѣшь, судьба несправедлива, ужасно несправедлива. Чшо можешъ бышь злѣе, какъ безвинно лишишь человека послѣдняго куска хлѣба? И чѣмъ же я заслужиль эшо жестокое наказаніе? Не ужь-шо легкомысленность ешь преступленіе? Одна шолько моя вѣшренность, моя нерадивость, шому причиною, чшо я не осмошрѣль хорошенько прокляшаго письменнаго шолика, на кошоромъ близорукой Пасшоръ опрокинулъ чернильницу.

Чшо проку въ судилищахъ цѣлаго міра? Могъ ли я завести шяжбу съ вѣшреннымъ Провизоромъ? Я очень хорошо знаю, чшо онъ, обрадуясь свиданію съ прекрасною дочерью арендашора, забыль водою

ослабишь разрушительное дѣйствіе купоросной кислоты. Но могъ ли я предстать предъ судьей и говорить:

„Милостивые государи! сей человекъ лишилъ меня мѣша и хлѣба; я требую за шо пожизненнаго вознагражденія. Подъ мой случай не подходитъ ни одна глава *Cognis jugis*, Наполеонова Кодекса или Прусскаго Земскаго права. Даже уголовное постановленіе 1534 года — сей случай неоспоримо принадлежитъ къ уголовнымъ; пошому чшо меня задѣли за живое — ни слова не говоришь о наказаніи, которое заслуживаешь шошь; кшо другому обнажаешь колѣна, до того, чшо онъ никакъ не можешь предстать передъ Графиню.“ — И шакъ, я былъ сирота, оставленный и людьми, и правосудіемъ.

Пробило при часа.

Вчера въ это время я былъ еще богаты. И хотя не имѣлъ достаточной причины радоваться своей участи, однако не ропсаль, ибо ласкался еще надеждою, имѣлъ еще въ полномъ распоряженіи деньги, заплаченные сего дня за ярмоночный обѣдъ, а въ сундукъ моей доброй хозяйки хранилось въ цѣлости мое платье.

О, любезный Чипашель, и ты не можешь утверждать рѣшительно, чшо черезъ сущки будешь имѣть какую-нибудь собственность; и пошому не издѣвайся надъ бѣднымъ молодымъ человекомъ, кошорый, почти дошедъ уже до цѣли своихъ желаній, вдругъ волшебною силою нѣсколькихъ капель чернилъ и купоросной

кислоты опять заброшены въ толпу людей корыстолюбивыхъ и холодныхъ.

Я вынулъ свой плащъ еще мокрой опъ давяшняго проливнаго дождя, опушилъ, какъ передникъ, на мои голыя колѣна, вошелъ украдкою въ шпакширъ, и сѣлъ тихохонько въ углу комнашы, поджидая шемнопу, чшобы при насшупленіи вечера возвращаишься домой, ибо среди бѣлаго дня я никому не могъ въ глаза показашься.

„Не хошите ли ѣхать съ нами?“ — спросилъ кандишеръ, вошедь въ комнашу. „Ида моя осшаешся здѣсь, а мѣсто ея въ однокolkѣ къ вашимъ услугамъ.“
Вопшь ужъ опяшь улыбулась мнѣ форшуна. Она, кажешся, желала со мною помиришься.

Мы поѣхали. Я долго сидѣлъ, пригорюнясь, такъ что кандишеръ съ искреннимъ участіемъ спросилъ меня о причинѣ моей задумчивосши. Видя, что онъ крайне любопышсшвуешъ узнать мое горе, я на конецъ разсказалъ ему всю исторію моихъ несчастій.

„Другъ мой!“ — сказалъ онъ смѣючись: не о чемъ горевашь. Десяшь лѣтъ шому назадъ, меня хошѣли опредѣлить къ Графинѣ кандишеромъ: я знаю ея очень хорошо. Кто рекомендовалъ васъ Ея Сіашельсшву, шопшь не желалъ вамъ добра. Вы бы и мѣсяца не прожили. Для нее вы слишкомъ честны и прощодушны; весь домъ ея бипкомъ набитъ негодяями: кто не умѣешъ лицемѣришь и воровашь, не умѣешъ раболопсшвовашь, и сплешничашь: шопшь пропашій человекъ. Весь замокъ ея ешть мерзкое

гнѣздо происковъ и коварства. Я лучше соглашусь сидѣть въ смиришельномъ домѣ, нежели жить съ такою сволочью. Повѣрьте мнѣ: есъ на свѣтѣ тысяча случаевъ, кошорые при первой съ нами встрѣчѣ насъ сильно подавляють, и, кажешся, ведутъ насъ къ несчастію; но въ послѣдствіи, эшо я не разъ испышалъ въ моей жизни, мы благодаримъ неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія за шо, чшо все случилось шакъ, а не иначе. Я человекъ простой, а вы научены многимъ наукамъ, эшо правда; но никакая ученость въ свѣтѣ не ошнимешъ у меня вѣры въ Провидѣніе. Я много, очень много вышерпѣлъ на свѣтѣ; наконецъ, вижу, чшо все было къ лучшему. Долго жилъ я въ крайней бѣдности, и хошя много, очень много имѣлъ непріятностей, но никогда не унывалъ, ибо совершенно полагался на милосердіе Всемогущаго, и, наконецъ, шрудами рукъ своихъ нажилъ себѣ маленькое имѣніице, воспышалъ дѣшей своихъ, а если умру, шо ошавляю имъ шолько, чшо они могушь жить спокойно.¹⁰

Сіи просшыя слова произвели надъ моимъ сердцемъ шо же дѣйствіе, какое шеплый лѣшній дождь на ниву, послѣ продолжительной засухи. Я слушалъ всѣ философическія лекціи и по всѣмъ сисшемамъ; но ни одинъ Профессоръ не говорилъ мнѣ шакъ ушѣшительно, шакъ ясно и вняшно, какъ мой кандидеръ.

Я ошказался опъ Графини, ни мало не жалѣя о сей жершвѣ. Судя по шому, какъ описалъ ее мой

добродушный сопутникъ, я почиталъ уже за счастье, что не получилъ этого мѣста, и до того ободрился утѣшительною лекціею опытнаго Философа Кандишера, что по прїѣздѣ нашемъ въ столицу, веселѣе, чѣмъ когда-либо, вошелъ я въ комнату моей доброй Госпожи Прецель; и — шакоевъ человекъ, когда онъ лишился всего! — съ громкимъ захопомъ показывалъ ей свои колѣна, которыя весьма забавно выглядывали изъ подъ нанки.

Она, въ свою очередь, рассказала мнѣ, что лакей, весь обшитый галунами, приходилъ уже два раза, спрашивалъ меня и скоро опять явился.

Кто понесетъ въ бурныхъ волнахъ, шопъ хватается за каждую соломенку, какъ за надежный якорь.

„Золотой лакей навѣрное принесетъ мнѣ помощь, хлѣбъ и счастье,“ подумалъ я самъ въ себѣ: „Кандишеръ правъ; гдѣ самая крайняя нужда, шупъ и помощь Божія.“ — Я спалъ къ окну и началъ вслушиваться, неидетъ ли какой нибудь посоль-избавитель.

Нашъ маленькій переулокъ, тѣсно примыкающій къ городской снѣвъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ садами. Все было тихо; шолько издали опзывался спукъ каретъ и звонъ колоколовъ.

Каждую минушу становился я неперпѣливѣе.

Наконецъ, показался фонарь въ концѣ переулка, и ко мнѣ все ближе и ближе.

Эпо онъ! — вскричалъ я, и бросился опрометью изъ комнапы, изъ дому, прямо къ нему на встрѣчу, и вырвалъ изъ рукъ его записку на имя мое адресованную. Г. Грейферъ писалъ, что бы я пришелъ къ нему и сообщилъ ему подробное донесеніе объ успѣхъ моего путешествія, и въ случаѣ удачи, въ чемъ онъ нимало не сомнѣвался, просилъ меня придти къ умѣренному ужину и принести съ собою извѣстные мнѣ двадцать червонцевъ.

Съ умѣреннымъ его ужиномъ я весьма коротко познакомился; за приглашеніе не нужно было слишкомъ усердно благодарить, ибо почтеннѣйшій Совѣтникъ просилъ меня придти только въ случаѣ удачнаго окончанія моего путешествія.

Мой честный Кандидеръ, кажется, сказалъ сущую правду, что всѣ люди, находящіеся въ связи съ Графинею Шаумбахъ, не годятся ему въ подметки, ибо жадность Грейферова до условленныхъ двадцати червонцевъ обнаруживала въ немъ самое гнусное корыстолюбіе.

Я написалъ къ нему, (ни слова не упоминая о моемъ бѣдственномъ приключеніи съ исподнимъ плашьею) что я случайно получилъ самыя достоверныя извѣстія о Графинѣ, къ которой онъ желалъ меня опредѣлить, и что въ слѣдствіе сихъ извѣстій рѣшительно отказываюсь отъ сего мѣста.

Мнѣ самому понравился сей оборотъ. По моему мнѣнію, я находилъ что-то великое въ томъ, что

я, жалкій бѣднякъ, презрѣль покровительствомъ богатой Графини Шаумбахъ.

Но гордость всегда наказывается. И я испыталъ надъ собою эту неоспоримую истину.

Черезъ полчаса, лакей возвратился съ слѣдующею запискою:

„У насъ одна только Графиня Шаумбахъ, а сотни шакихъ бѣдняковъ, какъ вы, и потому я скорѣе найду Секретаря, чѣмъ вы Графиню. Ни мало не огорчаясь вашимъ отказомъ, я жалѣю только о томъ, что хлопоты мои о вашемъ опредѣленіи ввели меня въ убытокъ. (*) Содержаніе вашей записки, въ которой вы отказываетесь отъ Секретарскаго мѣста, крайне оскорбительно для Ея Сіятельства. Я могъ бы завести съ вами тяжбу, но поелику вы ничего не имѣете, и Графиня наконецъ принуждена будетъ заплатить издержки процесса, то прощаю васъ великодушно.

Знакомство мое съ вами кончилось, и потому прошу вручить подастелю сего извѣстные вамъ двадцать пять шалеровъ за лотерейный билетъ, или самый билетъ “

„Коммисіи Совѣтникъ Грейферъ.“

— Билетъ! проклятый лотерейный билетъ! Со вчерашняго вечера, я совершенно забылъ объ этомъ несносномъ билетѣ.

(*) Впрочемъ, разумѣлъ онъ жареную птичку и чайную ложечку яблочнаго компота. *Прим. Автора.*

Я перешарилъ всѣ карманы; холодный пошъ градомъ вышупилъ на лицъ моемъ; требуемой суммы я не имѣлъ. Хотя пресни, а всѣ мои наличныя деньги составляли едва четвершую долю; даже, еслибъ продалъ я мои немногія книги, бѣлье и плашье, шо все-таки не собралъ бы этой огромной суммы. Я впорично перерылъ всѣ бумаги, всѣ карманы, всѣ швы. Нѣштъ, мой билетъ пропалъ.

„Кланяйся швоему господину,“ сказалъ я наконецъ съ принужденнымъ равнодушіемъ; и доложи ему, что завшра я самъ буду имѣшь честь съ нимъ повидашься и шогда опдамъ ему шу вещь, о кошорой онъ изволилъ писашь.“ Лакей пошелъ. Въѣсштъ съ нимъ удалилось мое спокойствіе, моя вѣра въ ушѣшишельную философію любезнаго Кандидера. Сладки были слова его, какъ его конфекшны. Для дѣшей годились его проповѣди, какъ его сахарныя куклы. Я не зналъ, куда дѣвашься опъ досады.

Госпожа Прецель имѣла похвальное обыкновение всѣхъ разумныхъ женщинъ: она сложила руки и преспокійно смошрѣла на мое нешповствіе.

Наконецъ, когда взволнованная кровь моя немного ушихла, она съ крошосшію спросила, не потерялъ ли я какой-нибудь нужной вещи?

Я рассказалъ ей о моемъ несчастіи.

„Эшошь лоперейной билетъ нешремѣнно выиграешъ,“ опвѣчала она съ такою математическою рѣшишельностью, что я готовъ былъ плакать опъ досады на мою жестокую участь. „Я могла бы на-

считашь собою случаевъ, продолжала она, гдѣ подобныя билеты всегда выигрывали. Сообразите только обстоятельство, и вамъ покажется ясное дѣло, что этому билету предстоить богатый выигрышъ: вы возвращаете Совѣтнику поперянные имъ 36,000 талеровъ; онъ, прошивъ желанія вашего, за то даетъ лотерейный билетъ. Самый большой выигрышъ составляетъ 36,000 талеровъ, изволите видѣть! они принадлежатъ вамъ, это также вѣрно, какъ дважды два — четыре. Толстая торговка, наша сосѣдка, съ радостію дала бы 50 талеровъ за этотъ билетъ, еслибъ мы только могли отыскать его; не помните ли, по крайней мѣрѣ, номеръ?“ —

— „Нѣтъ!“ отвѣчалъ я сердитымъ голосомъ, ушелъ въ свою комнату и легъ въ постель.

Богаче — увѣряютъ плодовиные Писатели романовъ, въ кошорыхъ вещи обыкновенно выворочены на изнанку, какъ въ Камеръ-обскуръ — не могутъ спокойно спать, непрерывно опасаясь лишиться своей собственности. Ахъ! и съ бѣдниками бываетъ не лучше.

Кто слышитъ тяжелые вздохи, въ бессонную ночь волнующіе грудь несчастнаго? Кто видитъ пошопки слезъ, срощающихъ блѣдныя ланиты его? и сколь часто никто другой не осушаетъ ихъ, какъ одна только благодѣтельная незнакомка въ бѣломъ саванѣ!

Я мысленно пробѣжала всю исторію моей двадцати-пяти-лѣтней жизни, кошорая была ни что

нное, какъ цѣпь несчастій и страданій — Все надежды мои скрылись въ шуманъ гореспной будущности. Припомъ замѣнилъ я (и это подтверждаютъ многіе опытные люди), что ночь имѣетъ крайне вредное вліяніе на душевное расположеніе чловѣка: она облакаетъ въ мрачный покровъ подозрѣнія, даже тѣхъ, кошорые желали мнѣ добра. Такъ на прим. кандиперь, который съ такимъ радушіемъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей однокolkѣ, который принималъ во мнѣ такое искреннее участіе, эптомъ самый кандиперь показался мнѣ злобнымъ демономъ, выгнавшимъ меня изъ рая моихъ надеждъ.

Впрочемъ, при всей бѣдности, имѣлъ я еще сполько наличныхъ денегъ, что могъ купишь себѣ новое плашье и вторично отправиться къ Графинѣ. Мнѣ самому показалось забавнымъ, что перяю голову опъ шакой бездѣлицы, и до шого просшираю мою непрощительную безразсудность, что довѣрляю все мое земное счастье коварному конфешчику за мѣсечко въ однокolkѣ и за нѣсколько ушѣшишельныхъ словъ; онъ, можеть бышь, имѣетъ цѣлую дружину племянниковъ и знакомцевъ, между коими вѣрно одинъ также домогается Секретарскаго мѣста при Графинѣ. Искусно пользуясь моимъ протшодушіемъ, онъ нѣсколькими вымышленными колкосшями на счешъ характера Графини, вѣрно старается навсегда отбишь у меня охоту къ этому мѣсту.

Завира онъ отправишь своего племянника въ Флизериць; сей перехватишь у меня мѣсто; оба

надо мною посмѣюся, а в послѣднемъ письмѣ своимъ навсегда лишился благосклонности моего сильнаго покровителя.

Чѣмъ болѣе соображалъ я слова, ужимки и взгляды кандишера, тѣмъ болѣе удостаивался въ шомъ, что онъ меня жестоко обманулъ.

Такими недоувѣрчивыми глазами смотришь — къ сожалѣнію — такъ разсуждаетъ, такъ поступаетъ несчастный, подавленный горестію. Сія слабость, опъ кощорой онъ рѣдко освобождается, есть для него самое мучительное чувство при несчастіяхъ, его постигающихъ. Онъ часто совершенно напрасну обвиняетъ самаго добрейшаго человека; онъ охладѣетъ ко всему человѣчеству, и если не скрѣпишься духомъ, чтобы во время преодолѣть сего пагубнаго демона подозрѣнія, то и самая благосклонная улыбка возвращившагося къ нему счастья не въ силахъ его успокоить, не въ силахъ примирить его съ ближними. И пошому, добрые Читатели, будьте снисходительны къ спраждущему, простирайте къ нему руку помощи, и всегда берите въ немъ искреннее участіе, да никогда не теряете онъ довѣренности и любви къ человѣчеству. Дѣйствишельно ли Графиня такая дама, какъ описалъ ее хитрецъ-кандишеръ — вопъ что узнашь я поснавилъ себя за первую обязанность. Если меня обманули, то я, можетъ быть, усѣю вновь приобрести благосклонность моего прежняго покровителя, Грей-

фера; но надобно было порописься, чшобы коварной кандишеръ не предупредиль меня своими кознями.

Гельбахъ навѣрно знакомъ съ Графинею. Я былъ увѣренъ въ его участіи и доброжелательствѣ; необходимо нужно было съ нимъ посовѣтоваться. Чшо же касается до лошерейнаго билета, шо я навѣренъ былъ уплашишь за него помаленьку.

III.

На другое утро я былъ уже со всемъ одѣшъ, и только-чшо хошѣлъ опсправиться въ пушь, какъ постпучаль кто-шо въ дверь, и злобный врагъ мой, Кандишеръ, вошелъ съ узломъ подь мышкою. Послѣ первыхъ привѣствій, на которыя опвѣчалъ я довольно крушо и холодно, онъ началъ мнѣ разска- зывать съ непринужденнымъ чистосердечіемъ, чшо онъ, желая посильно вознаградишь вчерашнее мое несчастіе, осмѣливается предложишь мнѣ пару плашья изъ шонкаго казимира. Добродушный изви- нялся еще въ шоиъ, чшо онъ вмѣсто нанки выбралъ казимиръ, пошому чшо принялъ въ уваженіе холод- ную осеннюю погоду.

Положивъ узель на столъ, онъ поспѣшно уда- аился, подь предлогомъ весьма нужнаго дѣла. Я по уши покраснѣлъ опъ спыда и замѣшашельсшва.

Вчера ввечеру, можешъ бышь въ шу самую ми- нушу, когда я сквозь черный микроскопъ подозрѣ- нія разсмаприваль постпупки сего человекъ, и спа- рался ошкрышь въ немъ самага опаснаго соперника,

онъ помышлялъ о средсвѣ, какъ бы меня обрадовать обновкою.

Я самъ себя возненавидѣлъ; и далъ себѣ суровой выговоръ за мою недоувѣрчивость къ людямъ, и положилъ себѣ за непремѣнное правило, впредь никогда не предаваться сей презрительной слабости.

Прежде всегда издѣвался я надъ предрасудками богачей людей, кошорые часто судяшь по наружности, а теперь я самъ — но мнѣ нужно было идти къ господину Гельбаху, и — я покраснѣлъ при мысли, что у него, можешь быть, увижу Розалию: — какъ не надѣшь новаго плаща изъ шонкаго казимира самаго моднаго цвѣща! оно сидѣло на мнѣ, какъ не льзя лучше; я самому себѣ показался гораздо лучше, гораздо наряднѣе.

Случайно опушилъ я руки въ карманы, и въ каждомъ нашель по одному червонцу.

Эпо ужъ слишкомъ много, подумалъ я самъ въ себѣ, и теперь только-что вспомнилъ, что не знаю даже имени моего благодѣтеля, и что слѣдственно не могу отыскать и благодарить его за такой неожиданный подарокъ. Къ счастью, или лучше сказать, къ несчастью, знала его Госпожа Прецель. О! замѣшила она: этого человека я знаю съ того самаго времени, какъ онъ прїѣхалъ изъ Нюрнберга; тогда онъ былъ прежалкій бѣднякъ; но теперь господинъ Фенерль сдѣлался богатымъ человекомъ, и построилъ себѣ огромный домъ на Соборной площади; впрочемъ надобно отдать ему

справедливостъ: онъ дѣлаешь много добра, и заботишься о родственикахъ своей жены, какъ о собственныхъ дѣтяхъ.

Тутъ опять зашевелился во мнѣ демонъ подозрѣнія. Одно ничтожное слово: родственики, набросило черный покровъ на его благородный поступокъ.

Вѣрно кто-нибудь изъ его любезныхъ родственникововъ уже на дорогѣ въ Флизерлицъ, а шонкое казимировое плашье и червонцы должны успокоить перзанія совѣсти, что онъ лишилъ меня мѣсна и хлѣба. Этимъ онъ хочешь вознаградить мою невозвратную потерю. Но — Господина Фенерля мы скоро подденемъ, подумалъ я, и если успѣемъ снять съ него личину, то ошдѣлаемъ его такъ, что онъ удивится.

Я опрометью побѣжалъ къ Гельбаху.

Старика не было дома; Розалія ласково просила меня войти въ гостиную. Я объявилъ ей причину моего прихода.

„Къ Графинѣ Шаумбахъ вы ходите ѣхать?“ — спросила она съ изумленіемъ: „нѣтъ! къ ней не ѣздишь. Къ ней опредѣляются только такіе люди, которые не имѣютъ никакого другаго приспанища.“

„Я почти въ такомъ положеніи,“ ошвѣчалъ я, запинаясь, ибо крайность моя и Господинъ Фенерль такъ сѣснили мнѣ сердце, что я едва могъ переводить дыханіе.

„Вы со вѣмъ не въ такомъ положеніи“ — возразила четырнадцати-лѣтняя милая дѣвушка съ живѣйшимъ участіемъ: папинька вчера уже хотѣлъ послать за вами, но не зналъ вашего жительства. Папинька теперь весьма занятъ дѣлами, и потому онъ хочетъ васъ просить, чтобы вы ему помогали; слѣдовательно, вамъ не нужно ѣхать къ Графинѣ.“

Я гошовъ былъ броситься къ ногамъ ея, но она выбѣжала изъ комнаты, и въ дверяхъ еще просила меня подождать немного. Черезъ пять минутъ она возвратилась съ шелковымъ кошелькомъ въ рукѣ; крошечная невинная Ангела написана была на ея прелестномъ личикѣ.

„Третьяго дня,“ сказала она смущеннымъ голосомъ, говорили вы о вашей бѣдной машери. Я никакъ не могла этого забыть и безпрестанно думала, каково должно быть на сердцѣ тому, кто душевно жаждетъ помочь своей машери, но не въ состояніи. Пожалуйте пошлите ей эту бездѣлицу, но ради Бога не опъ моего имени, а такъ, какъ будто вы сами посылаете; и родителямъ моимъ не говорите о томъ ни слова; а то они возвращаютъ мнѣ деньги, и тогда уже нечему мнѣ радоваться.“

При сихъ словахъ она всунула мнѣ кошелечекъ въ руку, просила непременно сего дня еще придти къ бабюшкѣ, и быстро отвернувъ лице, чтобы скрыть блеснувшія на рѣсницахъ ея слезы, побѣжала въ другую комнату.

Тутъ почувствовала я въ первый разъ, что я бѣденъ, очень бѣденъ.

Необходимость принять изъ рукъ Розаліи денежный подарокъ, милоспшню, была для меня крайне унизительна; я желалъ спостоять рядомъ съ нею, какъ можно ближе къ ней. Возвративъ кошелекъ не смѣлъ я: онъ принадлежалъ моей матери. Я самъ на себя былъ взбѣшенъ, и единственно ошъ того, что сердечная доброта Розаліи не произвела во мнѣ той радости, какую она полагала мнѣ сдѣлать; но я не въ силахъ былъ преодолѣть своихъ чувствъ: не обиженная гордость, а потеря уваженія къ самому себѣ, споль сильно встревожила мое сердце.

Первая уже встрѣча съ этой милой дѣвушкою сдѣлала на меня спрванное впечатлѣніе. Третьяго дня слезы ея были для горести моей росой небесною, сего дня золото ея меня огорчило. Ахъ! сколь справедливо говоришь знаменитый мудрецъ, что искусство давалъ шруднѣ многихъ наукъ, преподаваемыхъ на каедрахъ. Розалія вручила мнѣ подарокъ съ такимъ искреннимъ, разборчивымъ доброжелательствомъ, какъ позволяло ей сполько отношеніе ея ко мнѣ, и при всемъ томъ — но въ этомъ-то самомъ отношеніи заключалось мое униженіе, мое обиженное самолюбіе.

Она не заслуживала ни малѣйшаго упрека, но это самое меня крайне огорчало. Мнѣ предстояла въ домъ отца ея незначительная должность пись-

моводителя; она дочь моего покровителя, и следовательно между мною и ею какая необъяснимая пропасть, которую она сделала еще неприслушавшись, поданною мне милостынею. Опять этихъ размышленій до того закружилась у меня голова, что я совершенно забылъ о существенныхъ выгодахъ предлагаемаго мне мѣста.

Разсуждая такимъ образомъ, пошелъ я къ Совѣтнику Грейферу, что бы поговорить съ нимъ касательно билета. Его не было дома.

„Не вы ли потеряли одну вещь?“ — спросила горничная, когда были здѣсь наединѣ вечеромъ?“ —

— Не ужь-то здѣсь уронилъ я свой лошереинный билетъ? — спросилъ я съ удивленіемъ,

Тутъ горничная съ примѣшнымъ удовольствіемъ вручила мне билетъ, примолвивъ: я нашла его на послѣдней ступени лѣстницы въ то время, какъ я провожала васъ съ свѣчкою, и поспѣшь догадалась, что билетъ долженъ принадлежать вамъ, пошому, что въ пошъ вечеръ, кромѣ васъ, никто чужой не приходилъ въ домъ.

Чрезвычайно обрадуясь сей неожиданной находкѣ, я вытащилъ изъ кармана палеръ, и хотѣлъ его подарить горничной въ знакъ благодарности, но она рѣшительно отказалась, и сія гордость — ибо какъ иначе назову сіе безкорыстіе? — меня ни мало не огорчило. Я не могъ хорошенько располковать себя разницу между поступками горничной и Розалии: горничная, по настоящему, подарила мне боль-

ше, чѣмъ Розалія; ибо она была бѣдна, а Розалія богата; одинъ шалеръ, безъ сомнѣнія, былъ для горничной несравненно дороже, чѣмъ Розаліи десять червонцевъ, копорые она подарила моей матери, а при всемъ томъ — но въ послѣдствіи, все это мнѣ объяснилось.

Госпожа Прецель взялась продать лотерейный билетъ, чтобы выручкою уплатить слѣдующіе Совѣшнику Грейферу двадцать пять шалеровъ.

Однакожь толстая торговка не заплашила за билетъ ни одного крейцера сверхъ настоящей его цѣны. Выигралъ ли онъ, или нѣтъ; этого не могу сказать охотникамъ до лотерейныхъ розыгрышей. Мнѣ очень жаль было отдать билетъ, за который Госпожа Прецель ручалась жизнью, и чуть не запушала меня лукавый, купишь его изъ денегъ Розалиныхъ, на счетъ моей бѣдной матери; но я преодолѣлъ себя, держась пословицы: синица въ рукахъ, лучше журавля въ небесахъ. Я даже съ намѣреніемъ не замѣшилъ себя номера и въ послѣдствіи не старался узнать о дальтѣйшей участи билета. Сердечно сожалею, если торговка купила у меня пустой билетъ.

Странно! послѣ я дѣлалъ обороты, простиравшіеся на сошни тысячь, и нерѣдко даже на миллионы; а первый оборотъ мой былъ! — продажа чужой вещи. Мнѣ навязываютъ, такъ сказать, противъ воли моей лотерейный билетъ, я его теряю, бѣдная дѣвушка мнѣ возвращаетъ его, и я продаю его

опять, и надобно признаюсь, совсѣмъ пропивъ моеѣ воли, не имѣя никакого права на эту собственность, ибо мнѣ должно было заплашить за билетъ деньгами торговли.

Мѣсто, которое предложилъ мнѣ Совѣтникъ Гельбахъ, превзошло всѣ мои ожиданія.

Гельбахъ былъ человекъ съ рѣдкими достоинствами: честность, безкорыстіе и отличныя познанія его извѣстны были въ столицѣ и ея окрестностяхъ. И поному дѣла его съ нѣкопорого времени получили такой обширный кругъ дѣйствія, что онъ одинъ, при самомъ неутомимомъ трудолюбіи не въ силахъ былъ выполнять порученій со всѣхъ сторонъ спекавшихся къ нему просителей. Не за долго передъ шѣмъ богатый Оберъ-Ландмаршалъ, 80-лѣтній старецъ, намѣренъ былъ передать Гельбаху въ управленіе всѣ свои помѣстья, опредѣляя значительное жалованье. Послѣ смерти его все имѣніе переходило къ единственному сыну, который жилъ въ чужихъ краяхъ, и никогда не хотѣлъ возвращаться; следовательно, это важное и выгодное порученіе требовало большихъ занятій. Гельбахъ не далъ еще рѣшишельнаго отвѣта касательно сего дѣла; впрочемъ, по великому множеству занятій, намѣренъ былъ отказать. Мой поступокъ въ разсужденіи найденныхъ Государственныхъ ассигнацій приобрѣтаешь мнѣ его довѣренность; онъ рассказываетъ объ этомъ Оберъ-Ландмаршалу, и предлагаетъ ему поручить мнѣ сіе дѣло, подъ его непосредственнымъ

надзоромъ; спарикъ соглашается подь условіемъ, если я имѣю пошребныя къ пошму познанія, а испытаніе долженствовало происходить въ пошъ же самый вечеръ. Къ счастью, услышалъ онъ обо мнѣ весьма хорошіе опзызы ошъ одного изъ бѣвшихъ моихъ Профессоровъ, не давно прѣхавшаго въ Сполицу; но по пошму самому, что сей можетъ быть уже слишкомъ выхвалялъ меня, Гельбахъ экзаменовалъ меня шакъ спрого, какъ будшо я домогался Докшорскаго диплома.

Съ часу на часъ, примѣшно возрасшало одобреніе моего почшеннаго экзаминашора, кошорый наконецъ до того восхищенъ былъ моими познаніями по часши экономіи, что пошъ же рѣшился сдать мнѣ всѣ дѣла Ландмаршала, опредѣливъ мнѣ 1000 шалеровъ ежегоднаго жалованья. Главнѣй надзоръ предоспавиль онъ самому себѣ, и чшобы я ни чѣмъ не былъ сму обязанъ, онъ просиль меня взявъ на себя еще маловажныя дѣла, кошорыя однако были ему въ шягоспъ.

Я хошѣлъ разсказать только исторію прехъ дней моей жизни, и пошому здѣсь прерываю мою повѣспъ.

Три года спуспя женился я на Розалии, а шестъ мой сдалъ мнѣ всѣ свои дѣла. Каждый годъ въ праздникъ Рождества Христова, честнѣй Фенерль дариль чешырехъ дѣшей нашихъ своими прекрасными конфекшами; служанка, кошорая возвращила мнѣ лошерейный билетъ, шеперь еще живешъ въ

нашемъ домѣ, а добрая старушка Прецель, ко-
рая дѣлила со мною послѣдній кусокъ хлѣба, объдаешъ
у насъ каждое воскресенье; моя старая добрая ста-
рушка-машушка, привыкшая къ тихой уединенной
жизни, предпочла шумной Сполоицѣ маленькой горо-
докъ, въ которомъ она теперь спокойно живешъ въ
красивомъ домицѣ, и каждый годъ присылаетъ милой
невѣсткѣ самую тонкую пряжу своего собственнаго
руководѣля.

Многіе изъ жишелей Б.... вѣрно знаютъ того
честнаго и почтеннаго человека, котораго здѣсь
написалъ очерковъ изъ своей жизни; я порадоюсь
отъ души, если эта повѣсть въ юныхъ друзьяхъ
моихъ, вступающихъ на поприще гражданской жизни,
укрѣпихъ вѣру въ неоспоримую истинну, что на-
чало всякаго дѣла труднѣе, что потъ непременно
достигнетъ возможнаго земнаго счастья, кто съ
основательными познаніями соединяетъ чистое серд-
це, съ добродушіемъ и скромностію безпорочное
поведеніе.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СЪТОВАНИЕ СЕРДЦА МОЕГО (*).

Гдѣ ты, о ближній мой! мой благотворный Геній?
Куда направилъ свой писменнѣйшій полетъ?
Скажи, въ какой живешь ты сокровенной снѣи?
За чѣмъ покинулъ ты шакъ рано бѣлой снѣи?
Увы! въ полночь часъ, когда плѣнительны надежды
Въ мою лилися грудь цѣлительной струей,
Въ полночь самой часъ твои на вѣкъ сомкнулись вѣжды,
И вѣсть ужасная мой рушила покой.
Ах! я тебя любилъ — любилъ тебя, какъ радость;
Во время спрашанныхъ бурь, ты мнѣ опрадой былъ;
Ты жизни чувствовашъ далъ полную мнѣ сладость,
И сердце юное, взлелѣвалъ и смягчилъ.
Далеко отъ родныхъ, увы! въ чужихъ мѣстахъ,
Неумолимый рокъ постигъ тебя кончиной;
Никто не оросилъ слезой твоей милый прахъ,
Топъ прахъ, кошпорою мнѣ нѣмой тоски причиной. —
Съ учашиемъ сухимъ — наёмною рукой,
Икрыта для тебя пустынная могила;
И шажъ увы! рука, о благодѣтель мой!
Съ печальной плѣнительною гробъ въ землю опустила..
Такъ! палъ ты ближній мой! въ юдомъ сиротства,
Подъ снѣию чуждою — недугомъ удрученной;
Ни вздохомъ дружескимъ, ни спомномъ шамъ родства,
Не слышился вокругъ гробницы удаленной.
Ты спишь! твоей сладокъ сонъ — въ спранѣ успокоенья,
Не внемлешь больше ты вѣщаньямъ суеты;

(*) Стихи сіи написаны въ то самое время, когда Авторъ получилъ горестное извѣстіе о смерти ближайшаго своего родшвенника, оказывавшаго ему, съ самаго дѣтства, истинные знаки благотворительности.

Ты чуждъ в радости, и грусти, и волненъ,
Не веселяшь тебя бывалыя мечны . . . .
О пѣнь прелестная! спустишь съ высотъ священныхъ,
Ахъ! дай мнѣ на себя еще хоть разъ взглянуть;
Позволь тебя обнять, и сердцу драгоценныхъ
Въ объятіяхъ твоихъ, позволь мнѣ отдохнуть.
Позволь въ послѣдній разъ, на долгую разлуку,
Сказать тебѣ: *прости!* съ скорбящею душой;
Позволь облобызать, благошворившу руку,
И окрошить ее чувствительной слезой.
Но ты не внемлешь мнѣ — напрасныя моленья!
Неупросимая! обрадуй хоть во снѣ,
Явись таинственно, въ мечтаньяхъ сновиденья;
Явись — и подкрѣпи упавшій духъ во мнѣ. —

Кангеловъ.

1826 года, Августа 25-го дня.

Польшава.

Послание къ Г . . . . . ву.

Любовь красавицамъ игрушка!

Батюшковъ.

Товарищъ-другъ! позволь усердными стихами

Тебѣ подашь спасительный совѣтъ!

Уже передъ собой, межъ разными путями,

Ты видишь путь, ведущій въ шумный свѣтъ!

Опасенъ смертнымъ входъ въ сей океанъ безбрежной!

Не доверяй, о плаватель молодой,

Ни вътру шихому въ пучинѣ водъ мягшежной,

Ни звездочкѣ на тверди голубой!

Хоть очаруются неопытные взоры

Ласкательствомъ и прелестью Цирцей;

Хотя Сирень-пѣвицъ заманчивые хоры

Плѣняютъ тебя гармоніей своей:

Все, все не можешь ты избѣгнуть, другъ мой милый,

Рушительныхъ и вѣчно-грозныхъ скалъ

Харьбды лютой и безпощадной Сциллы —

Гдѣ не одинъ ужъ смертный погибалъ! . . .

Но дряхлой спарни давнишняго сказанья

Возобновлять мнѣ нынѣ для чего?

Открытыхъ сердца чувствъ простирая излиянья

Товарищъ мой пойметъ и безъ того!

Ты въ бурный свѣтъ вступилъ. Ужъ вѣстятъ надъ побойю

Киприды сынъ, съ губительной стрѣлой!

Въ блестящихъ общесвахъ, межъ праздною полною,

Незримо онъ спремится за побойю . . .

И, съ дѣтскихъ лѣтъ его поклонникъ неизмѣнный,

Алиною уже плѣнился ты!

О ней въ тиши семянъ мечтаешь, восхищенный,

О ней одной и въ шумъ суеши!

Делницы первый лучь тебе не сполько ясенъ,
Сколь чистый огнь Алинныхъ очей;
Не сполько вешній гимнъ пернатыхъ сладкомасень,
Сколь звукъ ея привѣтливыхъ рѣчей!
И ты любимъ! и ты уже благословляешь,
О юноша! удѣль завидный свой;
Уже съ Алинною въ воспоргъ заключаешь
Союзъ любви и вѣрности святой!...
Но не вникай любви обътамъ прихотливымъ,
Какъ рѣзвые зефиры на поляхъ,
Какъ кошылковъ рой, надъ доломъ молчаливымъ, —
Она легка въ обманчивыхъ словахъ! —
И я, богиню Пафоса ослѣпленный,
На олтаряхъ ей жертвы воскурялъ;
И я, невѣрною красавицей плененный,
Ей шайный вздохъ, ей слезы посвящать.....
И я забытъ!... и нѣтъ надеждамъ совершенъ!
Гдѣ жъ святость клянъ измѣнницы мои?
Гдѣ наши радости, гдѣ сердца наслажденья,
Мнѣ льстившія блаженствомъ юныхъ дней?...
Оно пчезнуло, какъ Ангель-ушѣшитель,
Который къ намъ въ пророчесивенномъ снѣ
На мигъ лишь прилещишь — небесь благовѣшитель,
И скроется въ эфирной вышнѣ!.....
Но мощный гласъ любви, но прелести Алены
Тебя влекутъ на свой привѣтливый зовъ!
Ужъ прочиталъ себѣ ты приговоръ судьбины,
Сквозь пасмурный грядущаго покровъ...
И скоро, скоро ты, восторгомъ упоенный,
Къ таинственной метѣ своей дойдешь;
И обрѣтя ввонецъ, любовью соплещенный,
Ты, мнишься, всѣхъ счастливцевъ преейдешь...
Но часто, по снѣзъ пестрющей цвѣтамъ,
Мы близимся къ безрадостнымъ краямъ,

Гдѣ мертво все кругомъ — и солнце предъ очами
Не капшется по мрачнымъ небесамъ!
Спрашиси же, юный другъ, за призракомъ-мечпою
Доспигнуть шѣхъ печальныхъ береговъ,
Гдѣ съ сердца скорбнаго, прелещущей рукою —
Ужъ не сорвешь спираданія оковъ;
Гдѣ, можешь быть, своей Алиною прекрасной
Ты будешь, другъ, на вѣки позабытъ....
О! вѣрь, ужасенъ гнѣвъ Судьбины самовластной:
Жестоко онъ несчастнаго разишь!...

И. Бороздна.

Москва.

1822 г.

С Е Л Ъ С К О Е   У Е Д И Н Е Н И Е .

Люблю роскошный видъ полей,
И лакомъ рдѣющія нивы,
О! сколько для души моей
Мѣста сіи краснорѣчны,
Куда, поскою увлеченъ
Я ушѣшаюся мечпаньемъ,
Здѣсь тихимъ ручейка журчаньемъ
Мой часто слухъ обвороженъ.
Все гармонируетъ здѣсь мнѣ,
Улыблеть шопиую пиная,
И въ поднебесной вышинѣ
Пустынный воздухъ оглашая,
Тоскуешь горлица со мной.
Рѣка крипальнойю спруей
Златыя нивы орошаетъ,
Пѣвецъ природы соловей

Трелистой пѣснью своей
Въ шѣни деревъ увеселить
Поклонника земныхъ суещь;
Зефиръ чуть дышетъ межъ мѣстами,
И прикоснувшись къ нимъ устами,
Изъ нихъ росу прохладну пьешь,
И солнца утренняя свѣтъ
Злапоигривымъ лучами
Въ водѣ прозрачной опраясъ,
Каршину дивную для глазъ
Обвороженныхъ представляешь.
Природа здѣсь собой пѣвнѣетъ,
Величїе и простота
Соединясь безъ искусства,
Облагороживающъ чувства.
Ничто предъ ними красота
Блестящихъ златомъ украшеній,
И прочностію наслажденій
Не превзойдешь шумъ городской
Безмолвнаго уединенья
Долины ивриой и престои.

Н. Баталинъ.

Ревель.

П о с л а н і е

къ

Фв . . . . ру Фв . . . . . чу *Калагескому.*

Наскуча жершвой бышь злорѣчія людей,
И славы укроши стремительны порывы,
Я убѣждалъ съ убійственныхъ полей,
На мирныя свои наслѣдственные нивы!
Я разлюбилъ, ужь наконецъ,
Томимый жизнью безопрадною —
Опасности войны и гибельный свинецъ!
И бросилъ ржавчинъ въ добычу мечь будащной!
Теперь нѣ въ немъ ужь нужды нѣтъ!
Въ безвѣстности мои прочтятся быстро годы,
Мечезнѣтъ роковой на сердца буре сладъ!
И сладъ душевной непогоды . . .
Пройдешь печаль — шомленье скуки,
И время смоешь ихъ глубокія черны;
Воскреснуть можешь бышь волшебныя мечты,
И оживушь въ струнахъ задумчивые звуки!
Тамъ буду пѣть красу полей,
Привроду сельскую, простую жизнь и нравы,
И говоръ воды и шепоту дубравы,
И небо родины моей!
И предпочелъ, мой другъ, покой,
И жизнь безопасную Пювпа,
Забываю жизнь боевой,
И шягосныиъ условьямъ свѣта.
Теперь живешь душа моя,
Воспоминаемъ про бывшее;
Ахъ! долго помнишь буду я
То время, другъ мой, золотое,

Когда бывало мы съ побой,
 Товарищъ юности мяшежной!
 Вкушали въ жизни безнадежной
 Надежность счастья и покой!
 Когда покрыши пылью, попомъ,
 Рубили мнимыхъ мы враговъ; (*)
 И какъ мечпали подъ наметомъ,
 Въ поляхъ раскинутыхъ шашровъ;
 Какъ рѣвую ловили радость,
 Въ кругу пирующихъ друзей.
 Тогда лилася наша младость,
 Какъ свѣплой на лугахъ ручей!
 Но ужъ промчалося снрѣлой
 Веселье съ юностью опрадной,
 И властью рока безопадной,
 Я познакомился съ поской.
 Узналъ и груспи тайной муки,
 И лдъ злорѣчія невѣждъ . . .
 Обманъ помпшельныхъ надеждъ,
 И жертвой спалъ угрюмой скуки!
 Угасъ и жаръ молодыхъ мечтаній!
 Мой другъ! *все въ мїръ суета!*
 Осалась въ сердце пуста:
 Слѣдъ многихъ бурь — и слѣдъ страданій . . . .

Кангеловъ.

1826 года Августа 25 дня.

Полшава.

(*) Авторъ разумѣетъ подъ симъ воинскія упражненія на пракшческихъ маневрахъ. —

У Т Р О.

(Посвящается Д. А. Г . . . . .)

Слапился мѣсяць золотой,
И звѣзды искрами доплѣли;
Встаешь съ полей туманъ съдой,
И эхо будить пѣснь свирѣли,
И свѣтомъ облалась земля;
Съ роскою шнѣи улещѣли.
Гладить красавица-заря,
И хоры рощи загремѣли.
Вскѣпилось солнце колесомъ
На поле голубое;
Бурчипся, шумнымъ въперкомъ,
Ржи тучной море золошое.
Стучишь упрямая волна
О камень равнодушной;
И бездна серебромъ-полна,
Чешуешься рукой воздушной.
Глядишь кудравые кусты
Въ стекло алмазное, живое;
Гдѣ мнѣ кипяшь волной мечшы,
На днѣ рпсуешься былое.
Въ его струяхъ-то вижу я,
Не ослѣпленными глазами,
Какъ солнце свѣтшишь на меня
Своими острыми лучами.
Оно-то сердцу говоришь,
Прелестнымъ шепотомъ журчанья,
И взоръ съ природою дружишь
Картинной воспоминанья:
На шакъ ли же въ съдой волнѣ
Природа милая глядишь,

Какъ мертвое въ картинномъ ситъ
Прозрачной памятью родится?..

А. Залозин?

1826 года Юниа 23 дни

Москва.

Къ * . . . . й.

Оставь, оставь бываа уввренья :
Онъ шоски моеи не пзпребашъ.
Обидень хоть обманъ; но сожаленье
Обиднй для меня спокрашъ.
Извиницъ — мое презренье!

*

Я сердцемъ слабъ; но слишкомъ твердъ душой,
Чтобъ выплакать любви швоей учасье.
Пусть спрасши дань — веселье и покой,
Пускай ушраченное счастье
Не встръпишия уже со мной!

*

Скорйи Нева къ истоку возвратится,
Скорте мы увидимъ правды свтъ:
Чъмъ сердце вновь любить тебя ршится,
Тебя — любви моеи предметъ! . . . . .
Ну, думаль-ли проговоришься?

М-ль Яковлевъ.

С Т А Н С Ы.

Насъ караетъ Провидѣніе,
Но должны ли мы ропшать?
За земное огорченіе
Можно ль Небо укорять?
Малодушное рыданіе
Нашихъ мукъ не облегчать,
Лишь святое упованіе
Ихъ жестокость ушопать!
Други! я въ порѣ пльнипсельной
Не цвѣтѣя уже опщвѣлъ.
Счасія призракъ обольщипсельной
Не прельщивши улешель,
Я не помню время радости,
Я младенцемъ горе зналъ,
И часы веселой младосипи
Мнѣ недугъ мой отправлялъ!
Уменьшился спраданія:
Но склонясь на костыли,
Вижу я безъ содроганія,
Что они мнѣ принесли:
Поле горестнымъ обильное,
Тяжкій путь среди песковъ,
И гоненье рока сильное
И ничтожность пылкихъ сновъ!
Жизни брачной наслажденія
Мнѣ смѣнились въ жизни сей
На любовь и снисхожденія
Сердцу кровныхъ и друзей.
Но мученьемъ не униженный,
Я въ жилище музъ вступилъ,

И, несчастьемъ съ нами сближенный,
Все судьба своей проспиль!

Б.

М. М. М И Х А Й Л О В У.

Гремишь военная тревога,
Вскипелъ опять ужасный бой;
Слыши, поварищъ молодой
На пиръ воинственнаго бога!
Тебѣ несносенъ мирный кругъ,
Постыли шпихя забавы,
Твой пылкій, горделивый духъ
Тебя зоветъ на путь кровавый
Пить чашу гибели и славы.
Почто во мнѣ напрасенъ жаръ
Любви къ отечеству и чести?
Я бѣ отвратилъ на полѣ мести
Въ тебя направленный ударъ!
Но другъ, среди смятеній боя
Тебя мнѣ Небо сохранилъ,
И слава впаго Героя
Мою цѣвницу озарилъ!

И. Балле.

МОИ МЕЧТАНІЯ.

Сердца подобны небесамъ :
Сегодня упрощь — шихо, ясно ;
Подъ вечерь загремишь ужасно,
Уступишь солнцу облакамъ,
Кружася вихри землю взроютъ,
Сполномъ взовьется прахъ, во шмъ лѣса завоюшь,
Изъ черныхъ пучь ударитъ громъ, —
И разореніе кругомъ . . . . .
Но тучи грозныя сгустяшяся,
Ошяжелѣютъ, зашумяшя,
Дождемъ долину напоятъ,
И въ видѣ влаги испреблѣтся.

Такъ страсти наши, такъ любовь,
Насъ распржева, погибаетъ,
Когда приступишь въ очи кровь —
И въ видѣ пляжкихъ слѣзъ на землю упадешъ.

Н. Маркевичъ.

Вопросъ Софiи.

Когда перунъ войны гремѣлъ,
Я смѣло шель въ кровавыя сѣчи,
И не боялся съ смертью сѣчи;
Но никогда сказаць не смѣлъ
Люблю! любимой дѣвъ спрасисто;
Хотя любовь была чиста,
Но говоришь о ней съ прекрасной
Не отворялися уста;
И впайни сердце къ ней пымало!
Не понималъ, дивился я,
За чѣмъ въ присутствiи ея
Мнѣ мыслей, словъ не доспавало,
И твердость духа я терялъ;
Не вѣрилъ счастью и надеждѣ,
Какъ вѣрилъ инъ я въ бипвахъ прежде!
За чѣмъ предъ милой тренепалъ,
Былъ робкимъ, слабымъ, малодушнымъ,
Любя ея отъ всей души?
За чѣмъ я спрасишь скрывалъ, скажи,
Казался даже равнодушнымъ
И на нее не смѣлъ смотрѣть?
Не ужъ ли вѣрно замѣчанье,
Что чье отвергнуто признанье,
Тому мигъ каждый нова смерть!

I. 3.

Могилосъ на Дивпръ.

ЭКСПРОМПТЪ ГРАФИНЪ Ч....

Графиня, увѣрю Васъ,
Ехпромптш сочинилъ мнѣ не дань даръ прекрасной!
Но что за сила вашихъ глазъ! —
Она мнѣ доказала ясно
Всѣ ваши на Экспромптъ права,
И даже то, что голова,
Которая весь вѣкъ не мыслила ни разу,
Экспромптъ вмгъ сочинилъ по Вашему указу.

И. Э.

МЫСЛЬ.

Любовь и тѣнь между собою
Подобны, кажется, такъ мнѣ:
Подходишь къ нимъ, такъ прочь онъ;
Бѣги отъ нихъ, онъ — въ слѣдъ за тобою.

И. Э.

О ш и б к и.

Въ Майской книжкѣ Новостей Литтературы на страницѣ 108 въ заглавіи собственнаго стихотворенія И. П. Борозды ошибкою переписчика напечатано: Первая разлука, *пер. изъ Ламартина*, посвящено Г. Г. К. К. . . . . му; читай: *Первая разлука*.

И на 109-й.

И насъ присудить, благодатное,
Читай: И намъ присудить, благодатное;

Печашашъ позволяешся: Августа 18-го дня, 1826 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковичъ.

СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П р о з а.	Стр.
Прогулка въ селѣ Кусковѣ	97.
Гяуръ	114.
С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .	
Къ сестрѣ	154.
Жизнь	157.
Бейронъ	—
Любовь пройдетъ	158.
Тоспъ	159.
Надгробіе	—
Эпиграмма	160.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

Н О В О С Т И

ЛИТТЕРАТУРЫ.

СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ 1826.

П Р О З А.

ПРОГУЛКА ВЪ СЕЛѢ КУСКОВѢ.

Село Кусково, гдѣ Бояринъ жилъ большой,
Любившій Руское лѣтъ старыхъ хлѣбосольство,
Народны праздники и по шрудахъ спокойство.

Однажды лѣпомъ въ 1811-мъ году родшвенникъ мой Н. М. Ч. прислалъ звань меня на вечеръ. Приѣхавъ къ нему, я нашель человекъ десяшь родныхъ и близкихъ пріятелей вокругъ чайнаго стола, за которымъ-радушная хозяйка разливала чай. Въ углу стоялъ большой столъ съ плодами, лимонадомъ и конфектами. Въ гостиной молодежь шапцовала подъ форшеніано. „Васъ только дожидались,“ съ улыбкою сказала мнѣ пріятливая хозяйка, мы собираемся въ будущее Воскресенье провести цѣлый день въ селѣ Кусковѣ. Хотите ли бытъ нашимъ поварщикомъ? — „Съ величайшимъ удовольствіемъ. — „А вы? а вы?“ — спрашивала она, обочиваясь попеременно къ почтеннымъ старичкамъ и старушкамъ, сидѣвшимъ на софѣ. — „Очень

рады!“ былъ единогласный отвѣтъ. „Я живу ближе всѣхъ опъ Рогожской заставы, въ кошорую выѣзжать намъ; и шакъ, не угодно ли у меня собраться въ 10 часовъ утра? позавтракаемъ и пушимся въ дорогу.“ — Между тѣмъ, какъ сей разговоръ продолжался, гости опшили чай; корзинки, ложки, чашки прибраны; скашеръ снята — и на мѣсто всей эшой рухлой скудели, подали чернилицу и бумагу. Хозяйка изрѣзала одинъ листъ на ровные доскушки — и подложи ихъ ко мнѣ, велѣла писать на нихъ подъ ея дикшовкою: Но 1, обѣдъ; Но 2, плоды, Но 3, конфекшы; Но 4, пирожное; Но 5, мороженое; Но 6, дюжина Бургонскаго; Но 7, дюжина Сомерну; Но 8, дюжина Шампанскаго; Но 9, чай, Но 10, полдникъ; Но 11, оршадъ, лимонадъ, пиво, портеръ и проч. Но 12, кваршира; Но 13, мѣлочныя издержки, и проч. и проч. Билешы написаны, скашаны, положены въ ридикюль, розданы большею ея дочерью госпиямъ по старшинству и разобраны. Тогда начались шолки объ экипажахъ. „Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше можно выбирать,“ — сказалъ Князь В. — „Если погода будетъ хороша; шо поѣдемъ въ коляскахъ, опкрышыхъ карешахъ и дрожкахъ. Если пойдетъ дождь, или вечеръ сдѣлается холоденъ; шо найдемъ убѣжище въ карешахъ, кошоры на всякой случай пойдуть за нами въ аррьергардъ.“ — Сказано, сдѣлано!

Въ Воскресенье, въ назначенный часъ, всѣ съѣхались въ 12 часовъ; подали завтракъ; въ часъ по-

полудни мы уже за заснавою. Большая дорога изрядная; но съ поворота начались выбоины и колеи. Широкая алея, ведущая къ селу Кускову, перерыта и загорожена рогашками. — Насъ везли по оврагамъ и рытвинамъ, въ бродъ черезъ рѣчки и большою частью по сыпучему песку; наконецъ, мы въ Кусковъ, у крыльца маленькаго свѣшлаго домика, наняшаго для насъ К. К. Б., однимъ изъ товарищей нашихъ. — Вошли, оправились и подъ предводительствомъ услужливаго Чичерони, который съ утра насъ дождался, пошли къ главному дому, или, говоря по-Лифляндски, къ замку основателя, Графа Петра Борисовича Шереметева.

Но здѣсь его ужь нѣтъ,
Померкъ красота волшебныхъ свѣтъ;
Все тьмой покрылось, запустило;
Все въ прахъ упало, помертвѣло.

Онъ скончался въ Москвѣ 30-го Ноября 1783 года и шло его погребено въ Новоспасскомъ Монастырѣ Село Кусково не есть родовое имѣніе Шереметевыхъ: оно дошло къ Графу Петру Борисовичу по приданому за его супругою, ошъ Князя Черкаскаго; лежишь между Владимирскою и Рязанскою большими дорогами, разстояніемъ ошъ Москвы въ 7-ми верстахъ.

Домъ не великъ, въ два этажа съ мезониною и балконами. Онъ построень по плану Французскаго Архитектора Вали. Все дышеть роскошью и великолѣпиемъ: стѣны обиты шелковыми обоями Гобеленовой фабрики; зеркала огромны; вездѣ мраморы,

аншики, бронзы; плафоны превосходно разрисованные. Въ одной комнашѣ сѣѣны, двери, потолокъ и полъ зеркальные; въ другой сполы изъ малакита; въ прешей разставлены на сшоллахъ фарфоровыя изображенія звѣрей и живошныхъ въ маленькомъ видѣ; въ чешвертой аншики изъ Геркуланума. Въ библиотекѣ съ любопытствомъ разсматривали мы перломунпромъ украшенную модель Иерусалимскаго Храма и Виолеема; также восковые бюены *Вольтера, Жанъ Жака Руссо, Франклина* и другихъ извъспныхъ мужей. Въ оружейной нашли мы рѣдкое собраніе древняго и новаго оружія: Англійскія, Французскія, Гишпанскія, Черкесскія, Греческія и Кишайскія ружья; Дамасскія сабли, оправленные въ золото и осыпанныя драгоцѣнными камнями. Между конскими приборами находишся сокровище: сѣдло Карла XII, доставшееся вмѣстѣ съ его верховою лошадыю знаменишому сподвижнику Преобразишеля Россіи Графу Борису Петровичу Шеремешеву въ сраженіи подѣ Полтавою.

Истинное же великолѣпіе сихъ чершоговъ составляетъ карпины знаменишѣйшихъ живописцевъ. Назову слѣдующія: Св. Апостоль Андрей — *Вандика*; смерть Св. Франциска — *Доминикина*; Богомашерь, держащая на рукахъ младенца Иисуса — *Корреджія*; Рождество Хришво — *Паула Веронеза*; Рождество же Хришво — *Рембрента*; Вирсавія въ купальнѣ — *Гвидо-Ренки*; превращеніе Дафниа — *Доминикина*, и нѣкоторыя другія.

Передъ домоюъ возвышается мраморный обелискъ; на немъ прочисали мы надпись: „Екатерина II пожаловала Графу Петру Борисовику Шереметеву въ 1785 году. во время бытности его Губернскимъ Предводителемъ Московскаго дворянства.“

Недалеко отъ него, на мраморномъ столпѣ, служащемъ ей подножіемъ, стоитъ Минерва изъ благаго мрамора, съ надписью: *Екатерина Великая, Всемилостивѣйшая Государыня, удивившая весь свѣтъ славными своими надъ Оттоманскою Портою побѣдами и давъ торжествовать своимъ вѣрноподаннымъ преползній миръ, Всемилостивѣйше соизволила, Марта 22-го и Августа 23-го 1775 года, поспѣтитъ своимъ присутвіемъ здѣшняго дома хозяина, Графа Петра Борисовица Шереметева. Въ память сего благодарности сей монументъ изъ пожалованнаго Ея Величествомъ мрамора соорудила.*

Съ другой стороны дома длинная алея столбчатыхъ переселенцовъ изъ благословенныхъ краевъ Юга; померанцовыя, лимонныя, апельсинныя, миршовыя, кинарисныя, вѣчнозеленыя деревья съ цвѣтами и плодами, бѣломраморныя спашуи боговъ и богинь, переселяющъ насъ подъ высокое небо Италіи.

Я знаю, что желалъ вкусъ спротивъ изъ садовъ

Пизнашь Авзоніи и Греціи боговъ.

Напрасно! юность ны п дѣтство проводилъ

Въ Афинахъ, въ Римѣ; тамъ боговъ сихъ полюбили.

И не спрегали ль они сады и огородъ?

Почпо же заграждашь въ твои сады ны входы?

И съютъ ли цѣлны швоп разцвѣсть безъ Флоры?

Пусть боги Греціи обворожаютъ взоры,

Изящные, они творцы изящныхъ чувствъ:

Баснь и шеперь еще Религія искусивъ!

Самъ Шайшобрианъ, снротій и набожный, дозволяешь языческимъ богамъ населять сады и чершогги.

„Не хочу,“ говоришь онъ,

„Тришоповъ выгоняшь

Изъ водъ прохладныхъ въ снени жарки;

Свярьь у бога снадь ошнншь

И пошнцы у Парки.“

Обширный регулярный садъ съ веселыми бесѣдками, свѣтлыми храмами, легкими мостами, шумными фонтанами, яшмовыми урнами, огромными оранжереями, зеркальными прудами, каналами, цвѣшниками — напомнили мнѣ сннхи Демия:

Искусству покоряшь дозволяя мы природу;

Но похншнтель сей, ошнншь ея свободу,

Подъ блескомъ пышности обязанъ властвъ сокрышь,

Белнкоснню дель шрощенне заслужншь.

Любуясь разнообразными предметами, нечувшвшнтельно подошли мы къ Церкви, гдѣ спарець-святенникъ ошндалъ насъ сннн на паперши; у ногъ его двухлѣшннй внукъ съ свѣшлыми кудрями, съ большими черными глазами, прелесшннй, какъ Грѣзовъ Амуръ или Ангель Рафаелевъ, нгралъ съ цвѣшнами расшнущнми вокругъ надгробнаго камня, разломленнаго и до половины вросшшаго въ землю.

Каменная Церковь не огромна и не опшнчнкой Архншешкштуры: въ ней рѣзной иконошншаеъ вызолочень;

старинные мѣшные образа въ золотыхъ окладахъ, унизаны жемчугомъ и алмазами; богашая ризница. За олшаремъ стоишь большая картина: Благовѣщеніе, лучшее произведеніе живописца Гершеня.

Семидесяти-лѣтній Священникъ помнишь основателя села Кускова, Графа Пешра Борисовича, испиннаго Рускаго Боярина. Въ Екатерининъ вѣкъ Вельможи, ищоща на службѣ силы, доживали въ Москвѣ преклонные дни свои. Орловъ-Чесменскій, Долгорукій-Крымскій, Еропкинъ, Панинъ, Шеремешевъ, сохраняя довѣренность Императрицы и вліяніе на важныя дѣла Государственныя, спарались, праздниками для народа и хлѣбосольствомъ для дворянъ, заслужишь ихъ любовь и благословеніе. (*) Священникъ съ слезами на глазахъ разсказалъ намъ, что при жизни Графа Пешра Борисовича, лѣпомъ въ селѣ Кусковѣ, каждый четвершокъ и Воскресенье, было

(*) Въ доказательство того, не лишнимъ почтисаемъ приложить здѣсь письмо Кагульскаго Героя къ Главнокомандовавшему въ Москвѣ Генералу Еропкину:

Милостивый Государь мой

Петръ Дмитріевичъ!

Что я скажу вамъ, было бы доспащочно изъявить ту чувствительность и благодарность, какими душа моя преисполнена за ваше обо мнѣ намятлованіе, въ письмѣ отъ 3 прошедшаго Сентября, и кои только ощутительны, а пзречены бытъ не могушь.

Ваше Пр. увѣрительно уведолены были, или по ходячему слуху свѣдали о томъ, такъ сказашь, разслабленномъ состояніи, до моего меня мои тяжкія болѣзни довели и меня задержали здѣсь.

Я щу себя помогашь; но, по мнѣнію врачей, мнѣ остаешся одна только помощь, отъ цѣлительныхъ водъ, куда однако жъ надо доухать и что не такъ близко. Впрочемъ еще мнѣ я не востанавляя своего здоровья и едваадея вовсе неспособнымъ къ службѣ;

гулянье: домъ, бесѣдки, сады, пристань, лхмы освѣщались. Музыка гремѣла, раздавались пѣсни гребцовъ и пѣвчихъ; на Театръ представляли комедіи, оперы и балеты; великолѣпный ужинъ для многочисленныхъ гостей хозяина и пошѣнные огни для народа заключали сіи праздники.

Екатерина II, и Римскій Императоръ Юсіфъ II, удоспоили Графа Пешра Борисовича своимъ посѣщеніемъ.

Опѣ Священника узнали мы, что въ одномъ изъ прехъ здѣшнихъ прудовъ, называемыхъ *зеркалами*, найдено нѣсколько насоящихъ жемчужныхъ раковинъ, и изъ одной, осенью 1786 года, вынута жемчужина, копорая и хранится здѣсь въ Кабинетѣ рѣдкостей. Мы ее увидимъ.

Часы доложили намъ, что у насъ оставалось мало времени до обѣда; облака расшопились, жаръ спановилса неносенъ, и мы рѣшились, заглянувъ въ Ипаліанскій каменный двухъ-этажный домикъ, съ прилегающимъ къ оному садомъ въ Ипаліанскомъ же вкусѣ, возвратиться въ нашу кварширу, шообѣдашь,

---

шеперь мое желаніе непосредственно есть, чтобы водвориться подъ вашимъ покровомъ въ мапери градовъ, гдѣ всѣ ннѣ подобныя, по многимъ странствіямъ ихъ, покой обрѣтають.

Вашего Превосходительства

веспокорѣннѣйшій слуга

Гр. Румянцовъ-Задунайскій.

16 Октябрия, 1780 года.

Свѣяка бавъ Ясѣь.

опдохнуть и въ семь часовъ собрались на берегу большого озера, въ Голландскомъ домикѣ.

Въ Ипаліянскомъ нашли мы нѣсколько славнѣйшихъ картинъ; Іоаннъ Креститель — *Рафаеля*; Св. Великомученица Екашерина — *Каріони*; Прометей — *Салватора Розы*; множество картинъ и столовъ изъ мозаики. Въ саду того же имени множество фоншановъ и спашуй; алеи подстрижены; кустарники округлены вазами, пирамидами, четверугольниками. Тушь же Театръ изъ зелени; лѣшомъ во время пребыванія здѣсь хозяина, представляли на немъ маленькія оперы.

Голландской домикъ есть двухъ - этажное зданіе. Онъ убранъ въ Голландскомъ вкусѣ: стѣны вмѣсто обоевъ, окладены блестящими изразцами и увѣшаны картинами Фламандской школы. Между ними съ удовольствіемъ разсматривали мы портреты *Бандика*, имъ самимъ писанный; портреты кисти *Рембранта*; также картины писанныя *Моллиеромъ*. Въ кухнѣ шкафы наполнены настоящею Японскою, Китайскою и Саксонскою фарфоровою посудою и Венеціанскимъ хрусталемъ. Въ огородѣ чистота необыкновенная, а въ ближнихъ цвѣтникахъ разноцвѣтныя гвоздики и тюльпаны съ такими рѣдкими пяннами и до того красками испещренныя, что могли бы возродить завѣсь въ самихъ Гарлемцахъ.

Черезъ березовую рощу прошли мы въ эрмипажъ, къ кошорому ведутъ шесть дорожекъ съ шестью разныхъ сторонъ. Въ верхній этажъ, гостей подни-

лающъ на софѣ: тамъ находишься столю на 16 приборовъ. Каждая шарелка по желанію опускается въ низъ и поднимается съ новымъ кушаньемъ.

Въ шой же роцѣ карусель, качели, кегли и разныя другія сельскія игры и пошѣхи.

Нашъ Чичерони вывелъ насъ на пристань обширнаго яснаго озера: по срединѣ его стоишь на лкорѣ раззолоченная шестипушечная яхта; у берега качаются шлюпки, челноки и бошки. Зеленый островъ, зеленяя купы липшвенницъ, кедровъ, рѣдкихъ красошою кустарниковъ и домики, живописно разбросанные по берегамъ его, прелесшны: на нихъ оидышаешь взоръ, ушомленный равниною водъ, которыхъ синій цвѣшъ, непримѣшно сливаясь съ спеншою низкаго берега и лазурью неба, показываешь се безпредѣльною.

Вообще, Кусково богашо прудами, каналами, каскадами и рѣчками. Кромѣ озера, о кошоромъ мы выше говорили, ешъ другое не столю обширное. Изъ него съ шумомъ и бышршою вышекаешь рѣчка, и извиваясь и раздѣляясь, образуешь нѣсколко острововъ. На одномъ изъ нихъ рыбацій домикъ предлагаешь вамъ для забавы сѣши и уды; шущъ развѣшенъ неводъ, связанный изъ шправы и выписанный изъ Парижа.

Здѣсь отъ зноя палящаго

Тѣни вѣтель прохладныя,

Водъ съ роскошною свѣжешью,

Предлагають убавище.

И на берегъ скачистомъ
Рыболовъ недвижнмъ сидишь,
Молча съ удой дрожащею,
И слѣдишь ее взорами.
Наклонился онъ на воды,
Глазъ недвижный зрнть весело
Поплаюнкъ упопоающій
И прущъ длинный погнувшійся.
Ахъ! кто сей неопасливый,
Неразумный сей жишель водъ,
На крючкъ повнсь гибельномъ?
То карась ли серебряный,
Или карпъ позолочесый,
Или лещъ съ красной жаброю,
Или угоръ извивнстый,
Или щука отважная,
Робкнмъ рыбамаъ ужасная?

На другомъ островѣ Кишайская бесѣдка, осѣнен-
ная высокими кедрами. Черезъ рукава рѣчки пере-
гибающся смѣлые мосты съ раззолоченными рѣшет-
ками и рѣзными перилами. Одинъ изъ нихъ ведетъ
въ глубину роци — къ шакъ называемому *убльжищу*
Философовъ, гдѣ бѣлый кускъ корольковъ на каминѣ,
достойнѣ, чшобъ посѣшншель взглянулъ на него.
Другой прилегаешъ къ густому лѣсу.

Вотъ сумрачный вершецъ: онъ тайнъ души хранишель;

Прохлады и любви и пишины обншель.

Окаменѣлостей чудесный рядъ,

Улишокъ, раковнн, коралловъ,

И разноцвѣтнннй блескъ кристалловъ

Нанн осѣпдяющъ взглядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вошедъ въ пещеру, убранную мадрепорами, кристаллами и рѣдкими камнями, воображаешь бышь въ гостяхъ у Фей Морганы, или на островѣ Аншипаросѣ. Въ сей пещерѣ лежишь левъ, покоящійся на лаврахъ, съ надписью: *Non sinit, sed indomitus*. Вокругъ пещеры, какъ сладкая музыка, журчатъ невидимые ключи живой воды, тайно подъ землею проведенные. Здѣсь же хранится огромная, каменная плита съ окаменѣлыми морскими раковинами, найденная въ дачахъ села Кускова. Другая пещера унизана разнообразными раковинами, красными и бѣлыми корольками.

Ровный, какъ разоспавшая на сполѣ скашершь, лугъ, переливающаяся ошь солнечныхъ лучей, какъ темнозеленый бархашъ, показался намъ еще мягче, еще нѣжнѣе, еще муравчатѣе, по выходѣ изъ холодныхъ пещеръ, ослѣпляющихъ зрѣнiе.

Сколько славныхъ и гореспныхъ воспоминанiй въ поршрешной галлерей Царей и Цариць Европы, современниковъ Екатерины Великой! Они изображены во весь ростъ, и ошь щого кажущся, какъ будто живые, какъ будто глядящъ на входящихъ посѣпителей. Вошь Фридрихъ Великiй! Вошь Юсифъ II, благонамѣренный, но нешерпѣливый: онь все началъ — и ничего не кончилъ; все посадилъ, но ничего не укоренилъ; все перемѣнилъ, но не улучшилъ въ разновѣрныхъ, разнонародныхъ и разнохарактерныхъ своихъ владѣнiяхъ. Вошь Христiанъ VII! (Передъ емъ Монархомъ Вольтеръ бросился на колѣна и

именемъ человѣческаго рода благодариль его за уваженіе къ правамъ и достоинству челоѣка.) Эпо не порпрешы обыкновенныхъ частныхъ людей, на которые глядимъ мы равнодушно: эпо величественные Образы смертныхъ бессмертныхъ. Первое чувство при видѣ ихъ — ешь благоговѣніе; второе, горесъ объ ихъ пошеръ, горесъ, шихо переходящая въ сладоспную задумчивоспъ. И сїи движенія сердца не имѣли ничего общаго съ корыспью и шщеславіемъ, обожающими могущество; они были — должною данью чистѣйшей благодарности. Сїи владыки благодѣтели оспавили своимъ преемникамъ великое имя, великій примѣръ и великіе уроки!

Я ошворопился ошъ разврашнаго вольнодумца, регенша Франціи: онъ погубиль ее! взглянулъ съ негодованіемъ на холоднаго себялюбца Людовика XV, и съ шихою груспью ошановился передъ порпрешами Царешвенныхъ мучениковъ, Людовика XVI и Маріи Аншуанешы. Мнѣ казалось, что передо мною окровавленная шѣнь сего Царя говоритъ ослѣпленному народу:

„Что дѣши, что народъ мой славный,

Что вамъ такое сдѣлалъ я?

Вы скипиръ вручили мнѣ державный;

Чѣмъ посрамилась власть моя?

Вы вня мнѣ благаго дали:

Вы благости мои вкушали.

Желали вы пить свободу,

Чтобы законы написать;

Я отдаю все права народу
 И всю мою вамъ Цареку власиль.
 Желали, чтобъ я сиялъ корону,
 Со всеми вами равенъ былъ?
 Ни слезъ не испушивъ, ни стону,
 Я съ вами гражданиномъ слылъ.
 Желали вы, чтобъ я судился:
 И я предъ вами правъ явился.“

Въ сосѣдственной комнатѣ мы поклонились усерд-
 нымъ слугамъ Отечества и Петра Великаго на
 гражданскомъ поприщѣ: вошь Осшерманъ, Шафи-
 ровъ, Писаревъ, Ромодановскій,

И ты, другъ правды, Долгоруковъ!

Вошь его храбрые сослуживцы, его товарищи
 подъ Лѣснымъ, подъ Прусомъ, подъ Дербентомъ!

Хвала вамъ, славные сподвижники Петровы,
 Блестящій Меншиковъ, великостыю заслугъ
 Пробившій пупъ въ честиамъ и славу, Царскій другъ,
 Сынъ избалованный фортуны и победы.
 Вождь Шереметевъ — стражъ опичныи крѣпкій былъ:
 Онъ въ Астрахани бунтъ опасный усмирля;
 Подъ Нарвой, пода Лѣснымъ, подъ Ригой, подъ Полтавой
 Покрылся вѣчною, невянущею славой.
 Голицынъ (*) освѣпилъ пожарами Стокгольмъ —
 И въ сердце Швеціи бросая мстятщій громъ,
 Смирля Вельможъ ея и гордую Царицу
 И миротворную ей простирля десницу.

Грустно разсѣпались мы съ славными Монархами
 Европейскими и съ Боярами Рускими, пригошовивши-
 ми блестящій вѣкъ Екатерины и Александра. —
 Мимоходомъ заглядывали въ пустыя лѣшомъ оран-

(*) Князь Михаилъ Михайловичъ.

жерей, въ Индѣйскій пагодъ, въ Лабиринтъ, въ поля Елисейскія. Въ Бельведеръ, имѣющемъ видъ башни; съ верхней площадки кошораго видны всѣ окрестности, любовались мы очаровательными видами вокругъ Кускова. Прекрасныя картины! передъ глазами готическія церкви съ высокими колокольнями, загородные дома, деревни, большая дорога, рощи, луга, пруды, рѣки, поля, спада, неспрѣлись въ неизмѣримой дали, и пылающее солнце, какъ торжественно сходило съ небесъ голубыхъ и безоблачныхъ. Душа не вмѣщала всѣхъ пѣсившихся въ нее впечатлѣній; взоръ скользилъ съ предмета на предметъ, съ картины на картину, и языкъ не находилъ словъ для изъясненія всего великолѣпія, разнообразія и прелести природы.

Все прекрасно, удивительно, богато; но, признаюсь, упомляетъ душу. Наконецъ,

Мы вырвались изъ пышныхъ тѣхъ садовъ,

Гдѣ равнодушное искусство,

Къ природѣ заглуша врожденное въ насъ чувство,

Верхи кустовъ, сучки деревъ

Безжалостно срубаетъ;

Гдѣ нѣтъ свободы для ручьевъ,

Гдѣ цвѣтнику цвѣтникъ, храмъ храму ошвѣчаетъ;

Гдѣ прошивъ луга лугъ и прошивъ лѣса лѣсъ,

Гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ:

Глазъ все угадываетъ прежде,

И жадный все обнять,

Въ одно мгновенье

Успѣлъ все видѣть, все узнать,

И все исчерпать наслажденье.

Мы вскричали отъ радости, когда вошли подъ дремлющія сѣни Англійскаго сада, спунили на узорчашые ковры лужаскъ, увидѣли своенравную рѣчку, пекущую по своей прихопи между независимыми деревьями, безопасно размешавшими гуспыя вѣтви свои.

Здѣсь листошь шевелитъ свободный вѣтерокъ,
Сверкаетъ и гремитъ по камешкамъ попокъ,
Опутанъ корнями, плещетъ и повпликой,
Онъ освѣжаетъ лѣсъ сей двкой.

Вошь здѣсь пропняки разошлись,
Вошь передушались, и вошь опять слились,
Вездѣ вдѣ рѣзвости, небрежности, свободы:

Искусство здѣсь въ подданствѣ у Природы

Жаль, что звѣринець необишаемъ: прежде жили въ немъ Американскіе, Нѣмецкіе, Архангельскіе и Сибирскіе олени, дикія козы, серны, сайгаки, шакже пѣгіе и черныя волки. Въ немъ все дико, мрачно и сурово. Эшо дебрь непроходимая: кажешся, будшо чловѣческая нога никогда не шопшала здѣшней шравы — шакъ высока она; будшо никогда шопоръ не звучалъ въ сихъ лѣсахъ, старыхъ, какъ міръ, и шемныхъ, какъ ночь. Лисшья шуршашъ подъ ногами; древа скрышашъ, гнушся, шрещашъ и падаюшъ. Въ сладкой задумчивости я далеко отспалъ отъ своихъ шоварищей; не слышно спало шороху шаговъ ихъ; я былъ одинъ въ непроходимой чащѣ лѣса; шѣни становились чернѣе и чернѣе; чшо-шо вздыхало и шепшало вокругъ меня; шемная рѣчка избивалась шередо мною. Сердце мое крѣпко билось, кровь вол-

новалась, я чувствовал какое-то приятное безпокойство, какой-то сладостный шепетъ; душа моя разширилась. Я сълъ на пень бурю сломленного дерева, котораго полуисплывшій шрупъ занималъ большое пространство съ своею прежде столь величавою вершиною, съ своими раскинутыми сучьями: и ждалъ чего-то безвѣснаго, необыкновеннаго, таинственнаго. Я былъ одинъ; но дикій лѣсъ не былъ для меня пустынею: Господь Богъ населялъ его безконечность. Мнѣ казался

Каждый холмъ олшарь

И храмъ каждая сѣнстая дубрава,

Гдѣ, мнѣся, въ тайной мглѣ сокрытъ природы Царь

И въюшь въ вѣтеркахъ душистыхъ Серафимы.

Я взглянулъ на небо — и увидѣлъ, что полный мѣсяць стоишь надъ моею головою и осыпаетъ лѣсъ золошомъ и рѣку искрами. Удвоенными шагами догналъ я свое общество, которое въ одинъ голосъ вскричало: „Пора домой!“ Кое-какъ добрались мы до своего ночлега, гдѣ ожидалъ насъ холодный ужинъ.

Били утреннюю зорю, когда мы въѣзжали въ Москву бѣлокаменную.

Войсков.

Г я у р ь (*).

Ни малѣйшій въперокъ не рябилъ волнъ, копорыя величественно развивались подъ скалою, гдѣ покоишься прахъ Аристидова соперника. Памятникъ Героя царсшвуешь надъ спраною, которую нѣкогда рука его спасла отъ Персидскаго ига. Онъ издалеца виденъ съ моря пловцамъ, возвращающимся на судахъ своихъ въ гавань. Скоро ли родишься другой Семиспокль? . . . . .

Прекрасный климашъ! Тамъ каждое время года ласково улыбается плодоснымъ островамъ, копорыя глазъ открываешь съ высоты *Колонны*, (**), и копорыхъ видъ очаровываетъ сердце и склоняешь его къ сладкой задумчивости!

Тамъ Океанъ дивишься, смотря на поверхность едва колыхаемыхъ волнъ своихъ, въ копорыхъ отражаются вершины горъ, вѣнчающихъ сѣи счастливые острова. Если иногда перелѣнный въперъ слегка взволнуетъ лазоревый кристалль моря, или сорветъ прѣшокъ съ сшебля: то услужливые зephyры повсюду разнесушь на крылахъ прѣшное благоуханіе. Тамъ и на горахъ и въ долинахъ цвѣшетъ любовница соловья — роза, (***) прелестный цвѣшокъ

(*) *Иестрний*, имя, которое Турки даютъ Хрисціанамъ.

(**) Прежде сей мысъ назывался *Sunium*.

(***) Сказка о любви соловья и розы весьма извѣстна на Востоку.

— предметъ спрасныхъ вздоховъ пѣвца ночей. Царица садовъ, милая роза, краснѣя, слушаетъ его любовныя пѣсни. Не боясь ни холодныхъ вѣтровъ, ни снѣговъ сѣвера, она распускается опть шеплаго дыханія весеннихъ зефировъ, куришь, какъ благодарный ѳиміамъ, ароматы, ей природою подаренные, и яркими красками испещря лужайки, украшаетъ въ свою череду мѣсяца, пріютомъ ей служащія. Тысяча прелестнѣйшихъ цвѣтовъ разрисовываютъ тамъ ковры муравчашые. Тѣнистыя рощицы приглашаютъ любовниковъ; прохладныя пещеры предлагаютъ имъ таинственное убѣжище; увь! онѣ укрываютъ морскаго разбойника, подъ наклономъ ушеса, скрывающаго ладью свою и ожидающаго благопріятной минуты для нападенія на мирнаго плавателя. Когда взойдетъ звѣзда вечерняя и веселый пловецъ пробуждаетъ звуки гитары, (1) тогда ночной воръ быстро разсѣкаетъ волны и нечаянно нападаетъ на свою добычу; не пѣсни радости, но вопли и стоны разносятся по окрестностямъ.

Сстрана злополучная! природа украсила тебя своими дарами и содѣлала обителью достойною боговъ, почто же человекъ-исребитель превращаетъ сей рай въ дикую пустыню? почто попираетъ онъ ногами сіи блестящія цвѣты, которые не орошены его попомъ, и какъ будто предупреждая его желанія,

(*) Любовный музыкальный инструментъ Греческихъ мореплавателей.

распушь безъ всякой обработки и пребуюшь только пощады?

Возможно ли, чпобъ въ кликашѣ, гдѣ все дышетъ спокойствіемъ и счастьемъ, спрашши ешоль ужасно свирѣпствовали? Прилично ли въ сихъ очаровательныхъ мѣстахъ гнѣздишься грабежу и разбою? — Можно подумать, что адскіе духи, вырвавшись изъ горящей бездны, и побѣдя вѣрныхъ Серафимовъ, гордо возсѣли на престолахъ неба. Такова счастливая страна Грековъ, шакowo варварство ея повелителей, ея раззорителей!

Случалось ли вамъ видѣшь усопшую красавицу? (*) Когда не протекъ еще первый день смерти, день, въ который начинается разложеніе тѣла, послѣдній опасности и сшраданія; прежде, нежели рука смерти обезобразишь сіи черты, въ которыхъ дышашъ еще прелести: замѣтили ли вы сей шихій, Ангельскій образъ, сіе сладостное успокоеніе и слабый нѣжный румянецъ, вышупающій на шомной блѣдности ланншъ ея? Увы! огонь не блещешъ изъ сихъ очей навсегда смежившихся; они не покаряють сердцеъ, не проливають слезъ, и сіе чело, охлажденное

(*) Вѣроятно, немногіе изъ моихъ Читателей бывали очевидцами печальнаго зрѣлища, которое здѣсь описывается; но тѣ, которые видѣли умирающаго друга, конечно были поражены, какъ я, красотою, которая нѣсколько часовъ по смерти сохраняется на лицѣ человѣческомъ. Замѣчательно также, что въ чертахъ убитаго изъ огнестрѣльнаго оружія видна тѣнь; погибшій же ошъ сабли или кинжала, сохраняетъ на лицѣ своемъ послѣднія чувства души своей въ минушу кончины.

смертью, ужасаетъ сердце печальнаго постьпшшеля. Еще нѣсколько мгновений . . . . Увы! они быспро промчашся; одинъ часъ разсѣешъ всѣ сомнѣнiя . . . . еще нѣсколько мгновений мы не вѣримъ, что она скончалась: споль мирно и шихо послѣднее выраженiе сего лица, съ котораго жизнь уже слепѣла.

Таковъ образъ сего берега: эшо Греція, но Греція безжизненная; ея холодное спокойшвiе, ея мершвая красоша приводишъ въ прешешъ. Она сохранила еще шу прелешъ, которая не вся улешаетъ съ послѣднимъ дыханiемъ жизни; но красоша ея померкла и пугаетъ опечаленный взоръ гробовымъ цвѣшомъ. Эшо послѣднiй лучъ умирающаго сiянiя, золошая заря надъ развалинами, послѣдняя мысль охолодѣвшаго чувешва, искра небснаго огня, которая еще свѣшшшъ, но не согрѣвашъ любимой спраны своей.

Опчизна Героевъ, достойная вѣчной памяти! . . . Твои поля и горныя ущелья были приюшомъ свободы, или гробницею славы; священный храмъ героизма, какъ мало намъ опъ шебя уцѣлѣло! Вѣщайте, низкiе и ползающiе рабы! не Термопилы ли предо мною? Вѣщайте, униженныя пошомки независимаго народа! какое эшо море? Какъ называется эшонъ берегъ? Не эшо ли заливъ, не эшо ли ушешъ Саламинскiй? О! да будущъ сiи славныя мѣсна снова опчизною Грековъ! Возспаньше, вспомнише подвиги своихъ предковъ; разгребите ихъ могильный испель; шамъ вѣрно заронилась искра, которая вспыхнешъ въ

сердцахъ вашихъ. Тотъ, кто погибнетъ въ сей благородной битвѣ, оставитъ потомкамъ грозное имя, котораго будутъ трепещать мучители! Онъ оставитъ сынамъ своимъ славный примѣръ для подражанія. Они, въ свою чреду, предпочтутъ смерть стыду; борьба за независимость, которую дѣды завѣщаваютъ внукамъ, всегда кончится побѣдою! Безсмертныя страницы твоихъ летописей, о Греція! сквозь мглу вѣковъ проповѣдуютъ намъ сію истину; между тѣмъ, какъ могущіе Цари востока погребены во тмѣ вѣковъ и оставили намъ одни безъименныя пирамиды: время сокрушившее сподпъ, надъ могилою твоихъ Героевъ воздвигнушый, сохранило имъ неразрушаемый памятникъ — горы ошечеспвенныя. Тамъ, Муза твоя указываетъ страннику гробъ безсмертныхъ.

Кто расскажетъ намъ длинную и печальную Исторію твоего померкнувшаго величія? Ахъ! по крайней мѣрѣ, ни одинъ чужестранный завоеватель не можетъ похвалиться, что одолѣлъ твое мужество; оно само себя измѣнило: ты унизилась и слабодушно покорилась варварамъ, которые наложили на тебя цѣпи.

Что расскажемъ нынѣшней поѣздившей береговъ твоихъ? Можешь ли ты представить хотя одинъ подвигъ, достойный древнихъ временъ, могущій извлечь изъ его лиры звуки достойныя Музы, которая воспѣвала некогда дѣлнія сыновъ твоихъ, тогда

какъ ты производила на свѣсъ мужей доспойныхъ Греціи?

Почто сіи сердца долинныхъ жителей, почто сіи пылкія души, не пылають высокимъ мужествомъ? Почто швои робкіе сыны, рабы рабовъ (*) опть колыбели до могилы пресмыкаюшся? Глухи къ голосу чести, а не злодѣйства, они замараны всѣми гнусными пороками, унижающими челоуѣка передъ животными, но не могутъ похвалиться ни одною доблестью дикихъ народовъ: они незнакомы ни съ свободой, ни съ храбростью.

Являюшся ли они въ сосѣдственныхъ гаваняхъ? Каждый изъ нихъ щеголяетъ коварствомъ, кошорымъ издревле предки ихъ славились. И шеперь еще Греки слывуть хитрыми; пронырливостъ есть единственное ихъ право на извѣстностъ. Я о нихъ не жалѣю.

Происшествіе, кошорое я здѣсь описываю, случилось въ Греціи; оно печально; оно засшавило плакашь шѣхъ, кошорые въ первый разъ его слышали.

Огромный ушесъ бросаешь длинную шѣнь на воды и издали походишь на ладью морскаго разбойника, или коварнаго Майноша. (**) Рыболовъ боишся за свой челнокъ и не присшаетъ къ сему гибельному

(*) До послѣдняго возшавія Грековъ, Аѣны былъ собешвенностые *Кизляръ-Аги* (начальника черныхъ Евнуховъ *Серала*); онъ назначалъ шуда Воеводу. *А. В.*

(**) Майношы обшгаютъ нынѣ въ Лаконіи. Многие Ученые люди утверждають, что они истинные потомки *Спаршанцевъ*. *А. В.*

мысу; усталый и счастливый обильною делью, онъ тихо плывешь къ безопасному Леонскому берегу, и рѣдко ударяя веслами, любуешься свѣшломъ, украшающимъ ночи воспока . . . . .

Кто скачешь, какъ вихрь по долинь? Его конь черень, какъ крыло врана; попошь копышь, какъ грохощъ грома въ долинахъ, далеко опшывася въ каменныхъ ущельяхъ; пѣна, покрывающая удила, бѣлѣ гнѣвныхъ валовъ Океана. Тишина воцарилась на равнинѣ моря, но не въ сердцѣ швоемъ, юный Гяурь! завтре буря взбуншуетъ смиренныя волны, но жесточайшая буря свирѣпшуетъ въ груди швоей. Ты незнакомъ мнѣ; я ненавижу страну швоего рожденія; но замѣчаю на лицѣ швоемъ чершы, копорыя само время никогда не изгладить; не смотря на молодость и блѣдность, пламенныя слраспи избраздили чело швое и изсушили душу; хошя швой суровый взоръ пошупленъ въ землю, но я узналъ въ шебѣ одного изъ шѣхъ невѣрныхъ, коихъ должны бы изгнать, или умершвишь поклонники Моггамеда.

Изумленные глаза мои долго слѣдовали за быспроскачущимъ всадникомъ, и хошя онъ исчезъ, какъ ночной призракъ, однако образъ его, какъ шемное воспомнаніе, напечатлѣлся на моемъ сердцѣ, и попошь скакуна его долго опшывался въ моемъ слухѣ. Онъ промчался мимо высокой скалы, нависшей надъ морскою бездною, и скрылся за симъ огромнымъ камнемъ. Неирѣашна встрѣча съ незнакомцемъ для

шого, кто въ полночь спѣшишь укрышься отъ людскихъ взоровъ; ему сіяніе звѣздъ ненавистно. Онъ исчезъ, но прежде остановилъ коня, который жарко раздыхался, привсая на спреженахъ, оглянулся . . . . . Чего ищущъ глаза его въ ближней оливковой рощѣ? Луна сіяетъ на холмѣ, лампы не попухли еще въ мечетяхъ; ему не слышны ружейные выстрѣлы, но онъ можетъ видѣть молнійный блескъ вспыхнувшего пороха. Сегодняшнимъ вечеромъ закашилось послѣднее солнце Рамазана, (*) и ночью начинается Байрамъ у Мусульманъ правовѣрныхъ. Но кто ты? Чшо ты сдѣлалъ? Твоя одежда обличаетъ чужестранца! За чѣмъ споль свирѣпь взоръ твой? За чѣмъ убѣгаешь ты отъ нашихъ мечетей и праздниковъ? . . . . . Легкій страхъ на минушу выстунилъ на его лице; но скоро на немъ изобразилась ненависть. Эшо былъ не румянецъ мгновенной вспльчивости, а блѣдность мрамора, котораго мершвалъ близна усугубляетъ мракъ кладбища. Голова его поникла и взоръ былъ неподвиженъ; онъ поднялъ руку съ угрозой, и, казался, нѣсколько минушь въ раздумѣ, бѣжалъ ли ему, или возвращишься? — Но вороной конь его заржалъ онъ нестерпѣнія; рука всадника упала на рукояшь кинжала; ржаніе коня разсѣяло его думы: шакъ зловѣщій крикъ совы тревожно прерываетъ сонъ нашъ.

(*) *Рамазанъ* постъ, а *Байрамъ* масляница Турецкая. При солнечномъ закатѣ, начало *Байрама* возбѣщается пушечнымъ выстрѣломъ. Ночью же, освѣщеніе мечетей и выстрѣлы изъ ружей и выстрѣловъ означаютъ, что наступилъ сей праздникъ. *Л. Б.*

Глуръ вонзиль шпоры въ бока вѣрнаго коня своего — и онъ полетѣль, какъ бышрый *Джерридъ*, (*) сильною рукою брошенный. Уже узкій перешеекъ оспадся далеко за нимъ; прибрежное эхо замолкло, не видно горделиваго чела Христіанина; онъ еще разъ остановился — и вдругъ помчался еще шибче, какъ будто смерть гналась за нимъ. Въ эпошъ крапкій мигъ въ душѣ его сполнились годы воспоминаній, цѣлая жизнь мученій и цѣлый вѣкъ злодѣйствъ. Такія минушы давятъ всѣми прошедшими горестями сердце, волнуемое любовью, ненавистью, или страхомъ. Какой муки не вытерпѣль *Глуръ*, размышляющій о себѣ самомъ и обремененный пысачью шажкихъ воспоминаній? Сей промелькнувшій мигъ показался ему вѣчностью. Совѣсть воскресла въ душѣ его безчисленный рядъ порочныхъ дѣяній.

Глуръ уже далеко! одинъ ли онъ? что привело его сюда? прокляты день его пріѣзда и отъѣзда! Чертоги превратились въ гробницу за грѣхи Гассановы. *Глуръ* явился здѣсь предпечею смерти и запусшнія, какъ пагубоносный *Симунъ*, (**), который не щадитъ даже темнолиственнаго кипариса, переживающаго всѣ другія деревья, и вѣрнаго спущ-

---

(*) *Джерридъ*, дропикъ, который наѣздники бросаютъ сильно и мѣтко. Турки очень любятъ сію забаву. Я почтаю сіе искусство недостойнымъ челоука, ибо черные Константинопольскіе Евнухи считающіе искуснѣйшими *Копѣмѣтами*; за ними слѣдуютъ Мамелюки. Турки весьма неловко владѣютъ дропикомъ. Л. Б.

(**) *Симунъ*, пустынный вѣшеръ, пагубный для каравановъ. Сіе имя часто встрѣчается у Восточныхъ Поэтовъ. Л. Б.

ника нашего въ самую могилу, печально осѣняющаго надгробные памятники.

Конюшни *Гассановы* опустѣли, рабы не суешяся въ переходахъ чершоговъ, уединенный паукъ застѣлаешь ихъ стѣны строю шканью, непопырь гнѣздишя въ шеремахъ Гарема — и сова поселилась на крѣпосшной башнѣ; дикая собака, помимак голодомъ и жаждою, воешь на краю изсохшаго водоема; ясная рѣчка не шечешъ уже по мраморному водоводу; на засорившемся днѣ купальни расшешъ колючій периовникъ. Здѣсь въ счастливыя времена живая вода освѣжала воздухъ, поднималась серебрянымъ шолпомъ, и упадая на землю благошворною росою, озеленяла веселую лужайку! звѣзды смотрѣлись въ сіе кристальное зеркало; сладкое журчаніе водоскаша пріятно нарушало ночное безмолвіе.

Какъ часшо *Гассанъ*-младенець рѣзвился на берегу эшаго ручья! какъ часшо тихій шумъ воды усыплялъ его здѣсь на рукахъ мащери! и Одалиски очаровательнымъ пѣніемъ плѣняли юнаго *Гассана*; ихъ голосъ, сливаясь съ говоромъ водъ, казался еще восхишительнѣе.

Гассанъ не придетъ сюда въ старости вкушашъ сладкій сощъ до зари ушренней; изсякли прохладные водомешы; его кровь зашшла въ его жилахъ; замолкъ въ роскошныхъ садахъ человѣческой голосъ: не тремитъ гнѣвъ, не шонешъ печаль, не восклицаетъ радосшь.

Въ послѣдній разъ, эхо грустно повторило смертные вопли опчаянной женщины! Съ шѣхъ поръ, ни что не нарушаетъ глубокой тишины сей опустѣвшей обители; шолько вѣтеръ спучишь иногда въ разбишья окончины. Буря хлопаетъ дверями, срываетъ крышу, дождь льётся въ шерема — и ни-кни объ эшомъ не заботишя. Пущесшвенникъ, бродящій въ эшой пущыи, обрадовался бы увидѣвъ на песокъ слѣды дикаго; пощенишю пріятно было бы встрѣишь въ *Гассиновыхъ* чершюгахъ какого-нибудь несчастливца, сюда ошъ свѣша удалившагося; онъ бы услышалъ опрадный человѣчскій голосъ, кошерый сказалъ бы ему: „шы не одинъ; здѣсь ешъ другое живое существо.“ Позолоченные шерема свидѣтельсвуюшъ о прежнемъ великолѣпнѣи замка. Разрушеніе медленно подкапываетъ сѣи мраморные своды; но, мнишя, ужасъ возсдишъ на прагъ. И самый Факиръ не смѣешъ искашъ себъ здѣсь убѣжища; кочующій Дервишъ проходишъ мимо; онъ не сыщешъ здѣсь ни гощепримства, ни милосшыи; ни чья рука не предложишъ ему хлѣба-соли. (*) И богачу, и бѣдняку равно поешыло сѣ мѣшо. *Гассанъ* погибъ въ шѣсиняхъ горъ; съ нимъ удалишъ ошсюда жалосшь и благоволеніе къ человѣкамъ; въ его шеремахъ укрывалишъ безпріюшныи; шеперь видно шолько разрушеніе.

(*) Если вы сидѣли за трапезою своего хозяина, если онъ поднесъ вамъ хлѣбъ-соли: шо вы безоцасы, хотя бы опкрылось, что вы врагъ его. А. В.

Госпи открылись изъ черноговъ пиршества; по-
селяне разбѣжались, нивы поросли волчцемъ; *Глурь*
разрубилъ голову *Гассану*. (*)

Толпа Мусульманъ ко мнѣ приближается; слы-
шанъ шелестъ ногъ ихъ; они безмолвны... близ-
ко... можно различить цвѣтъ каждой чалмы и
серебряныя ножны ихъ *Ятагановъ*. (**) По зеленой
одеждѣ я узнаю Эмира (***) , ихъ Начальника. „Кшо
ты?“ (***) закричалъ онъ мнѣ. „Мой низкой поклонъ;
опшчалъ я, свидѣтельствують вамъ, что я Му-
сульманниъ; ноша, копорую охраняете вы споль
щичательно, безъ сомнѣнiя, драгоцѣнна. Не угодно
ли переправиться черезъ заливъ? лодка моя къ ва-
шимъ услугамъ.“ — — „Ошчалъ,“ отрывисто ска-
залъ мнѣ Эмиръ, — „и гребни прочь отъ берега,
прямо къ тому мѣсту, гдѣ ушесы образуютъ какъ
бы водоѣмъ посреди моря..... брось весла;

(*) Магомедъ между прочими добродѣтелями поставилъ жалость и
человѣколюбiе: надобно признаться, что Мусульмане свято наблю-
даютъ сiя обязанности. *Л. Б.*

(**) Турецкiе мечи называются *Ятаганы*, они вмѣстѣ съ пистоле-
тами зашкнуты за поясомъ. Ихъ ножны обыкновенно изъ ме-
шала и часно серебряныя; у богатыхъ же Турокъ золотыя. *Л. Б.*

(***) Зеленый цвѣтъ носятъ тѣ Магомедданы, копорые ведутъ
родъ свой отъ сего Пророка. *Л. Б.*

(****) *Саламъ-Алейкумъ! Алейкумъ-Саламъ! да будетъ миръ съ тобою!*
Привѣтствiе Мусульманъ между собою. Христианину говорятъ:
урларули! добрый путь; или: Сабанъ-Гирсемъ, Сабанъ-серула!
т. е. *добрый день, добрая ночь; иногда же: будь счастливъ.* *Л. Б.*

мы доплыли до назначеннаго мѣста“ . . . . . Брошенная въ море ноша, мало по малу, попонула; моему внимательному глазу показалось нѣчто движущееся на лазоревой равнинѣ . . . . . это была лучъ мѣсяца, на водахъ мелькнувшій; пристально смотрѣлъ я до тѣхъ поръ, пока брошенная ноша со всѣмъ исчезла, подобно камню, которой вершась, ко дну опускается — и оставляетъ на поверхности воды легкой кругъ, который скоро расплывается: остается бѣлое пятно, едва замѣтное. Тайна сего происшествія погребена на днѣ Океана, она извѣстна водянымъ духамъ, но они, пренеца въ коралловыхъ своихъ пещерахъ, никому открыть ее не осмѣлились . . . . .

Видали ль вы, какъ въ райскихъ долинахъ Кашемира, (*) младенецъ ловитъ царицу восточныхъ бабочекъ? Каждый разъ, когда она садится отдыхать на цвѣшокъ, онъ протягиваетъ жадную руку, сердце его бьется; онъ думаетъ, что уже схватилъ ее; но она увернулась, порхаетъ на лазоревыхъ крылышкахъ и оставляетъ рѣзваго ловца въ слезахъ и усалаго! Блестящая и рѣзвая, какъ бабочка, красавица смѣется преслѣдованіямъ младенца, сдѣлавшагося человѣкомъ: преслѣдованіямъ, которыя смѣшаны изъ надеждъ и страховъ, которыя начинаются глупостями, оканчиваются слезами. Если

(*) Лазоревая Кашемирская есть рѣдчайшая и прелестнѣйшая бабочка въ цѣломъ свѣтѣ. Л. Б.

же бабочка и красавица пойманы: то одинакія не-
счастія ожидаютъ ихъ обѣихъ: одна дѣлается игруш-
кою младенца, другая невольницею челоуѣка. Сей
прелесный предметъ, кошораго мужчины домо-
гаются съ такимъ жаромъ, теряешь всю свою
цѣну, какъ скоро онъ принадлежишь искашелю.
Опъ нѣжнаго прикосновенія ласкающей руки ли-
няютъ яркія краски ея, пускаешь ея сіяніе.
Тогда пускають ихъ на волю, или небрежно ро-
няютъ на земь. Въ какихъ мѣстахъ обѣ сн жер-
твы найдуть убѣжище? у одной оборваны крылья,
у другой сердце кровью обливаешся! бабочкѣ нельзя
по прежнему порхать съ нарцисса на розу! юной
дѣвицѣ, не возможно жить бывалыми мечпани мла-
денчештва! Увы! ни одно жалостливое насѣкомое
не согрѣешь подъ своимъ крыломъ умирающей ба-
бочки; женщины снисходительны къ однимъ соб-
ственнымъ слабостямъ; онѣ гошовой помочъ каждому
несчастливцу; но отказываютъ въ слезѣ бѣдной,
обольщенной подругѣ . . . . .

Сердце, палимое угрызениями совѣсти, похоже на
скорпиона, въ огонь брошеннаго; пламя кругомъ его
обхватило — и кругъ его становишся пѣснѣ,
по мѣрѣ шого, какъ огонь разгораетъ. Узникъ
чувствуетъ боль нестерпимую; вдругъ спраданіе
превращаетъ въ бѣшенство: ядовитое жало всегда
было смертоносно врагамъ его. Онъ жалишь имъ
самъ себя и въ одинъ мигъ оканчиваетъ свои муки.
Такимъ образомъ злодѣй прекращаетъ дни свои,

если не хочешь жить подобно скорпиону, жегомому пламенем. Такимъ образомъ испашаешь человекъ, грызый совѣстью; земля его опвергаешь, небо для него зашворено, мракъ въ головѣ его; подъ спопами опчаяніе; кругомъ пламень; и смершь у него въ сердцѣ. (*)

Задумчивый *Гассанъ* не посѣщаль своего Гарема; прелесть и красота не прельщали глазъ его; ежедневно скакаль онъ по лѣсамъ за звѣрями, искаль въ охошѣ разсѣянїя, а не забавы. Не такъ скучно проводиль время свое *Гассанъ* въ шу пору, когда *Леила* украшала сераль его . . . . но гдѣ же *Леила*? Одному *Гассану* эшо извѣстно! . . . Спранные слухи носились объ эшомъ въ городѣ; многіе увѣряли, чшо въ послѣдную ночь Рамазана, когда ярко освѣщенныя башни Минаретовъ сіяніемъ своимъ возвѣщали правовѣрнымъ о наступающемъ праздникѣ Байрзма, *Леила* пришворилась, будто идѣшь въ купальню, и вмѣсто шого, переодѣшая Пажемъ, обманула зоркихъ приславниковъ — и смѣялась надъ ревностью своего Господина въ объяшїяхъ коварнаго *Глура*.

Гассанъ имѣль объ эшомъ какое-то шайное предчувствїе; но *Леила* съ такою нѣжностью къ нему ласкалась! Онъ шпращно любиль ее, слѣпо довѣряль ей, и въ самый вечеръ ея бѣгства, спокойно опправилсь въ мечеть на богомолье.

(*) Нѣкоторые ученые хопяшь сдѣлашь скорпиона самоубїйцею, *Катономъ насѣкомымъ*; другїе сіе опвергають. Л. Б.

По крайней мѣрѣ, такъ рассказываютъ объ этомъ случаѣ его черные невольники, слишкомъ оплошные въ своемъ надзорѣ; другіе увѣряютъ, что въ эту ночь они при блѣдномъ сіяніи *Фингары*, (*) видѣли *Глура* скачущаго вдоль берега на ворономъ конѣ; однако съ нимъ не было ни Пажа, ни юной дѣвицы . . . . . (**)

Чья кисть въ силахъ изобразить черноогненные очи *Леллы*? Глаза серны не помнѣе и не прекраснѣе; очи *Черкашенки* сіяли, какъ рубинъ *Ямшида* (***) и душа выражалась въ каждомъ взглядѣ. О магомедъ! пы самъ бы не повѣрилъ, что изъ бренной глины могла образоваться красота столь совершенная: нѣтъ, ей нельзя уничтожиться! *Лелла* имѣла душу: я гошовъ утверждаю это, переходя чрезъ огненное море по опасному *Аль-Зирату*. (****) Я гошовъ утверждаю это въ виду рая и манящихъ меня *Гурій*. Тотъ, кто видѣлъ *Леллу*, переспасаетъ вѣришь, что женщина не одарена безсмертною душою и осуждена въ этой жизни быть

(*) *Фингары* восточная *Діана*, луна. Л. Б.

(**) Точки какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ, поставлены самимъ Сочинителемъ. В.

(***) Славный рубинъ Султана *Ямшида*, названный *Шебеерахъ*, съ тильникъ ноги, гаша солнца. Л. Б.

(****) *Альзиратъ*, мостъ шириною въ нитку паутины, по коему мусульмане переходить должны въ рай: нѣтъ другой дороги! но что всего хуже: рѣка, текущая подъ сѣмъ мостомъ есть адъ, въ который, какъ легко себѣ вообразить можно, каждый, при малѣйшей неосторожности, упасть можетъ. Каковъ же страхъ тѣхъ, которые за нимъ идутъ? Л. Б.

игрушкою своеправнаго мущины. (*) Самые пабожные Муфши, смотря не нее съ удивленіемъ, были бы принуждены сознашься, что изъ подь длинныхъ рѣсницъ ея блещеть лучь божества. Румянецъ ея ланишь не уступалъ алымъ цвѣтамъ гранаша; (**) ея власы, какъ наклонившійся гіаципшь, (***) дошавала до ногъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, еще не запятанный землею.

Какъ спашный лебедь, гордо плывущій по ясной влагѣ, прелестная Черкашенка поражала взоры величавою походкою, стройнымъ станомъ и высокимъ ростомъ. Никогда Франгестанъ (****) не произвелъ ничего подобнаго!

Лебедь, осанясь, расправляеть бѣлую шею и спустивъ крылья, бьеть ими по водѣ, когда чловѣкъ подходитъ близко къ берегу.

Таковыже роскошныя округлосни и бѣлая выа *Леллы*; съ такимъ же благородствомъ удаляла она ошь себя любопытныхъ, осмѣлившихся сморѣть на дивныя красы ея.

Достоинство и прелестъ дышамы во всѣхъ ея движеніяхъ; блаженъ шощъ, кпо умѣлъ шронуть ея

(*) Магоммедъ не изгонялъ женскій полъ изъ рая; на противъ, по корану шрешъ рай отведена для добродѣтельныхъ женщинъ. Это выдумали шолковашели, которые утверждають, что небо для лучшей половины чловѣческаго рода зашворено. *Л. Б.*

(**) Воспочное сравненіе. *Л. Б.*

(***) Сіе сравненіе также часто встрѣчается у Турецкихъ Поэтовъ, какъ и у Греческимъ. *Л. Б.*

(****) Франгестанъ, земля Черкесовъ. *Л. Б.*

сердце! Строгий *Гассанъ*! кто сей счастливецъ?
Увы! не тебѣ принадлежишь это имя, хотя ты
обладалъ ею . . . . .

(**)

Гассанъ отправился въ путь, сопровождаемый
двадцатью шлохранителями, съ ружьями и кин-
жалами. Эмиръ въ воинской одеждѣ вѣхаль впереди;
онъ былъ ополсанъ саблею, кошорая обагрена
Албанскою кровью въ шой бишвѣ, гдѣ изру-
блены въ куски всѣ мяшежники, кромѣ нѣсколькихъ
бѣглецовъ, принесшихъ ужасную вѣспь о семь по-
раженіи въ опечесшвенныя горы. Писшолешы пода-
рены ему однимъ Пашею, и хотя украшены золо-
помъ и дорогими камнями; однако жъ не богатство,
а мѣшкосшь давало имъ цѣнность. Служь носилешя,
что *Гассанъ* избралъ себѣ другую супругу, вѣрній-
шую измѣнницы *Лиллы*, убѣжавшей изъ Гарема . . . .
и съ кѣмъ? съ проклятымъ *Гиуромъ* . . . . .

Послѣдніе лучи солнца позлащали сбѣгающій съ
холма ручей, напаяющій Горцевъ студеною и ясною
водою. Здѣсь измѣженный Греческій купецъ можешъ
найти шощь безмяшежный пріюшть, кошорого на-
прасно ищешъ онъ въ городахъ, гдѣ жилище его
смежно съ жилищемъ безчеловѣчныхъ его мучишелей.
Здѣсь, онъ можешъ схоронишь сокровище онъ алч-
ныхъ глазъ корыслолюбивой власши. Въ городахъ

(**) Точки вездѣ поставлены самимъ Сочинштелемъ. В.

онъ рабъ, въ пущыняхъ — человекъ свободный; здѣсь онъ можешь по волѣ вкушашь напишокъ, строго за-
прещенный Мусульманамъ . . . . .

Ташаринъ скачешь впереди дружины *Гассановой*; онъ въѣзжаешь въ пѣснину; издали распахиваешся желтая епанча его; Эмиръ и его спутники медленно и одинъ за другимъ пьянущся. Спремнистый ушешь возвышаешся надъ ихъ головою; на немъ ястреба оспряшъ кровожадные свои клѣвы, какъ будто предчувствуя, что имъ гоповишся обильная добыча. Недалеко опшолъ зимній пошокъ, солнцемъ изсушен-
ный, оставилъ на горячемъ пескѣ изрытый слѣдъ, кое-гдѣ обросшій кудрявымъ кустарникомъ; дно его усяно обломками сѣровашаго граниша, кошорый время, или громъ опломилъ опъ горъ заоблачныхъ. Кшо изъ смершныхъ видѣлъ высокую главу *Лиакуры*?

Уже Эмиръ съ дружиною въѣзжаешь въ сосновый боръ: „*Бисмиллахъ* (*)! мы миновали всѣ опасности!“ — вскричалъ Чаушъ, — „я вижу широкое поле; скоро можемъ пушпиться во всю прышь!“ Съ симъ словомъ, пуля просвиспала мимо ушей его — и передовой Ташаринъ грянулся на землю. Пущники *Гассановы* шоропливо подобрали поводья, спрыгнули съ коней . . . . и шрое изъ нихъ уже не вложашь ноги въ стремя . . . . кони ихъ осирошѣли; шщешно взывающъ они о мщеніи, ихъ постигъ ударъ руки не-

---

(*) *Бисмиллахъ*, во имя Бога! шакъ начинается каждая глава Алкорана, пзключая одну. Симъ словомъ начинающъ Магомедане свои молишвы и благодарность. Л. Б.

видимой; ихъ поварищи обнажили яшаганы, прицѣлили ружья, но припавъ къ лошадиной шеѣ старались предохранить головы отъ свинца враждебнаго; другіе, не желая погибнуть безъ защиты отъ ударовъ непріятеля, поражающаго ихъ изъ засады, скрылись за ближнимъ камнемъ. Одинъ *Гассанъ* неуспрашимо продолжаетъ пушъ; ружейный залпъ открылъ ему, что единственная дорога изъ шѣонины занята разбойниками и что гибель его неизбежна.

Усы его зашевелились, (*) очи засверкали отъ ярости. „Я презираю, воскликнулъ отъ свисающія пули, мнѣ близко знакомы опасности.“ — Въ это время, вождь непріятельскій выскочилъ изъ засады, закричалъ *Гассановымъ* шѣлохранишелямъ, чтобы они сдались; но гнѣвное чело Эмира и угрозы его дѣйствовали на нихъ сильнѣе угрозъ разбойничьихъ; ни одинъ не положишь оружія, не будешь умоляшь о пощаду . . . . . разбойники посыпались на нихъ со всѣхъ еспоронъ . . . . конные бросились въ шѣенину.

Кто предводитъ ихъ? Чья сабля сверкаетъ, какъ молнія?

„Эшо онъ! эшо онъ!“ — возопилъ *Гассанъ*; — „Эшо его блѣдное лицо, его страшные глаза, его зловщіе взгляды. (**) Я узнаю воронаго коня его; но за чѣмъ онъ въ Албанской одеждѣ? Не уже ли перемѣнилъ вѣру? Ошешупникъ! эшо не спасеть себя. Эшо

(*) Явленіе нерѣдкое у разъяренныхъ Турокъ. Л. Б.

(**) Злой глазъ, зловщій глазъ; предразсудокъ обыкновенный между жителями Востока. Л. Б.

онъ! это ненавистный *Глуръ!* гибель похищенному
мсей *Ленлы!*“

Случалось ли вамъ видѣть, съ какимъ стремле-
ніемъ быстрая рѣка, впадая въ море, оподвигаетъ
назадъ морскія волны, и съ какою силою разсержен-
ный Океанъ воздымаетъ воды свои лазоревыми спол-
пами, останавливаетъ ярость свирѣпаго попока?
Раздробленные водяные брызги сверкають, какъ мол-
нія, удары волнь, какъ громы, попрашаютъ берегъ—
и скалы понуцъ въ бѣлой пѣнѣ. Съ такимъ же не-
исповснвомъ сполкнулись кипяція месью дружины
Гассана и *Глура*: звукъ скрестившихся сабель,
громъ ружейныхъ выстрѣловъ, свистъ смертоно-
снаго свинца, угрозы поражающихъ, стоны пора-
жейныхъ, пугають эхо долны, привыкшее впорить
пѣсни мирнаго пастуха. Сражающіеся не многочи-
сленны; но ихъ мучитъ жажда крови; никто не
умоляетъ о жизни, каждый наноситъ раны смер-
тельныя. Любовникъ крѣпко сжимаетъ любовницу
въ спрашенныхъ объясняхъ; но никогда восторги
любви не доходящъ до того изсупуленія, какое
видно на лицѣ двухъ схватившихся непріятелей.
Ихъ руки замрущъ, а не опускаются, друзья лоб-
зають и разсашаюся; любовь смѣется надъ вѣчны-
ми узами; ненависть сводитъ живыхъ, разлучаетъ
только мертвыхъ, ...

Сабля *Гассанова* раздробилась въ куски; одна ру-
коять ея, облиная кровью, уцѣлѣла. Оцѣпенѣвшая

рука его держишь еще сіе желъзо, измѣнившее мщенію ; увы ! его рука опрублена ; чалма разсѣчена въ самыхъ толстыхъ сгибахъ и повержена въ песокъ. Его разорванная саблею одежда побагровѣла, какъ упренное облако, предвѣщающее бурю. Лоскупы его палѣмпора (*) развѣшены по колючимъ кустарникамъ ; грудь изранена, онъ поверженъ на землю лицомъ къ небу, открытые глаза его еще угрожающъ, какъ будшо бы ненависть пережила жизнь.

Злобный врагъ смотришь на убишаго ; чело его споль же мрачно, какъ чело мершвеца . . . . .

„Свершилось ! *Ленла* погребена подъ волнами ; окровавленная земля будетъ гробомъ *Гассана* ! тынь *Ленлы* управляла желъзомъ, произившимъ злобное сердце его. Онъ зывалъ къ своему пророку ; однако Магоммедъ не избавилъ его опъ моей ярости ; онъ умолялъ Аллу ; но молишва его опвергнуша, безумецъ, ты не внялъ мольбамъ *Ленлы*, какъ же ты хочешь, чшобъ швои были услышаны ? Я все предъугошовилъ ; подкупилъ солдатъ швоихъ ; наказалъ врага непримиримаго ; ушомилъ жажду месши ; удаляюсь одинъ . . . . .

Верблюды возвращающаея на дуга ; машь *Гассанова* смотришь съ высокаго балкона ; видишь, что роса падаешъ на зеленныя долины, что при появленіи

(*) *Палампоръ*, шаль, кошорую носятъ знатные Турки. Л. Б.

зари поблѣднѣли звѣзды. „Разсвѣтаешь, говоришь она, *Гассанъ* близко.“

Тревожимая шайнымъ предчувствіемъ, она спѣшишь въ садъ, шпоронливо всходишь на высокую башню — и устремляешь взоръ на горную дорогу: „чтобы могло задержать его? Лошади его быспры; они привычны къ лѣшнему зноу. За чѣмъ не присылаешь онъ свадебныхъ подарковъ? Кого обвиняшь мнѣ: сердце ли его, или медленность коня? Я одна виновата! Ташаринъ ѣдетъ по хребту последней горы; онъ уже спустился въ долину. Видно, чтошо въ порокахъ сѣдла его; эшо безъ сомнѣнія гошпинець, присланный мнѣ сыномъ . . . . . но какъ медленно шащисся эшоць гонецъ; развѣ онъ не знаешь, что я щедро награжу его за поспѣшность и шруды, понесенные имъ въ споль дальнѣй дорогѣ?“

Ташаринъ сошелъ съ лошади у ворошь замка; дрожащими руками слагаетъ бремя и несетъ его. На загорѣломъ лице его глубокая горечь: можешь бышь, эшо ошь изнуренія; капли крови на его одеждѣ: можешь бышь, эшо брызги ошь окровавленной шпоры; онъ открываетъ сокрытое подъ его епанчею . . . . . Ангель смерти! эшо голова *Гассана*.

„Сынъ швой ошпраздновалъ кровавую свадьбу,“ — сказалъ онъ, — „меня пощадилъ не изъ жалости, но для шого, чтошобъ я принесъ тебѣ сей бѣдшвенный даръ; да будетъ миръ праху храброго, погибшаго въ битвѣ! да будешь прокляшь *Глуръ*, его

убійца.“ . . . . .

Чалма (*) изваянная изъ мрамора, вѣнчающая каменный столпъ, на дикомъ утесѣ воздвигнушій и обросшій шерновникомъ, съ надписью изъ Алкорана, кошорой половина уже изгладилась: вошь памятникъ въ долинь, означающій мѣсто, гдѣ погребень кровавый шрупъ *Гассана*. Тушь покоишся Мусульманинъ, шоль же вѣрный пророку, какъ шѣ, кошорые преклоняють колѣна въ Меккѣ, и обращаясь лицемъ къ свяшому граду, благоговѣно моляшся каждый разъ, какъ услышатъ съ вышины минареша шоржешственное восклицаніе: *Алла-га*. (**) — Въ опешественной землѣ онъ палъ опъ руки Чужеземца; палъ съ оружіемъ — и не опмщенъ: кровь убійцы его не пролила на его могилъ; но Гуріи съ восшоргомъ принимають его въ небесную обитель: ихъ свѣшлые очи будушь всегда ему улыбашся; дѣвы спѣшатъ къ нему на вспрѣчу, колебля покрывалами изумруднаго цвѣша и дають лобызаніе храброму.

Тошъ, кшо погилъ сражаясь съ *Глуромъ*, достоинъ вѣчнаго блаженшва. (***)

(*) Чалма на столпѣ и спикъ изъ Алкорана украшають гробницы Османовъ на кладбищѣ и въ пустынь. Въ горахъ нерѣдко встрѣчаются такіе надгробные памятники: юдъ ими покоишся жертвы мяшека, разбоя, или мщенія. *Л. Б.*

(**) *Алла-га!* сими словами оканчивається призываніе Мусульманъ на молитву. Если у глашатая звонокъ гогодь: то сіе призываніе съ высоты минареша въ шихую ночь пашеть какую-шо шоржешственность. *Л. Б.*

(***) Слова изъ военной Турецкой пѣсни: „Я вижу черноокою дѣву рая, изумрудоцвѣтныя власы ея по плечамъ раскиданы, она зовешъ меня . . . . . *Л. Б.*“

А ты, презрѣнный разбойникъ, ты будешь преданъ мещинельной кость *Монкира* (*), и нѣтъ тебѣ другаго средства избавишься отъ мукъ имъ для тебя гошовимыхъ, какъ скипашься вокругъ чершоговъ *Эблиса*. (**). Пожирающей огонь безпрестанно будешь палишь швое сердце; ни въ одномъ языкѣ нѣтъ слова для описанія несносныхъ, истинно адскихъ его мученій. Въ началѣ ты какъ *Упирь* (***) будешь сосланъ на землю; мершвый шрупъ швой вшпанешъ изъ могилы. Бичъ собшвенной своей родины, палачъ жены, сесшры и дѣшей швоихъ, въ полночь будешь ты упивашься ихъ кровью.

Въ часъ смерти они узнають отца своего, проклянушь его и будушь взаимно прокляшы; швои дочери погибнушь въ цвѣшѣ лѣтъ своихъ; но смерть младшей, любимой изъ нихъ будешь для тебѣ всѣхъ мучишельнѣе, она съ нѣжносшью будешь называшъ тебѣ именемъ отца, и сіе священное имя расшерзаешъ швое сердце. Тщешно захочешъ ты пощадишь ее; ланишы ея мало по малу поблѣднѣюшь; въ глазахъ послѣдняя искра пошухнешъ и лазурь влажнаго зрачка ея почернѣешъ, Тогда, нечешшивою рукою ошорвешъ ты локоны длинныхъ власовъ ея; Ахъ, сіи локоны были бы драгоцѣннымъ подаркомъ

(*) *Монкиръ* и *Пекиръ* адскіе судіи. Они пытають грѣшниковъ, притягивая ихъ косою, и ошпалкивая раскаленною пальцею. Л. Б.

(**) *Эблисъ*, Восточный Плущонъ. Л. Б.

(***) *Вампиръ*, по Малороссійски: *Упиръ*. Всѣ жители востока увѣрены въ существованіи сшхъ мершвецовъ-кровопійцъ. *Лордъ Байронъ* написалъ повѣсть, въ коей главное лице играешъ *Вампиръ*.

любви: для себя, они остануся въ вѣчную память
швоего ошервѣненія; зубы швои скрежещущь съ
опчаянія и съ ушь каплешь собственная кровь
швоя. (*) Возвращись въ свою мрачную могилу, займи
мѣсто между нечистыми духами, кошорые съ не-
годованіемъ удаляться опъ мершвеца всешь не на-
висшнаго . . . . .

„Какъ называешь вы Калозра, (**) кошорый бре-
дешъ по этой уединенной пропикѣ? мнѣ знакомо
лице его: я видѣль его въ моей землѣ опечешвен-
ной. Однажды вечеромъ онъ промчался, на быспромѣ
конѣ мимо меня, когда я сидѣль на берегу моря.
Я только одинъ разъ видѣль его чершы, но вну-
шреннее смяшеніе шоль разишельно на нихъ изо-
бражалось, что я до сихъ поръ не забыль ихъ. Нынѣ
чело его мрачно; мнишь, будшо смерть запече-
чашлѣла ихъ.

„Скоро исполнись шестъ лѣшь, съ шѣхъ поръ,
какъ онъ между нами поселился: безъ сомнѣнія, онъ
въ сей пущынь ищешъ забвенія какого нибудь
шрашнаго, намъ неизвѣснаго злодѣянія; однако
онъ никогда не ходишь съ нами ко всенощной, не
преклоняешъ колѣнь предъ олшаремъ, не бываешъ на
исповѣди: онъ вѣчно сидишь зашворникомъ въ своей
кельѣ; ни родъ, ни вѣра его намъ неизвѣсны.

(*) Полноша лица, уста запекшіяся кровью-сущь ливныя признаки
Вампира, Улира. Л. Б.

(**) *Калозръ*, имя, кошорое дають Турки монахамъ, опшельникамъ.
Л. Б.

„Онъ пришелъ къ намъ изъ мѣстъ, гдѣ покла- няющся Магоммеду; однакожь онъ нимало не похожъ на Мусульманина! судя по лицу, онъ долженъ быть Христіанинъ. Еслибъ онъ не удалялся отъ нашего богослуженія: то всего скорѣе можно бы почестъ его за вѣроопстунника, раскаявшагося въ своемъ ужасномъ пресупуденіи. Онъ внесъ въ монастырь нашъ богатыя вклады; и симъ расположилъ въ свою пользу Настоятеля. Еслибъ я былъ монастырскимъ Начальникомъ: то однихъ сушокъ не дозволилъ бы ему осмѣиваться между брашн, или бы навсегда заперъ его въ пещерную келью. Часто, въ забывчивости говоришь онъ объ юной дѣвицѣ, кинутой въ море, о бившѣ, о бѣгствѣ, о мщеніи, о какомъ-то издыхающемъ мусульманинѣ. Многіе видали, какъ онъ сидя на спремнишномъ утесѣ, въ припадкѣ мрачнаго изсупуденія, вопилъ, что окровавленная рука, ему одному видимая, указываетъ ему мѣсто его могилы и принуждаетъ броситься въ бездну.

.....
.....
Его мрачное чело, не похоже на обыкновенное; оно закрыто чернымъ капишономъ. Молнія выскаки- вая изъ дикихъ очей его, напоминаетъ минувшее; переменный цвѣтъ лица пугаетъ наблюдателя. Въ немъ есть какая-то сверхъ-естественная сила не- постижимая и неопразимая.

Какъ птица, бѣшь отъ страха крыльями, но не можешь удалиться отъ змѣи, ее вдыхающей:

шакъ во взоръ сего чуднаго пришельца нічто приводитъ приближающихся къ нему въ расслабленіе.

Боязливый Инокъ сворачиваетъ въ сторону, избѣгая съ нимъ встрѣчи, какъ будто взоръ его и горькая улыбка родящъ въ душѣ робость и пресупные помыслы. Улыбка рѣдко проявляетъ чело его; ее назвать должно справедливѣе насмѣшкою. Его синія уста мгновенно цѣпеньюшъ, какъ будто боль и негодованіе ихъ смыкаешъ. На его лицѣ никогда не выражалась открытая веселость сердца. Если хопише прочешъ въ его черпахъ прежнія, глубоко написнушыя, чувствованія: шо тяжело находишь въ нихъ осмашки чего-шо возвышеннаго: злодѣянія не совсѣмъ еще унизили эшу гордую душу. Прослоудинъ видишь лице искаженное угрызениями совѣсти; внимательный наблюдаешъ открываетъ въ немъ душу благородную, челоука знаменишаго происхожденія. Увы! къ чему послужили ему сіи дары? злодѣйство ихъ осквернило, спраданія преобразили! конечно небо ниспослало ихъ не подлой шварі; шеперь они вдыхаюшъ одинъ ужась. Взоръ путешественника не останавливается надъ вешкою, развалившешою хижиною; чертоги, опрокинушые войною или бурешою, долго обращаюшъ на себя его вниманіе: ихъ рѣдкіе зубцы, ихъ своды повеликою завѣшенныя, сполны уединенно-стоящіе, свидѣшельствуюшъ объ ихъ прежнемъ великолѣпіи . . . . .

. . . . .

Взгляните, какъ онъ закушавшись широкою епанчею мелькаешъ между столпами по узкимъ переходамъ Готической церкви. Печальнымъ окомъ взираешъ на священные обряды, и въ часъ, когда молящіяся опшельники преклоняющъ колѣна и возглашающъ гимны, онъ удаляешся въ ближній прищворъ, шускло освѣщенный лампадою: опшолъ внимаешъ онъ моленіямъ. Взгляните, онъ сбросилъ черный кашшонъ: густые локоны въ безпорядкѣ рассыпались и покрыли блѣдное чело его, — какъ будто Горгона змѣями съ головы своей увѣшала голову эшаго нечистаго духа. Правда, онъ носилъ нашу одежду; но не исполняешъ нашихъ обрядовъ. Онъ приносишъ дары алшарю не изъ благочестія, а изъ щцеславія: онъ не произнесъ еще обѣщаній и даже не считаешся въ числѣ послушниковъ.

Высокіе церковные своды гремятъ хвалами Господу; замѣчайте эшо мершвое лице, эшу ледяную наружность; на нихъ чешкими буквами написаны гордыня и опчаяніе. Свяшый Францискъ! великій угодникъ божій! покровишель нашей обштели! удали опъ алшара сего изверга; или гнѣвъ божій грянешъ надъ нашими главами въ чудномъ знаменіи. Если духъ шмы принимаешъ на себя видъ челоувѣческой: то вѣрно являешся онъ въ образѣ сего мрачнаго пришельца. Клянусь именемъ милосердаго Бога: въ эшихъ взорахъ нѣшъ ничего принадлежащаго землѣ и небу.“

Любовь легко покоряетъ сердца нѣжныя и шихя; но они боязливы и не снесушь ея спраданій, они слабы — и не могушь бороться съ опчаяніемъ, еще менѣ побѣдитъ его. Любовь не полно властный ихъ обладатель. Въ сердцахъ швердыхъ любовныя раны вѣчны.

Металль, добытый изъ рудника, огнемъ очищается; онъ въ горнилѣ расплещя, а не перемѣняется; послушный, онъ принимаетъ всѣ образы: онъ наноситъ смерть, или жизнь защищается; панцырь — онъ прикрываетъ грудь вашу; мечъ — онъ пронзаетъ грудь вашего непріятеля. Художникъ, который обшачиваетъ его остріе, должеи самъ осперегаишь! подобно сему пламень страстей и искусство женщины смягчаютъ и образуютъ мѣдное сердце. Но однажды принявъ какой нибудь образъ: оно его не перемѣнитъ; надобно его разбитъ, чтооь заставишь принять новый . . .

Если бѣдствія загнали человека въ пустыню: шо онъ съ нешеритіемъ ждетъ конца своей ссылкѣ и благословляетъ смерть, какъ освободительницу. Недѣлимая радость не въ радость, и счастье не было бы счастье, еслибъ мы не въ двоимъ имъ наслаждались.

Сердце, обнаженное опъ чувствованій нѣжныхъ, наполняется ненавистью. Его мученіе похоже на шо, какое ощутили бы мертвецы, еслибъ вдругъ почувствовали гробовыхъ червей, ползающихъ по ихъ шѣлу и не имѣли бы средствъ согнать ихъ

оно похоже на опчаяніе той пустынной птицы, которая своею кровью питая пшеницъ, и расперзавъ упробу, не нашла бы ихъ въ опустѣвшемъ своемъ глѣздѣ. — Она съ удовольствіемъ жершвуетъ своимъ малюшкамъ жизнью; но для нее ужасно пережишь ихъ!

Жесточайшая горестъ покажется радостью въ сравненіи съ гробовою пустошю, съ знойною степью сердца, потерявшаго всѣ предметы своей привязанности. Осужденный вѣчно смотрѣть на небо безъ солнца и безъ облаковъ, вышерпѣлъ бы самую упонченную пышку.

Для несчастливца, бурей брошеннаго на необитаемый берегъ, тишина моря несноснѣе рева гнѣвныхъ валовъ. Для него лучше было бы въ одинъ мигъ умереть, нежели умирать долго и ежеминутно . . .

„Честный отецъ, ты провелъ всю жизнь перебирая чешки, въ постѣ и бдѣніи; чуждый мірскихъ суешъ и грѣховъ, съ юности до старости, ты опускалъ грѣхи кающимся и испытывалъ только неизбѣжныя всѣмъ смертнымъ, скоропреходяція скорби и укрылся отъ бѣдствій. Ты благословляешь Небо, удалившее отъ тебя грозныя бури снраспей, столь пагубоносныя челоуѣкамъ, которыхъ раскаяніе приводишь къ себѣ и которыхъ слагають свои грѣхи и заблужденія въ швое сердце, дышущее непорочностью и благоволеніемъ. Что касаешься до меня: то въ крашкое время жизни, часто пилъ я

изъ чаши наслажденія и еще чаще изъ чаши горести. Благодаря смѣси удовольствій и опасностей, я избѣгнулъ однообразія. Сегодня пируя съ друзьями, завтре сражался съ врагами, я боялся одной праздности. Теперь не осталось у меня предмета любви и ненависти; никто не пробуждаетъ въ душѣ моей ни надежды, ни честолюбія; и я бы лучше желалъ быть подлымъ насѣкомымъ, пресмыкающимся по сырой сплѣтѣ пюрмы, чѣмъ поминуться въ удушающей тишинѣ холоднаго размышленія. Однако же, я ощущаю въ сердцѣ темное желаніе вѣчнаго покоя, хотя и несозна мнѣ всякая мысль о покой. Скоро судьба меня услышитъ: засну, и въ грезахъ своихъ не увижу себя ни такимъ, какимъ былъ, ни такимъ, какимъ быль желалъ.

Моя память есть могила счастья, давно, давно упраченнаго; оно не воскреснетъ. За чѣмъ не погибъ я съ нимъ вмѣстѣ? Моя душа не оробѣла; она мужественно встрѣтила приближающіяся бѣдствія; она не искала избавиться отъ нихъ самоубійствомъ, не избрала одной дороги съ ложными мудрецами древности и малодушными прусами время новѣйшихъ. И сіе не отъ страха смерти; я храбро встрѣшилъ бы ее на полѣ брани, еслибъ рокъ поставилъ меня подъ знаменами славы, а не любви. Я храбро встрѣшилъ бы смерть, несоблазняемый суешными почестями; не хочу лавра, за копорымъ гоняешься честолюбивый, или алчный корысти воинъ! Но пусть покажутъ мнѣ цѣль, для дости-

женія которой не постыдно бросишься въ опасность: красавицу, мною спраспно любимую, или врага ненависпнаго; ни лѣсъ копій, ни попоки огненные меня не оспановяшь; спасу милую, пропну сердце враждебное. Ты можешь мнѣ повѣришь: я говорю о шомъ, что уже мною исполнено. Гордый идешь на встрѣчу смерти, слабый принимаешь ее безъ ропоша, несчастный ее вызываетъ. Возвращаю жизнь Творцу, ошъ Котораго получилъ ее. Будучи сплень, и молодъ, и счастливъ, я не блѣднѣлъ при видѣ опасности: шеперь не время шрепешать о жизни! . . . . .

„Свяшый Ошець! я любилъ, я обожалъ . . . . . Сія слова не имѣють значенія въ устахъ у пошлыхъ любовниковъ . . . . . Мои дѣла лучше кляшвъ доказали безмѣрность моей спраспи. На эшомъ мечѣ ошталось кровавое пяшно, которое никогда не смоешся. Сія кровь пролиша за ту, которая за меня погцбла . . . . . Сія кровь оживляла сердце ея мучишеля . . . . . Не ужасайся, не преклоняй колѣна; въ глазахъ швоихъ эшо не должно казаться злодѣяншемъ; ты можешь ошпустишь мнѣ сей грѣхъ: мой врагъ былъ врагъ швоего Бога; онъ кипѣлъ гнѣвомъ при одномъ имени Иисуса; онъ былъ изступленный Мусульманинъ . . . . . Я любилъ *Леллу*: любовь проникаешь въ мѣста самыя дикія, и ешьли влюбленный смѣлъ, шо рѣдко спрасшь его оспаешся безъ успѣха. Я вздыхалъ не шщепшно; однако совѣшь

часто говоришь мнѣ, что лучше бы *Лейла* сохранишь вѣрность къ предмету первой своей страсти. Она умерла; не смѣю открыть тебѣ, какою смертью; взгляни на меня — и читай! Проклятіе и преступленіе Каина нарѣзаны на лицѣ моемъ неизгладимыми чертами . . . . но не смѣши обвинять меня. Я былъ виновникомъ ея казни; но не исполнили . . . Признаюсь, что я также бы поступилъ, если бѣ былъ на мѣстѣ ея палача. Ему измѣнили — и онъ безжалостно умершвилъ ее. Я былъ предпочтенъ ему — и вспыхнулъ местию. Приговоръ его справедливъ; но для меня ея измѣна служилъ доказательствомъ ея ко мнѣ страсти. Она отдала мнѣ свое сердце, одинъ предметъ, который неподвластенъ никакому мучителю; а я! я опоздалъ; я не успѣлъ спасти ее; но сдѣлалъ все, что могъ . . . . умершвилъ ея убійцу. Но смерть есть легкое наказаніе, а казнь его жертвы сдѣлала меня для всѣхъ предметомъ отвращенія. Неизбѣженъ былъ смертный приговоръ его, и смерть предсказана ему спрогимъ *Тигромъ*, который слышалъ свистъ смертоноснаго свинца въ ту пору, когда Эмиръ собирался въ дорогу (*).

Блаженъ, погибающій въ сраженіи; онъ недолго томится! Напрасно Эмиръ призывалъ Аллу и Магомеда; онъ узналъ меня — и сабли наши скрестились. Я смотрѣлъ на него, когда онъ испускалъ последнее дыханіе; израненный, какъ Леопардъ, копо-

(*) Я самъ видѣлъ примѣръ такого предчувствія. Имъ съяло вѣрять на Востокъ. Л. Б.

раго насшигли копыя ловцовъ; онъ не чувствовалъ и половины мукъ моихъ. Я искалъ въ его глазахъ выражение посрамленной гордыни; но въ чертахъ померпвлаго лица его видна была ярость, а не мученіе совѣсти. Дыша месью, я бы дорого заплащилъ за то, чшобъ замѣшнить на немъ слѣды опчаянія и сего раскаянія неблаговременнаго, которое виднѣтъ въ могилѣ адъ, и ни одного луча милосердія, утѣшенія.

Кровь жшпелей Сѣвера также холодна, какъ воздухъ, коимъ они дышашъ; у нихъ любовь не спрашъ; моя любовь пылаешъ, какъ лава, извергаемая Эшнюю. Мнѣ не извѣшенъ подслащенный языкъ любовниковъ и красавицъ; но если внезапная перемѣна въ чертахъ лица, кровь кипящая какъ пламень, судорожное движеніе ушъ, сердце, которое раздираешъ, но не рощешъ; безумство, отважность и мщеніе . . . однимъ словомъ, если все, что я прежде чувствовалъ и что еще шеперь чувствую, суть ясные признаки любви: то я любилъ истинно — и жизнь моя шому горешное доказательство. Я никогда не вздыхалъ, не плакалъ; я хощелъ успѣха, или смерти.

„Кончина моя близка; могу сказащъ, что я былъ счастливъ; и шеперь ли убоюсь судьбы, съ кшорюю шполь часто боролся? Нѣтъ, душа моя не покорилась; одно воспоминаніе о *Лейль* меня возмущаешъ; опдайте мнѣ минувшіе дни мои съ ихъ перемѣнными радостями и печалами — и я опашъ соглашусь

жишь и любишь. Свящій Отець! пожалѣй объ умирающемъ несчастливцѣ; онъ не будетъ имѣть утѣшенія покоиться въ одной могилѣ съ *Ленлою*; она погребена на днѣ морскомъ. . . . . *Ленла* была Ангель жизни и свѣща; я увидѣлъ ее; она едѣлась половиною души моей. Куда ни обращалъ я взоры, она вездѣ являлась мнѣ, какъ звѣзда лучезарная.

Такъ! любовь есть небесный лучъ, искра того безмернаго огня, который равно горитъ для насъ и для Ангеловъ, и который заронилъ намъ въ душу Творецъ, чтобы ошорвалъ насъ отъ низкихъ земныхъ помысловъ. Благочестіе возноситъ къ Небу душу праведника, само Небо сходитъ къ намъ въ душу съ любовью. Это божественное чувство, истребляющее все неблагородное; это лучъ Зизидишеля вселенны; это звѣздный вѣнецъ для сердца. Можешь быть, моя любовь и не со всѣмъ чиста; можешь быть, она похожа на ту страшъ, которую люди несправедливо называютъ симъ именемъ. Не спорю! но любовь *Ленлы* была непорочна, никто не увѣришь меня въ провинномъ. Она была душевною звездою моей жизни и угасла. Кто же озаришь мракъ, меня окружающій? Удивительно ли, что челоуѣкъ, потерявшій и счастье и надежду, предается черной печали и въ безумствѣ своемъ обвиняетъ судьбу? удивительно ли, что въ снѣпомъ изступленіи совершаешь онъ злодѣйства, которые усугубляютъ его несчастія угрызениями совѣсти? Увы! чего бо- ашься челоуѣку, котораго сердце расшерзано? Па-

дая съ вершины счастья, никто не спрашиваетъ о глубинѣ пропасти? Вижу, благочестивый Спарецъ, что послѣ моей исповѣди, мои дѣла возбуждаютъ швое негодование болѣе, нежели кровавый пиръ яшребовъ; моя участь во всѣхъ вселять ненависть. Подобно хищной птицѣ, я точилъ кровь ручьями; но, подобно смиренной голубицѣ, умираю вѣрнымъ моей первой спрасти. Человѣкъ многими уроками въ жизни обязанъ низшимъ себя шварямъ: соловей, поющій въ кустарникѣ, лебедь, плывущій по озеру, имѣють одну подругу и никогда ей не измѣняютъ. Легкомысленный смѣшся надъ вѣрностью; но я не завидую переменнымъ его удовольствіямъ, и предпочитаю лебедя сему вялому и слабодушному человѣку. Какъ онъ бѣденъ, даже въ сравненіи съ несчастною, имъ оболыщенною! я не причащенъ измѣнѣ; я всегда считалъ за подлость бышь оболыщителемъ невинности. О, *Лейла*! шебъ— всѣ мои мысли; опъ шебя — мое блаженство, мои преступления, мои спрадация, мои надежды! Нѣтъ на землѣ подобной ей красоты; но если бъ и нашлася, то за всѣ царства вселенной не согласилася бы я взглянуть на ту, которая была бы на нее похожа. Преступленія моей молодости, смершная постыла; послѣдній часъ надо мною шягоштьющій, ручающся за мою вѣрность. Я сдѣлался безчувственнымъ: *Лейла* была, *Лейла* и осталась мнѣйшею мечною моего сердца.

Она погибла — а я перенесъ это! но я дышалъ не шѣмъ воздухомъ, кошорый поддерживаешь жизнь другихъ людей. Холодная змѣя сосала мое сердце; ея жало осправляло всѣ мои мысли; земля мнѣ опосмыляла; вся природа наскучила; всѣ мѣста, кошорыя прежде меня плѣняли, одѣлись въ чорный цвѣтъ души моей: остальное тебѣ извѣстно!

Поди въ пещеру къ львицѣ, у кошорой ловцы дѣшей похинили; можешь бышь, тебѣ удачи ушолшь опчаянїе машери; но не думай ушѣшашъ меня; не ругайся надъ моимъ несчастїемъ. Въ дни юности, въ сіе блаженное время, въ кошорое сердце любишь сливашся съ сердцемъ друга, у меня, въ моему опечесивъ, былъ другъ . . . . . Увы! сберегъ ли я его? опошли ему сей знакъ нашей первой дружбы: пусть онъ узнаешь, что меня не спало. Въ часы, когда человекъ углубленъ въ самого себя, я посвящаю опсуществующей дружбѣ одну минушу: мое несчастное имя ему дорого. Онъ предсказалъ мнѣ мою участь; я надъ нимъ смѣялся; смѣялся надъ его благоразумїемъ. Нынѣ часто привожу себя на память слова, кошорымъ тогда не давалъ вѣры. Пусть онъ воспрещешъ, узнавъ, что сбилось его предсказанїе. Скажи ему, что хоша въ буряхъ и несчастїяхъ жизни рѣдко имѣлъ я досугъ воспоминашь дни юности; но въ послѣднїя минушы благословлялъ его . . . . . опдай ему эшошь персень, его же подарокъ; опиши ему все, что ны видишь: изможденное шѣло, чорствую душу, сухое дерево съ завядшими листьями,

почернѣвшее опъ пламеннаго дыханія бурь . . . . .
. . . . . (*)

Не думай, Свяшый Ошець, что это былъ бредъ, что я забываюсь . . . . . нѣтъ, я въ памяти, мнѣ хочется плакать . . . . . не могу! Голова моя горитъ! . . . . . Какъ бы слезы облегчили мое сердце! они были бы для меня цѣлительнымъ бальзамомъ. Я вижу *Ленлу* . . . увѣряю себя, благочестивый Инокъ, что это она . . . . . обернуша гробовою пеленою; лучезарна, какъ звѣзда, которая сіяетъ теперь тамъ выше облака, которая уступила бы *Ленль* въ блескъ; глаза мои померкають, едва могу различить дрожащее сіяніе сей звѣзды; завпрешняя ночь будешь еще помнить; ты освѣтишь своими лучами безжизненный мой трупъ — ужасъ живыхъ . . . . . но я теряю чувствъ . . . . . душа моя гошова вслушишь въ свою вѣчную обитель.

Я узнаю *Ленлу*, забываю всѣ свои бѣдствія; бросаюсь съ постели и прижимаю ее къ моему изнывшему сердцу . . . . . Я обнялъ щепетный призракъ! сердце ея не ошвѣчаетъ біенію моего сердца. Однако это образъ *Ленлы* . . . . . это она сама, не уже ли существо свое перемѣнилось, и я могу только видѣть, а не осязать себя? что нужды, что шло, швое холодно? Позволь мнѣ сжать тебя въ объятіяхъ? . . . . . Увы! дрожація руки мои скрестились

(*) Точки вездѣ поставлены *Лордомъ Бейрономъ* и показываютъ безпорядочное состояніе души *Гаура*, перзаемаго совѣстью. В.

на осирошѣлой груди моей . . . . . Призракъ ускользнулъ опъ нихъ . . . . . но *Ленла* все еще предо мною . . . . . безмолвна и шиха . . . . . она привѣщиваетъ меня рукою, манишь меня; вошь ея прекрасные черные волосы! . . . . За чѣмъ ты явилася? мнѣ сказывали, что безчувственныя волны сокрыли твои прелести; мнѣ сказывали . . . . . : языкъ мой опказываешься повтораешь ужасное сіе извѣстіе. Если оно справедливо; если ты оставила волны морскія для того, чтобы испросить себя на землѣ шихую могилу: положи свою влажную руку на горящее чело мое, уходи несстерпимый жаръ его, или на сердце, въ коемъ живешь опчаяніе. Тынь *Ленлы*, не покидай меня, возми меня съ собою, проводи душу мою въ шакое мѣсто, гдѣ бы не шерзали моего слуха ни шумъ валовъ, ни бушеваніе въшровъ!

„Свяшый Ошець! шебѣ извѣстно мое имя и мои приключенія; шебѣ одному вѣриль я мои горести; ты обѣщала мнѣ шайну. Благодарю тебѣ за слезы состраданія, кошорыя ты пролила надъ моими бѣдствіями; мои оледнѣвшіе глаза не могушь плакати . . . . . похорони меня въ безвѣстномъ уголкѣ кладбища, поставь деревянный крестъ на моей могилѣ; не хочу никакого другаго памяшника; не означай моего имени; сокрой его опъ любопытнаго путешественника и набожнаго постышителя.“

Онъ умеръ! Инокъ бывшій при немъ въ послѣдніе часы жизни, облегчившій ему переходъ къ смерти, одинъ зналъ его имя и его исторію. Съ трудомъ могли мы собрать опривки здѣсь предлагаемые; они содержатъ шемныя извѣстія объ его возлюбленной и о смерти его непріятеля. (42)

Я.

Царское Село.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СЕСТРЬ.

Оставивъ въ радостной столицѣ,
Веселой, ласковой пріющъ,
Считала, что мнѣ къ моей сестрицѣ
Писать со всякъ не будешь трудъ;
Но чтожь? — Безъ малаго два года
Я прожилъ возлѣ Ирныша,
Гдѣ и бурянь, и непогода,
Другъ съ другомъ въ запуски спѣша,
Меривилъ въсь мысленныя силы
Жильцовъ угрюмой той сраны;
А я изъ дальнейшой могилы,
Хоша бы шо для новизны,
Иль для приличья, иль изъ чести,
Иль, какъ водился, изъ лести
Не нависалъ къ шебъ письма.
И разскажу сему причины:
Сперва, спешей глухихъ картинны,
Природы дикой кустерма,
Меня опрадно занимали

И повзной своей прельщала. —
Средь тѣхъ далекихъ, страшныхъ странъ
Тмишь солнце быспрый ураганъ,
Крушитъ листы деревъ далекихъ
И встрѣтивъ въковой курганъ
Въ пусяхъ степныхъ и однокихъ,
Песокъ вздымаешъ, сыплетъ пыль,
Бѣлишь заглохлую ковыль,
Мушишь Ирмышъ въ брегахъ пологихъ,
Гдѣ силой разъяренныхъ волнъ
Въ щепакъ плыветъ Козачій чѣлнъ.
Но мигъ еще часовъ сихъ спрोगихъ,
Какъ не было; на вышинъ
Златое солнышко кашится
И, признаюся, мнилось мнѣ
Оно собою веселился.

Потомъ угрюмая зима
Пришла съ морозами съдыми
И буря, холода кума,
Съ бураномъ и мяпелью злыми.
Вопль спрятавшися въ свой пріонъ,
Не выславаяль я носъ на холодъ,
И какъ, сесприца, я ни молодъ,
Не смѣлъ шамъ до-сына дохнушь.
Когда писать? — дрожали руки,
Бродила мысль безъ помочей.
Вѣрь мнѣ, холодныя науки
Тамъ во сто разъ всѣ холоднѣи.
Одинъ лишь Бабюшкою прекрасной
Средь буръ, морозовъ и снѣговъ,
Являлся съ пѣсней сладкогласной,
Украшенный въикомъ цвѣтполъ,
И лепеша съ нихъ по опадамъ,
Казалось, мней скрѣпляли,

Поэту Рускому дивясь,
Стеблей съ листьями понку связь.
А шамъ подь тяжкимъ злымъ недугомъ
Въ дали я думалъ опщвѣсти;
Съ побой въ раздукъ, милымъ другомъ,
Я бь не сказалъ тебѣ: прости.
Ужь смерить глаза мнѣ покрывала
Какой-то мрачной пеленой,
Душа земное забывала,
Спрямлясь къ небесному мечшой;
Я тихо исчезалъ для жизни.
Вдругъ свѣтлый лучъ въ глаза мелкнулъ,
Любовь прекрасная къ опщизнѣ!
И я — бѣду перешагнулъ.
Оставилъ Козаковъ станицы,
Забылъ Примышъ, забылъ Алтай,
Иль не успѣвъ сказать: прощай,
Уже я Севѣра столицы
Ййлець, какъ будшо, не значай...
Что мнѣ сулитъ моя судьбина,
Чего мнѣ опъ надежды ждать?
Или безопасно у кампа
За шрубкой за-просно мечнать?
Или жестокая дорогу
Опять изгнаннику сулитъ,
Когда онъ близъ родныхъ сидитъ,
И жизнью упомяся, Богу
Мольбы усердныя шворить?
Нѣтъ, нѣтъ, страннѣ родной изгнанникъ
Всѣ блага родины вкусилъ.
Мечтали счастье воскресилъ;
Онъ знаетъ, что такое странникъ,
Онъ не умчнися въ дальнѣй пушъ!

Въ шпши и съ вѣроу сердечной
Въ кругу родныхъ, какъ гость безпечной,
Онь хочешъ сердцемъ отдохнуть.

В. Карлзoffъ.

Ж И З Н Ъ.

Прошедшее для насъ есть цѣпь воспоминаній,
А *будущее* цѣпь мечтаній,
Что жъ *настоящее*? — минуша лишь одна,
Приятная, или худая.
Невидимо и дни и годы увлекал,
Съ безвѣстной вѣчностью сближаетъ насъ она.

Б. Федоровъ.

Б Е Й Р О Н Ъ.

Прозрѣвшій въ сердце челоуѣковъ,
Волшебникъ думъ, Брипаніи пѣвецъ,
Бейронъ — сталь за свободу Грековъ.
Но смертью похпщенъ; оплаканъ какъ отецъ —
Опчизною Ахилла и Омвра;
И къ родинѣ своей приптекъ чрезъ бездны волны.
Ей шлоуъ возвращенъ, въ Элладѣ сердцемъ онъ, —
А вѣчностіи его осшалась лира.

Б. Федоровъ.

ЛЮБОВЬ ПРОЙДЕТЬ!

Любовь пройдешь! забуду Лилу!
Такъ, безразсудный мнилъ,
Когда мнѣ взоръ ея небесный
Въ грудь искру заронилъ.

*

Любовь пройдешь! себѣ въ отраду
Мечтать я продолжалъ,
Когда огонь сираси безнадежной
Въ груди моей вснымалъ.

*

Любовь пройдешь! душой сгарая,
Увѣренъ я теперь,
Любовь пройдешь, когда мнѣ Парка
Отворишь гроба дверь.

М-ль Яковлевъ.

Т О С Т Ъ.

(Экспромптъ.)

Вино, любовь хвалить не нахожу я словъ.
Да здраствуетъ вино! да здраствуетъ любовь!
Любовь счастливая печали услаждаетъ,
Вино жь ихъ позабыть невольно заставляешь.

М-ль Яковлевъ.

Н А Д Г Р О В І Е.

Комическому Актёру.

При жизни онъ умѣлъ смѣяться:
По смерти жь о себѣ заставлялъ слезы лить!

М-ль Яковлевъ.

Э П И Г Р А М М А.

Когда бы свидѣтелемъ случился
Всего, что Фадинъ здѣсь кушитъ,
И Гераклишъ бы раснутился!
Но спать бы плакать Демокришъ! —

Б. Федоровъ.

Печаташь позволяешся: Сентября 26-го дня, 1826 года.

Цензоръ А. Вируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковскимъ.

НОВАЯ И ДВУХЪ, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.	Стр.
Въ Память Императрицы Елисаветы Алексеевны	161.
Екатеринославъ	171.
Просты	179.

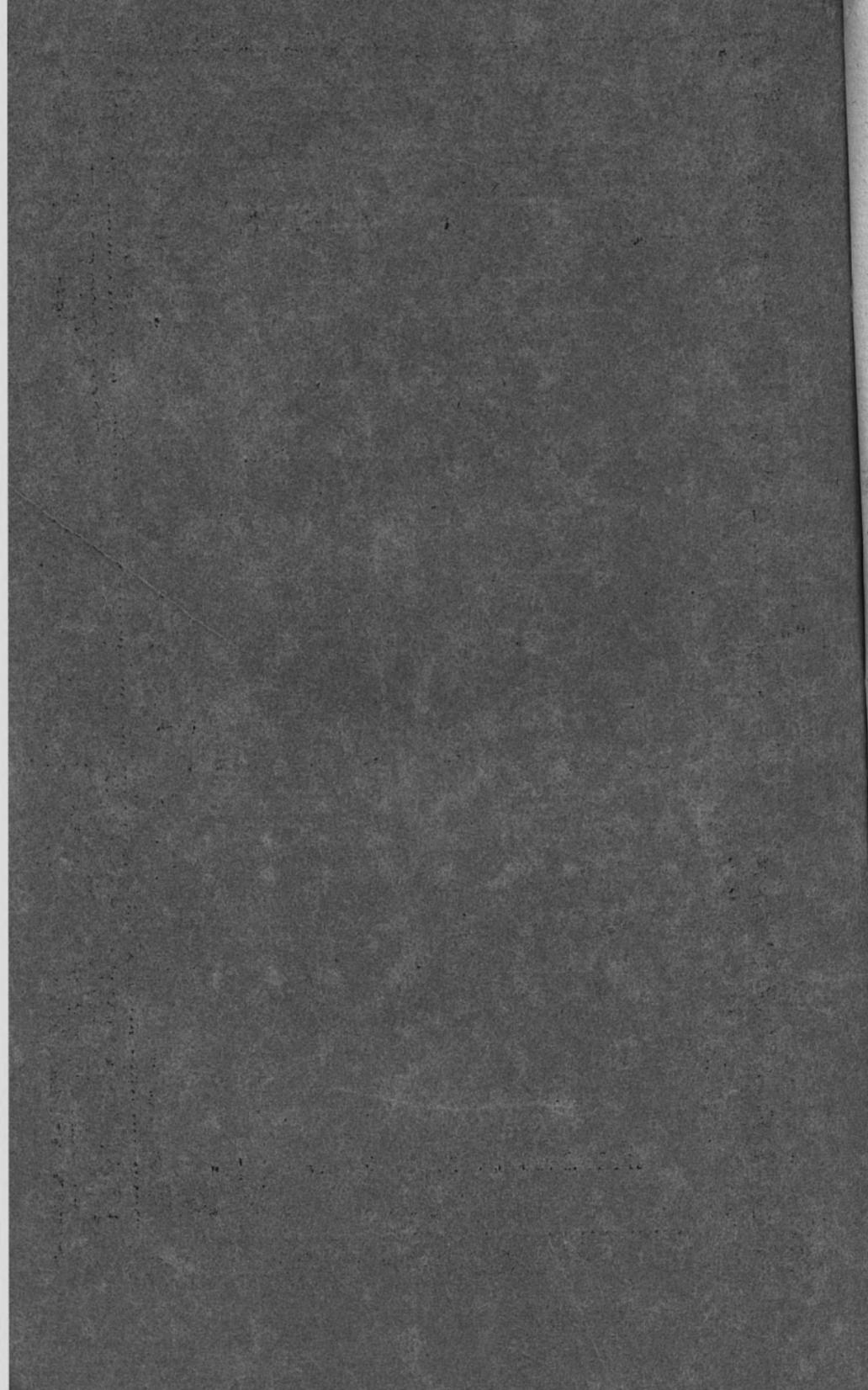
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оскаръ Альвскій	216.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Печатаемо въ Военной Типографіи.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

Н О Я Б Р Ъ И Д Е К А Б Р Ъ 1826.

П Р О З А .

В Ъ П А М Я Ш Ъ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ,

Passa la bella donna a par che dorme.

Tasso.

Едва Императоръ Александръ опошелъ къ Своимъ знаменитымъ Предкамъ, еще не умолкли печальные звуки погребальныхъ Его пѣсней, какъ новая горестъ поразила Августѣйшее Семейство и вѣрный Его народъ. Императрица Елисавета, существо земное только по любви нашей къ Ней и Своей горести, соединилась въ небесахъ съ другою своею половиною. Сии двѣ родныя души не могли долго жишь въ разлукѣ; оставшаяся на землѣ воспарила ошъ ней съ быспрошою и спокойствіемъ, предвѣшниками неизъленимаго восторга и безмятежнаго счастья.

Если мы не можемъ скорбѣть о судьбѣ Императрицы, если внутренній, всегда неложный голосъ говоритъ намъ, что все объмы Ея исполнились: по сколько побужденій для насъ сокрушаться о скорой

Ея кончинъ! . . . Мы ушѣшались тѣмъ, что Императоръ Александръ умеръ не весь; но увы! и драгоценныхъ останковъ Его не спало; мы видѣли свидѣтельница смершнаго Его помненія, безцѣнный предметъ, на который обращены были послѣдніе Его взоры, и Она насъ оставила; охладѣла рука, которую сжимала Оиъ слаббющею рукою. Уединенный свѣшильникъ, горѣвшій надъ Его гробомъ, угасъ на вѣки . . . . .

Какъ ничпожны и бѣдны ушѣшенія земной мудрости въ великой печали и чрезвычайныхъ бѣдспвіяхъ! Какъ худо изъясняешь она связь окружающихъ насъ явленій, и какъ жеспоко перзаешь она своими ушѣшеніями сердце, похищая у него дивное чувствованіе, сбближающее его съ безконечнымъ! — Нѣтъ ничего краспорѣчивѣе, ничего искреннѣе, какъ горестъ челоуѣка чувстввишельнаго и благочеспиваго. Предоставимъ ей улаждашья высокими надеждами; а болѣе всего, да не спрашимся увеличивашъ наше благоговѣніе къ усопшимъ; эшо удѣль не многихъ добрыхъ и преданныхъ душъ; пусть толпа занимается шолько живыми.

Тридцашъ лѣшь Императрица Елисавета провела въ нѣдрахъ новаго опечеспва; годы сїи ознаменованы скромными добродѣшелями и шихими благошвореніями. Превосходнѣйшія дарованія ума, благороднѣйшія качества сердца, образъ — красоша небесная, а душа еще небеснѣе; вопшь, что Она принесла намъ, и вопшь сокровища, которую чрезъ тридцашъ лѣшь жизни вѣрно возврашила землѣ и вѣчности.

Тѣсенъ кругъ жизни жены, еще тѣснѣ Царицы: Ея одиночество разѣеаешья шолько исполне-

ніемъ обязанностей, природою Ей предписанныхъ и нѣжными чувствованіями. Небеса не долго позволили Царицѣ вкушать утѣхи мадеринской любви; существо, сотворенное съ лучшею способностію чувствовать свое достоинство и исполнять Свой долгъ, осуждено было видѣть смерть предметовъ Своей нѣжности. Они похищены были одинъ за другимъ и, подобно Рахили, “ Она не хотѣла утѣшиться: ибо ихъ не стало.”

Тѣ, которые имѣли счастье окружать Императрицу, въ состояніи судить о обширности ума Ея и чудной его вѣрности. Будучи одарена тонкимъ чувствомъ и разборчивымъ вкусомъ, обогащена многоразличными основательными свѣденіями, Она старалась скрывать свое превосходство, которое съ такимъ усиленіемъ и хитростію обыкновенно выказываютъ. Умъ Ея имѣлъ особенную склонность къ размышленію: это открывало ей вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, между тѣмъ, какъ гибкое и живое воображеніе придавало вѣрному уму Ея непринужденную прелесть, недоступную искусству. Знакомая съ Словесностію всѣхъ народовъ Европы, и умѣя схватывать особенныя черты каждой изъ нихъ, Императрица всюду почерпала богатыя мысли и приобрѣла ту зрѣлость сужденій, которая придавала бесѣдѣ Ея особенный блескъ и занимательность. Съ перваго взгляда Императрица изумляла здравомысліемъ, твердымъ и просвѣщеннымъ умомъ, и совершенною простотою; въ послѣдствіи уже обнаруживалось то, что скромность Ея старалась скрывать подъ столь многими покровами: умъ, отличенно образованный, рѣдкая способность го-

ворить и писать изящно и точно, природное расположение судить о земныхъ вещахъ съ высшей точки, эта ясность разсудка, который всѣмъ имъ въ глазахъ Ея давалъ наспоющую ихъ цѣну, и эпошь жаръ плѣнительной и общительной души, возвышавшій въ обществѣ ихъ мнѣніи шѣхъ счастливецъ, коихъ удостаивала Она своимъ вниманіемъ. Совершенное владычество надъ собою, невольный блескъ великихъ добродѣтелей, уединенное житіе въ высококомъ санѣ, къ коему судьба Ея назначила, все сіе придавало Ея особѣ какое-то величіе, внушающее къ Ней благоговѣніе и удивленіе. Но сіи достоинства извѣстны были только въ шѣсномъ кругѣ, приближенныхъ къ ней судьбою и преданностью. Мы оскорбили бы память Ея, если бъ нынѣ умолчали о неисчислимыхъ благодѣяніяхъ, ознаменовавшихъ всѣ дни Ея жизни; просвѣщенная благошворительность къ несчастнымъ равнялась просвѣщенію ума Ея и нѣжная сострадательность силѣ души. Будучи недоступна внушеніямъ гордости, попирая стопами всѣ земныя пышности, Императрица совершенно предалась благородной спраси къ благошворенію, спраси наследственной во всемъ Августѣйшемъ семействѣ, коего Она прицать лѣтъ была ушѣхою и славою. Дѣятельное Ея милосердіе подкрѣплялось живою, просвѣщенною и выше всѣхъ предрасудковъ Вѣрою. Сія чистая душа свободно возносилась къ спройному порядку мірозданія, изъ котораго почерпала силу и спокойствіе. Будучи строга къ самой Себѣ, снисходительна къ другимъ, Императрица исполняла все то, что для другихъ оставалось только мертвыми правилами. Высокость сана Ея открывалась только въ недоступной возвышенности чувствованій.

ній; всё величія прона почишала Она совершеннымъ отреченіемъ отъ ничтожныхъ выгодъ жизни, и сохранила только искреннее, нѣжное участіе во всемъ, что только имѣло отношеніе къ предметамъ Ея любви и уваженія.

Императрица Елисавета до самой кончины Своей сохранила величественную и милую наружность, привлекающую сердца, пріянный звукъ голоса, очаровательный сманъ, чудную прелестъ въ осанкѣ и во всѣхъ движеніяхъ, непринужденность, исполненную простоты и истинно Царскую. По прибытіи Ея въ Россію, ничто не равнялось въ красотѣ съ Нею. Очевидцы Ея Бракосочетанія еще и теперь съ воспоргомъ воспоминають о прелестяхъ сей юной Чехы; говорящъ, что при видѣ ихъ, невольный шопощъ удивленія слышенъ былъ со всѣхъ шпоронъ; имя Пенхей повшорялось во всѣхъ устахъ; очи не могли насышиться лицезрѣніемъ сихъ молодыхъ, прелестныхъ, счастливыхъ сунруговъ, знакомыхъ съ жизнью только по первымъ ея впечатлѣніямъ, и не помышлявшихъ объ ошдаленной ея горечи и печаляхъ. Когда сей вешній цвѣтъ, сей блескъ юности увялъ, Императрица совершенно сохранила всю свою фizioгномію, всё свои пріянности, и черты ихъ запечашлѣлись такою выразишельностью, кошорая только Ей одной особенно принадлежала. Когда модъ рукою времени облещѣлъ розовый вѣнокъ на благородномъ челѣ Ея: тогда вокругъ него распрощранилось негибнущее сіяніе и оно не угасло . . .

Спрасшь къ изящному служила ошдохновеніемъ для Императрицы Елисаветы. Спрасшь сія соединялась съ ообенною пронцашельностью и разнообразными свѣдѣніями. Всё искусство находили

въ Ней покровишельницу; молодые Русскіе живописцы посылались на иждивеніи Ея въ Италію, другіе обучались подъ Ея покровишельствомъ. Она спрасшно любила Поэзію; будучи свободна ошь всѣхъ предразсудковъ въ словесности, она съ равнымъ жаромъ переходила ошь одной словесности къ другой. Расинъ почель бы за честь избрать Ее своимъ судією, и каждое классическое швореніе Гёте было Ею замѣчено. Карамзинъ читалъ Ей въ рукописи свою Историю, и, нѣшь сомнѣнія, что Вальшеръ Скопшъ, Бейронъ и Муръ были бы равно изумлены и возгоржены шонкою разборчивосшью, съ кошорою Императрица читала ихъ шворенія въ подлинникъ: но вниманіе Ея не ограничивалось шолько искусшвами воображенія; Она любила читать самыя глубокомысленныя шворенія, и вѣрно дначала нашего спольшія не вышло въ свѣшь ни одного достопримѣчательнаго сочиненія, на какомъ бы шо ни было Европейскомъ языкѣ, кошораго бы Императрица въ пишинѣ своего кабинета не оцѣнила по достоинству, или не замѣшила бы недоспашковъ его съ рѣдкимъ проицианіемъ. Такъ прошекала жизнь Ея, посвященная добродѣшельнымъ дѣяніямъ и благороднымъ мыслямъ; шѣ и другія, спаралась Она скрывать ошь взоровъ свѣта. Люди, одаренные возвышеннымъ умомъ и украшенные добродѣшелями, не ищущъ внѣ себя жизни; одобренія свѣта возбуждающъ въ нихъ спрахъ, ошь кошораго освобождающъ они въ одиначествѣ и шихомъ размышленіи.

Красошы природы сильно дѣйшвовали на чувствительную и высокую душу Императрицы. Она любовалась ими со всѣмъ проспосердечіемъ, кошораго

рое выражалось во всѣхъ ея движеніяхъ. Видъ живописнаго мѣстоположенія оживлялъ Ея воображеніе и возбуждалъ пріятную веселость, изображавшуюся на челѣ Ея съ необыкновенною прелестью. Когда вспрѣчали Ее въ садахъ и рощахъ; шо думали, что шихій удѣлъ неизвѣстности былъ предѣломъ Ея желаній; подъ багряницею, Она казалась рожденною Царсвоваши; Она могла бышь украшеніемъ каждаго состоянія; нѣшь высокой доли, кошорой не была бы Она Сама выше; нѣшь хижины, кошорая бы не освятилась Ея присущствіемъ . . . .

Цѣлые два года здоровье Императрицы ощушительно ослабѣвало. Оно возбуждало живѣйшія опасенія, шакъ, что надлежало переселить Ее подъ небо, менѣе суровое. Избранъ Таганрогъ! Всѣ знали, что Императрица ничего шакъ не желала, какъ бышь неразлучною съ своимъ Августѣйшимъ Супругомъ. Нѣжный Супругъ имѣлъ съ Нею одно желаніе; они поѣхали вмѣстѣ: Государь, цвѣшущій здоровьемъ, въ полношѣ душевныхъ и шѣлесныхъ силъ; Государыня въ состояніи изнеможенія, и какъ бы жершва неизцѣльнаго недуга. Сія крѣпкія минушы, проведенныя посреди безпредѣльной довѣренности и нѣжности, кошорыя, казалось, предвѣщали близкую опасность, окончились бѣдствіемъ самымъ неожиданнымъ. Смершь внезапно сразила Императора, и Императрица смежила глаза Его. Сверхъестественное мужество, показанное Ею въ сіи горешношоржешвенныя минушы, и какъ бы предвѣщавшее возвращеніе Ея здоровья, было шолько послѣднимъ блишаніемъ угасающаго пламени; ударъ постигшій Императора, былъ смертельнымъ ударомъ для Императрицы. Она, казалось, опреклась ошъ

жизни, ибо Ей одной известна была Ея близкая кончина. Она совершенно предалась волѣ Всевышняго; послѣднія минушы жизни Ея совершенно посвящены были уединенію и глубокимъ размышленіямъ; безразсудно было бы открывать завѣсу, сокрывавшую Ее въ сіи минушы ошъ взоровъ свѣша, когда всѣ узы, соединявшія Ее съ свѣшомъ были разорваны. Единственною мыслію, кошорая привязывала Ее къ землѣ и занимала всю Ея душу, было желаніе увидѣшь Матерь-Императрицу, коей неизъяснимая нѣжностъ бодрствовала надъ Нею, и кошорая назначена судьбою явишь въ себѣ образецъ швердосши, равной Ея добродѣтелямъ. Сколь прогашельно было бы свиданіе двухъ Августѣйшихъ жершвъ одного бѣдшвія! Какія слезы, и какія изліянія взаимной нѣжностши ожидали ихъ, какія молишвы вознесли бы онѣ къ Небу! . . . Но судьба рѣшила иначе; свиданію назначено бышь въ Калугѣ; 3-го Маія прибывъ въ городъ Бѣлевъ Тульской Губерніи, Императрица Елисавета Алексѣевна не въ сосшоаніи была продолжашъ своего пушешествія. Немедленно донесено о семъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, кошорая въ шу же минушу выѣхала; но когда прибыла въ Бѣлевъ, Августѣйшей Невѣстки Ея уже не спало . . . .

Не будемъ описывать послѣднихъ минушь Императрицы Елисаветы; онѣ известны одному Богу. 3-го Маія ввечеру, еще не замѣчали крайней опасностши. Съ наступленіемъ ночи Императрица почувствоввала расположеніе ко сну; спушя нѣскольکو часовъ, бывшія при ней особы замѣшили въ Ней какое-шо необыкновеннос безпокойшво и предложили позвашъ врачей; Она рѣшительно сіе запренила; вскорѣ пошомъ услышали шихій спонъ, и сей спонъ

быль, можешь бышь, выраженіе радости. На разсвѣтѣ, когда вошли въ комнату Императрицы, Она уже отошла отъ сей жизни. Неизвѣстна на-вѣрное минуша, когда пресѣклась жизнь Ея и спр-аданіе. Она вся предалась Господу, и Господь принялъ духъ Ея втайнѣ отъ людскихъ взоровъ. Можно ска-зашь, что люди не достойны были присуществовать при семъ величественномъ зрѣлищѣ. Последняя раз-лука съ міромъ чистой и неземной души, сіе таин-ственное поржесство, коего Богъ одинъ былъ свидѣ-телемъ, и кошорое сокрылъ онъ мракомъ ночи, не оставило ни малѣйшаго слѣда, и ни одинъ смерп-ный не можешъ повѣдашь о семъ священномъ со-бытіи.

Императрицу нашли уже оледенѣвшею отъ хлада смерти, но ликъ Ея былъ свѣтелъ; на немъ изображались спокойствіе и яеность, поразившія всѣхъ зрштелей. Онъ возвратилъ даже прежній блескъ красоты, кошорый давно уже помрачили спр-аданія. При вскрытіи шѣла сердце Ея найдено сокрушеннымъ, во всемъ обширномъ смыслѣ сего ужаснаго слова.

Такъ, одинъ ударъ лишившій Россію Монарха, сла-вы своего народа и престола, лишилъ Россію, міръ, челоѳчество, одной изъ совершеннѣйшихъ женъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Конечно, мѣ-сто, кошорое занимала Она между нами, останешся навсегда опличнымъ; и узы, привязывавшія насъ къ Ней, не совершенно распоргнушы. Мы чувству-емъ, что Небеса даровали намъ еще одного Ангела Хранителя, кошорый бодрствуетъ надъ благоден-ствіемъ Россіи; вѣримъ несомнѣнно, что живое по-печеніе Елисаветы объемлетъ и мѣсто Ея рож-денія и новое ршечество, и шронъ, коего она была

украшеніемъ, и Августѣйшее Семейство, привязанное къ Ней вѣчною горестію. Даже шть, кои въ сей жизни опличены были особеннымъ Ея благоволеніемъ, опныи съ бѣльшимъ упованіемъ могутъ покоишься подь кровомъ криль Ея. Они прибрѣли сильного Заслупника, покровишельствующаго ихъ изъ горнихъ селеній.

Перевель съ Французскаго, *В. Соколовъ.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

(Изъ дорожныхъ записокъ.)

(Продолженіе.)

XIII: Гунны, 400 лѣтъ по Р. Х.

Можно Россію назвать колыбелью народовъ, опровергнувшихъ сильную Римскую Имперію, и на развалинахъ ея основавшихъ новыя царства, кошорыя частію и доннынъ сполѣтъ непоколебимо.

Предисловіе къ Нестору.

Съ шого времени, какъ хишрый Августъ похипилъ броды правленія, Римская Имперія существовала еще почти пѣтъ ешолѣшій; но въ исполнскомъ шѣлѣ ея уже созрѣвала ядъ разрушенія. (*). Въ началѣ втораго вѣка по Р. Х., сія Имперія быспро шла къ своему упадку. Войско, сосшавленное изъ однихъ чужестранцевъ, не могло пишашъ любви къ новому своему опечеству: ибо никогда его не видало; оно было незнакомо ни съ устройствомъ, ни съ подчиненностью. Препоріане дали опасный примѣръ возводить на престолѣ любимыхъ ими полководцевъ; вся Армія ему послѣдовала и, начиная съ Сепшима Севера (195 лѣтъ по Р. Х.), солдашы за деньги продавали царшво, и не хотѣли повиновашься своимъ Начальникамъ, а Кесари, купившіе у нихъ корону, по неволѣ имъ пошворшвовали. Военные законы болѣе и болѣе послаблялись.

(*) См. 1. Sur la grandeur et la decadence de l'Empire Romain, par Montesquieu; 2. Introduction à l'histoire de Charles V, par Robertson; 3. Tableau des revolutions de l'Europe, par Koch.

Жители ошдаленныхъ областей мало заботились о поддержаніи Правительсва, которое ихъ грабило. Въ самомъ Римѣ, граждане, изнѣженные роскошью, упоающіе въ сладоспращіи, служащіе, или жершвою, или орудіемъ мучительсва, и шолпы празднои черни, развращенной, лѣнливой, необузданной, привыкшей жить на щещь казны общеспвенной, пребующей игрѣ и хлѣба, — были худыми зацщниками ошъ суровыхъ варваровъ, привыкшихъ сноспшъ шруды и походы, алчущихъ крови и золоша.

Діоклишіанъ въ шрещемъ вѣкѣ (284 года по Р. Х.) ревностно пекся о шомъ, чшобы оживишъ разслабленные члены Имперіи, дашъ обласпямъ ея новую дѣяшельность, новыя средсва къ оборонѣ, ускоришъ дѣйствія правосудія; онъ избралъ себѣ сошрудника и, посшавивъ его Кесаремъ, раздѣлилъ съ нимъ обласши. Но думая задушишъ сѣмена раздора, онъ нанесъ смершельный ударъ цѣлосши государшвеннаго шѣла.

Конспаншинъ, издержавъ несчешныя суммы на построеніе новой шполицы и, подѣ предлогомъ шого, будшо древній Римъ слишкомъ далекъ ошъ средшочія Имперіи, перенесъ шуда прешоль Имперашорскій, разрушилъ очарованіе умовъ и мечшу о владычешствѣ и славѣ, кошорая засшавляла народы благоговѣшъ при одномъ имени Рима. Сіе великое имя сильно дѣйшвовало надѣ воображеніемъ: поддерживало довѣренность его подданныхъ и распрешряняло ужасъ между нешрїяшелями.

Еодосій докончилъ пригошовлешное Діоклишіаномъ и Конспаншинномъ. Раздѣливъ свое огромное Государшво на восточное и западное, онъ подписалъ смершный приговоръ Августшвой Имперіи.

Однако же сей колоссъ, шахаясь, держался еще нѣсколько времени собственною тяжестью. Между тѣмъ, высокомеріе варваровъ опъ часу возрастало; они безпрестанно являлись съ новыми требованіями и приязаніями, самыми наглыми, самыми несправедливыми. При малѣйшемъ отказѣ, они прибѣгали къ мечу. Часто побѣждаемые, никогда неусмиранные, они, опъ побѣдителей своихъ научились военному искусству и хитросыямъ.

Съ пятымъ вѣкомъ (406 годъ) Хриспіанской Эры, ихъ нашествія сдѣлались почти непрерывны, увеличались успѣхами и превратились въ прочныя завоеванія. Орды варваровъ, перевозимыя какимъ-то непреодолимымъ духомъ дѣятельности, почти всегда неразлучнымъ съ духомъ мужества, подспрѣкаемые необходимостью искашь пропитанія, въ копоромъ собственная земля имъ отказывала, — съ разныхъ сторонъ бросились на цвѣшущія области богатого Римскаго Государства. Они, какъ шучи голодной саранчи, неслись по равнинамъ Новороссіи къ берегамъ Дуная и Рейна. Началась опчаянная борьба между храбростью, копорая желала все опнять насильно, и изнѣженностью, копорая искала все убежать коварствомъ. Пороки, соупшники богатства и роскоши, уступили необузданнымъ и сильнымъ спрашьямъ варваровъ.

Гунны, изгнанные изъ своей ледовишой опчизны, перешли съ восточныхъ предѣловъ Азіи къ западнымъ, и первые распрвожили орды, кочевавшія по берегамъ Дона. Они опбросили ихъ на ихъ сосѣдей, а сіи, въ свою очередь, опшолкнули къ западу своихъ, которые, — нагрянувъ на народъ къ нимъ ближайшій, — сдвинули его съ мѣста, имъ занимаемаго.

Смуша, переходы, волненіе, съ невѣрояшною быспрошою распрострачились ошь Каспійскаго моря до Балшійскаго и ошь Балшійскаго до Средиземнаго.

Гунны превосходили всѣхъ другихъ варваровъ люшою кровожадноспью и безобразіемъ. Амміанъ Марцеллинь, досповѣрный свидѣшель бѣдспвій, нанесенныхъ ими Римской Имперіи, описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. (*)

„Народъ *Гунны*, въ древнѣйшихъ Исторіяхъ слегка упоминаемый, живеть за Меошійскими болошами, просшираясь до Ледовишаго Океана. Свирѣпство его чрезвычайно. *Гунны* младенцамъ своимъ, скоро послѣ рожденія, глубоко нарѣзываютъ щеки желѣзомъ, дабы сросшиіеся рубцы не давали выросшашъ волосамъ, ошь того они оспаються безбородыми и гнусными, подобно скопцамъ, до спароспи: всѣ они имѣють крѣпкіе, плосные члены, полѣшную шею, широкое лице, шакъ, что ихъ можно почешъ за двуногихъ звѣрей, или за деревянные, грубо обшесанныя подспавки къ мосту. При такой ошврашительной наружности, они споль дики, что не употребляютъ ни огня, ни варенаго кушанья, а питаються кореньями, или сырымъ мясомъ всякаго звѣря, кошорое напередъ заваливаютъ нѣсколько подъ собою на спинѣ лошадиной. Никогда не живутъ они подъ кровлею домовъ, и боясь ихъ, какъ могилъ безмолвныхъ: ибо у нихъ нѣшъ даже хижинъ шросшникомъ покрытыхъ; спранспвуя по горамъ и лѣсамъ, они съ малолѣш-

---

(*) Карамзинъ, ИГР. Часть I. примѣч. 35 стр. 270; Историческая карманная книжка 1813 годъ, изд. въ С. П. Бургѣ Эрнстомъ Морпцомъ Арндтомъ; Вѣспникъ Европы 1813 Но. 7 и 8. стр. 164 и слѣдующія.

ства приучаются переносить спужу, голодъ и жажду. Весьма неохотно и, развѣ по необходимой нуждѣ, входящъ они въ дома: ибо шамъ кажется имъ тѣсно. Носящъ холстинной зипунъ, или кожанъ, сшитый изъ мышьихъ шкурокъ, и болѣе одного плащя не имѣющъ. Голову свою покрываютъ навислою шапкою, а чресла козлинымъ мѣхомъ; грубо сшитые сапоги препяществующъ имъ ходишь свободно; ошъ того они мало способны къ пѣхопному бою, всегда вяло сидящъ на крѣпкихъ, но безобразныхъ коняхъ своихъ, какъ будто приросли къ нимъ, и такимъ образомъ отправляютъ обыкновенныя свои работы: каждый изъ нихъ ни днемъ, ни ночью не сходитъ съ коня своего; на немъ продаетъ и покупаетъ: ѣсть, пьеть и спитъ сладкимъ сномъ, склонившись на гриву; даже и о важныхъ дѣлахъ разсуждаютъ, сидя верхомъ.

„Они не управляются строгою власнью Царскою; но нападаютъ и пробиваются, будучи предводимы своими спарѣйшинами: иногда сражаются они, дождавшись нападенія; сами же наступаютъ отдѣльными полками и съ разногласнымъ, ошврапительнымъ визгомъ. Легкіе и быстрые, они умышленно разсѣваются въ одинъ мигъ, пошомъ опять соединяются, въ безпорядкѣ скачущъ шуда и сюда, и прежде, нежели удастся замѣшить ихъ, по причинѣ быспрошы чрезвычайной, уже наступаютъ на окопъ, или расхищаютъ спанъ непріательскій. Ихъ можно назвать самую лучшею конницею: ибо издали мечущъ дротики, на кошорые, вмѣсто желѣза, насажено кошяное остріе весьма искусно; вблизи же рубящъ саблями, не заботясь о собственной оборонѣ; сверхъ

шого, они накидываютъ арканъ на непріятеля въ то время, какъ онъ уклоняется отъ удара, и, такимъ образомъ, спѣсняютъ его члены и опнимаютъ у него возможность управлять конемъ и оружіемъ. Никто у нихъ не пашетъ и не прикасается къ плугу: ибо все кочуютъ изъ одного края въ другой, не имѣя ни домовъ, ни законовъ, ни постоянныхъ обычаевъ; но, подобно изгнанникамъ, живутъ въ шельгахъ, на кошорыхъ жены ихъ шкутъ грубыя шкани на одежду, родятъ дѣшей и воспитываютъ ошроковъ до возмужалости. Никто изъ нихъ не въ состояніи отвѣчать на вопросъ: откуда онъ происходилъ, гдѣ родился и гдѣ выросъ? . . . . . Вѣрность и договоры имъ неизвѣстны; будучи непостоянны и при бездѣльной благосклонности Надежды переменчивы, они нападаютъ съ буйною яростью; подобно бессмысленнымъ живошнымъ, ничего не знаютъ о правдѣ и справедливости; двуязычны и лукавы въ перешолкованіи смысла словъ: не удерживающа никакою религіею, никакимъ суевѣріемъ; сребролюбивы до ненасытности; шоль въпрены и вспыльчивы, что иногда безъ всякой причины ошсупающа отъ своихъ союзниковъ, и опять въ шотъ же день мирутъ съ ними безъ всякаго удовлетворенія. Сей легковооруженный и неукротимый народъ, шрастно преданный грабительству, съ бѣшенствомъ опущающа и поражая сосѣдственные народы, напослѣдокъ достигъ до Алановъ, древнихъ Массагешовъ.,,

Напрасно Магомеданскіе Писатели смѣшиваютъ Гунновъ съ Турками: ученый изыскашель Азіатскихъ

древностей, *Шмидтъ* (*) доказаль, что сіи два народа ошь разныхъ корней и существенно различны языкомъ, видомъ и обычаями. Онъ доказаль, что *Гуны* (*Hiongnu*, *Chiougnu*) Монгольскаго происхожденія, и что ложное понятіе о нихъ вкралось, 1-е ошь привычки Магомедданскихъ историковъ означать всѣхъ обитателей средней Азіи, безъ исключенія, общимъ именемъ *Турокъ*; 2-е, ошь произвольнаго употребленія имени *Монголовъ*, безъ всякаго опчета и опредѣленности; 3-е, ошь сухихъ и несвязныхъ сочиненій, оставленныхъ намъ о сихъ странахъ Европейскими путешественниками: сочиненій, кои будучи написаны варварскимъ слогомъ и наполнены предразсудками среднихъ вѣковъ, не могутъ дать намъ истинныхъ и точныхъ свѣдѣній объ исторіи и жизни сихъ народовъ.

Гуны покорили всѣ земли ошь Волги до Рейна, ошь Македоніи до острововъ Балійскаго моря. Другія орды дикарей: *Алане*, *Роксолане*, *Готы*, *Сарматы*, *Язиги*, соединились съ ними — и подъ предводительствомъ *Аттилы* разгромили Римскую Имперію.

Война раждала войну; шуча варваровъ шла за шучею; жирныя пастбища около Дона, Волги, Днѣпра, Буга, служили имъ мѣспомъ ошдыха; впрочемъ, весьма

(*) См. *Forschungen in gebiete der ältern religiosen, politischen und litäranischen Bildungsgeschichte der Völker Mitte lAsiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter*; von Isaac Jacob Schmidt; напечатано въ С. Петербургѣ. —

Также Карамзина ИГР. часть 1, стран. 271, примѣчаніе 35.

крашкременнаго. Ибо они не шеряли времени для сбора жизненныхъ припасовъ, не зашруднялись обозами, не имѣли нужды въ деньгахъ, не встрѣчали нигдѣ ни крѣпостей, ни войскъ, ни пушекъ; ничто не оспанавливало ихъ грозныхъ ополченій.

Къ счастію человѣческаго рода, Ашшила умеръ въ 454 году. „Съ нимъ прекратилось владычество *Гунновъ*. И скоро“ — говоритъ нашъ Типшъ-Ливій — „изгладилась слѣды ужаснаго бышя *Гунновъ*. Сн варвары опдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали — и какъ грозное привидѣніе, исчезли!“ —

XIV. Угры, въ V вѣкъ по Р. Х.

XV. Болгары или Волгары, въ V вѣкъ по Р. Х.

XVI. Авары, въ VII вѣкъ по Р. Х.

Однажды расколывавшись, народы въ продолженіе почти ста лѣтъ безпрестанно, какъ волны, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, двигались, возвышались, поглощали одинъ другаго, сталкивались, соединялись и снова раздроблялись. Страна, оставляемая одной ордою, занималась другою; царства ежедневно перемѣняли власшителей.

Въ слѣдъ за *Гуннами*, *Угры* (*) и *Болгары* (**) или *Волгары*, какъ ихъ называешь Ташищевъ, въ половинѣ V-го вѣка перешли Волгу и разлились по берегамъ Азовскаго и Чернаго моря. Огнемъ и мечемъ опустошили они Мизію, Фракію и доходили до вострошъ Царя-града.

(*) Карамзинъ, Ташищевъ, Князь Щербатовъ.

(**) Карамзинъ, ИГР. часть I, стр. 29.

Въ VI-мъ вѣкѣ, сперва *Авары*, единоплеменные съ *Гуннами*, а попомъ *Гунны-Огоры* подъ ихъ именемъ, брали дань съ Византійскихъ Монарховъ и поставили свои шаторы въ южной Россіи. Они просперли свои завоеванія въ 568 году опъ Волги до Эльбы. Въ VII вѣкѣ имя *Аварь* уже не упоминается въ летописяхъ, между тѣмъ, какъ Болгары, завоевавъ Мизию, основали шамъ сильное Государство.

(Будетъ продолженіе.)

В.

П р о с т и .

(Новая повѣсть Барона *Ламотъ-Фуке*.)

Война кончилась побѣдою. Многіе охотники, изъ любви къ отечеству, раздѣлявшіе съ войсками опасносши, возвращались къ мирнымъ своимъ занятіямъ: одни скорѣе спѣшими увидѣшь любезную родину, другіе, мимоѣдомъ посѣщали любопытныя мѣста на чужбинѣ, чшобы возвратиться домой съ новыми опытами и обогащиль воображеніе свое новыми картинами.

Между сими послѣдними находился одинъ молодой врачъ, кошораго мы назовемъ Арнольфомъ. Онъ спрасшно любиль Медицину и окончиль курсъ оной въ Университетѣ. Возгорѣлась война; Арнольфъ схващиль оружіе, но не хошѣлъ измѣнить и своей любимой склонносши. Его отличныя свѣдѣнія и бла-

городный характеръ скоро доставили ему мѣсто полковаго Лѣкаря въ народномъ ополченіи. Какъ искусный Медикъ и храбрый воинъ, онъ равно заслужилъ уваженіе своихъ шоварищей. Начальники не охотно разстались съ нимъ, да и самъ онъ гошовъ былъ вѣчно оспавашься въ военной службѣ, если бъ не имѣлъ въ виду благородной цѣли, еще болѣе усовершеншья свои познанія. Какъ семейныя обстоятельство его доставляли ему счастливую независимость, то онъ не спѣшилъ возвращишься домой, но ошанавливался вездѣ, гдѣ науки и искусства представляли пищу для его любопытства: то посѣщаль онъ лекціи и кабинеты славныхъ мужей своею ученостию, то бродилъ по лугамъ и долинамъ, занимаясь изслѣдованіемъ произведеній мудрой Природы.

Такимъ образомъ очутился онъ и въ Вогезскихъ горахъ, странѣ мало посѣщаемой. Вечерь склонялся уже къ ночи. Арнольфъ шелъ пѣшкомъ по узкой долинѣ, надѣясь пробраться на большую дорогу и еще засвѣшло прійти въ ближайшій городокъ, куда послалъ онъ впередъ своего слугу съ лошадьми и чемоданомъ.

Но, или въ послѣдней паспущей хижинѣ, гдѣ онъ освѣдомлялся, описали ему эту дорогу слишкомъ хорошею и близкою, или онъ въ самомъ дѣлѣ сбился съ настоящей дороги; но шроинка, по кошорой онъ шелъ, хопя вела подъ гору, однако же опасными крушизнами и по краю пропасти. Чѣмъ далѣе

онъ подавался впередъ, шѣмъ окрестность спяновилась глуше и безлюднѣе. Иногда казалось ему, будто изъ темной сѣни каштановыхъ деревьевъ проглядывающъ сѣны стараго замка; но можно ли подумашъ, чшобы замокъ, построенный въ такой глуши, былъ обитаемъ? скорѣе можно почестъ его за вершешъ разбойниковъ; въ самомъ дѣлѣ носились слухи, чшо мѣста сіи не безопасны ошъ разбоевъ, какъ обыкновенно бываешъ въ гористыхъ странахъ по окончаніи войны. Сверхъ того деревенскіе жители не могли равнодушно смотрѣшъ на чужеземныхъ побѣдищелей; уже не одинъ изъ поварищей Арнольфа шайно погибъ ошъ руки ихъ. Онъ бросилъ смѣлый взглядъ на свою саблю, висѣщую при бедрѣ, осмошрѣлъ пистолешы и всѣ опасенія исчезли. Ихъ мѣсто заснутили мечшы другого рода. Начишавшись древнихъ Поэшовъ и будучи самъ Поэшомъ, онъ мечшалъ шо о воздушныхъ Сильфахъ, шо о Нимфахъ источниковъ и рощей. Между шѣмъ вечерній шуманъ прозрачной пеленою разшилался по долинь, крайніе облака еще озарялись розовымъ сіяніемъ, и прохладный вѣшерокъ навѣвалъ свѣжій запахъ горныхъ правъ. Ему казалось, чшо онъ найдешъ здѣсь свою родину, или шихую могилу, — а можешъ бышъ, и шо и другое вмѣшъ.

Тропинка вела по косогору, и, какъ казалось, прямо къ замку. Крушизна скапа не позволяла возвращишся назадъ. Пришомъ, нашъ смѣльчакъ не привыкъ отступашъ; онъ рѣшился прямо ишши въ за-

мокъ, какая бы участь шамъ его ни ожидала. И вошь дорожка поворошила въ сторону около замка, и вошь въ недалекомъ отсюда разстояніи открылся пышный садъ и часть укрѣпленій, разрушенныхъ временемъ; на мѣстѣ ихъ подѣланы дерновья скамьи, обсаженные пышными деревьями и зелеными куспарниками.

Какое-то шайное предчувствіе влекло къ замку нашего пушника. „Но что, если шамъ живешъ какой-нибудь шарой сморшитель?“ думалъ самъ съ собою Арнольфъ, „еще хуже, если шарая, брызгливая сморшительница? Что жъ скажешь, если цѣлая прескучная семья?“ — Нѣтъ! бышь не можешь! для чего поршишь каршину? Вообразимъ лучше прекрасную благодушельную волшебницу. Красавица грушишь шеперь о своемъ Рыцарѣ, который пошелъ искать опасностей на полѣ битвы, и — шщешно ожидаешь о немъ вѣсти. Часто изъ своего высокаго перема склоняешь она унылые взоры и съ помощію шайншвенной силы своей каждому благочестивому пушнику шдешъ благословенія на доброй путь, желаетъ ему счастья въ жизни, котораго не можешь дашь своему любезному. — Для чего же? — Ошважный Вишязь пренебрегъ драгоценный даръ благодушельной волшебницы при послѣднемъ горестномъ съ нею прощаніи. Безразсудный! бышь можешь на эшомъ самомъ мѣстѣ.“ —

Арнольфъ прерванъ былъ легкимъ шумомъ, что-то пролетѣло надъ его головою и кпо-по неизъ-

яснимо-сладостнымъ голосомъ произнесъ: „прости будь счастливь!“ — Ему послышалось тихое рыданіе, и, скоро увидѣль онъ молодую женщину, высокую, стройную, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, медленно идущую къ замку. Она, съ неописанною пріятностію, нѣсколько разъ оборачивалась назадъ, давала знакъ рукою и плашкомъ, какъ бы съ кѣмъ-нибудь прощаясь, и пошомъ скрылась въ замокъ.

Арнольфъ еще не вѣрилъ глазамъ своимъ, но на вѣшвахъ ближняго кустарника висѣлъ вѣнокъ, шомъ самый, кошорой пролетѣлъ надъ его головою и задрѣлъ за его локоны. Эшо не была уже мечта.

Схватишь вѣнокъ и взбѣжашъ на вершину горы къ замку, для пыкаго молодаго челоуѣка спомло одной минушы. Арнольфъ споялъ уже на шеррасѣ, гдѣ все расположено было съ неподражаемымъ искусствомъ. Онъ окруженъ былъ цвѣтами; одни изъ нихъ росли на грядяхъ, другіе гирляндами обвивались вокругъ деревъ и кустарниковъ, особенно видъ явора, споящаго посреди шеррасы и украшеннаго съ большимъ вкусомъ, былъ чрезвычайно живописенъ — казалось, все здѣсь устроено было для веселаго пиршесшва по случаю чьего-нибудь возвраша; — но чшо значашъ произнесенныя раздирающимъ душу голосомъ слова: „прости! будь счастливь!“ — Къ чему эшомъ вѣнокъ, брошенный въ прохожаго, и къ чему сіе удаленіе привѣшнаго сущесшва? . . . .

Жизнь Арнольфа до сихъ поръ не совсѣмъ изъята была ошъ любовныхъ приключеній, хоща невицныхъ,

и по большей части, такихъ, которыя слегка прогали его сердце; однако жъ онъ имѣлъ два или три знакомства, которыя при спеченіи обстоятельствъ, болѣе благопріятныхъ, могли бы укрѣпиться и разрушиться только съ жизнію. Кто знаетъ? Быть можешь, это таинственное прощаніе, эта пышность цвѣтовъ, имѣешь какую-нибудь, хотя до сихъ поръ еще непонятную связь съ сладостною мечтою о минувшемъ? — Не даромъ сѣнъ цвѣточныя цѣпи таинственно здѣсь и шамъ раздѣляютъ дружественныя вѣтви деревьевъ.

По просьбѣ вела прекрасная излучистая дорожка къ замку. Арнольдъ смѣло идетъ по ней: не уже ли, думаешь онъ, откажутъ здѣсь въ гостепріимномъ приѣмѣ запоздалому пушнику, сбившемуся съ дороги? Если такъ, то, по крайней мѣрѣ, не откажутся вывести его изъ этой глуши на прямую дорогу.

Калишка, въ кошорую за четверть часа передъ шѣмъ вошла молодая дама, была зашворена, и какъ казалось, изнутри накрѣпко заперта; но надежда Арнольда, найши гостепріимство въ замкѣ, его не обманула.

Чужестранецъ не успѣлъ еще подойти къ замку, какъ вдругъ ворота онаго распворились; изъ нихъ вышелъ пожилой, хорошо одѣтый мущина съ крестомъ Св. Лудовика; онъ встрѣшилъ своего гостя съ опмѣнною вѣжливостію, опличающею военныхъ людей прежней Французской службы.

Незнакомецъ, узнавъ по мундиру въ Арнольдѣ

Прусскаго Офицера, принявъ его ласково и повелъ въ замокъ. Онъ говорилъ довольно чистю по-Нѣмецки, и разсказаль своему госпю, что онъ уже издавна живешъ въ семъ уединенномъ замкѣ, чудеснымъ образомъ сохраненномъ оцъ ужасовъ революціи, и къ счастію забытый правишелями, пославленными оцъ Бонапарте: ибо онъ никогда бы не согласился служить никакому другому власнишелю Франціи, кромѣ Бурбона, и что въ молодыхъ лѣтахъ своихъ, подъ знаменами законнаго Короля, онъ сражался въ опдаленныхъ часяхъ Свѣша. Въ продолженіи сихъ разговоровъ, они вошли въ хорошо освѣщенную комнашу, гдѣ накрытъ былъ столъ съ разными прохладительными напишками. — „Мнѣ кажется, что какой-нибудь счастливый Геній возвѣспилъ вамъ о моемъ приходѣ!“ — весело сказалъ Арнольфъ. Но хозяинъ отвѣчалъ съ вздохомъ: „счастливый Геній! къ сожалѣнію, это слишкомъ много сказано; по крайней мѣрѣ, ни добрый Геній, ни простой смертный не говорилъ объ васъ. Я стоялъ у окна, заняшый другими наблюденіями, и увидя васъ, легко могъ принять васъ за путешественника, сбившагося съ дороги, копорому нужна помощь.“ Помощь принявъ оцпъ веселый видъ, онъ просилъ госпя подкрѣпить себя пищею. Между шѣмъ, какъ Арнольфъ бережно снявъ съ руки своей вѣнокъ, положилъ его на столъ, хозяинъ покачавъ головою, съ горестною улыбкою спросилъ его: „что вы думаете, почтенный мой госпъ, о той встрѣчѣ, при копорой получили

вы эшошь спранный подарокъ?“ Арнольфъ готовъ былъ ошвѣчать ему со вѣсьмъ пѣшпическимъ жаромъ, какой могли внушить ему неожиданный пріемъ, встрѣча съ прелестнымъ существомъ, разсыпающимъ цвѣты и мечты, занимавшія его въ то время; но въ черпахъ почтеннаго хозяина изображалась глубокая горестъ; Арнольфъ умѣрилъ свой восторгъ. Пошомъ, не много помолчавъ, съ почпипельнымъ видомъ сказалъ: „я увѣренъ, что существо, ошъ кшораго получилъ я эшошь вѣнокъ, не обыкновенный смершній; видъ ея напоминаетъ о чиспомъ свѣстѣ, кошорой проливасщъ на насъ луна. Если могу узнать болѣе, то удостойте меня своей довѣренности.“

„Вы все узнаете!“ — продолжалъ владѣтель замка послѣ минушнаго молчанія. — „Не одни шолько знаки опличія, украшающіе грудь вашу, наружность ваша еще болѣе внушаетъ къ вамъ довѣренность; я не скрою ничего ошъ честнаго и благороднаго чело-вѣка, зная, что излишняя скромность въ шакомъ случаѣ могла бы привесшъ васъ въ заблужденіе и подашъ поводъ къ спраннымъ догадкамъ.“

„Вы видите во мнѣ Полковника Годенберга. Я происхожу ошъ одной Нѣмецкой фамиліи въ Спрасбургѣ; предки мои давно уже переселились во Францію и служили вѣрно Бурбонамъ. Вы можете вообразить, сколько горестей и мучительныхъ безпокойствъ перенесъ я въ революцію. Въ молодыхъ лѣтахъ моихъ, до извѣснаго вамъ гибельнаго шоржесшва неистовыхъ изверговъ, я скоро шель по

степенямъ на военномъ поприщѣ, сражаясь въ отдаленныхъ странахъ за честь Франціи. Но когда съ ужасомъ увидѣлъ я невозможность защищить Домъ Бурбоновъ, тогда оружіе выпало изъ рукъ моихъ. Я хотѣлъ скрыться въ глуши лѣсовъ, купилъ эшопъ замокъ у одного эмигранта, котораго чрезъ то получилъ способъ съ своимъ семействомъ найсти пріюстъ въ чужой землѣ.“

„Скоро любовь усладила дни мои счастливымъ супружествомъ. Увы! судьба не надолго позволила мнѣ наслаждаться симъ счастьемъ. Двадцать три года тому назадъ, какъ я лишился милой супруги, оставившей мнѣ единственную дочь, несчастную Адель, которую вы сего дня видѣли. Съ тѣхъ поръ она была единственнымъ предметомъ моихъ заботъ; я употребилъ всѣ старанія, чтобы доставить ей хорошее воспитаніе и скоро надѣялся уже соединить руку ея съ рукою храбраго воина, который съ честью, даже могу сказать, со славою оставилъ тогда службу, въ намѣреніи заняться поправленіемъ доставшагося ему по наслѣдству имѣнія недалеко отъ сего замка. Ансельмъ также происходилъ отъ благородной Германской фамиліи, и бывъ природный Французъ, подобно мнѣ любилъ войну, и моя Адель отъ вѣчала его пылкой любви нѣжною склонностію. Онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ почитателей Наполеона, и я не охуждалъ за то храбраго молодого человека, который не разъ пожиналъ лавры, сражаясь подъ его знаменами! при всемъ томъ, онъ всегда

показывалъ уваженіе къ моимъ правиламъ, хотя оцѣ и, несогласны были съ его образомъ мыслей. Я надѣялся провести счастливо старость свою вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ, и спокойно умереть въ ихъ объятіяхъ. При шомъ, мы Французы, думали тогда, что сколько бы грозные валы всеобщаго ополченія ни свирѣпствовали противъ силъ Наполеона, никогда уже не достигнутъ предѣловъ нашихъ: — какъ жестоко мы обманулися! какой Римской урокъ для честолюбцевъ, упоенныхъ блестящими успѣхами!

Полковникъ въ сильномъ негодованіи на Французскія войска, копорья будучи до полѣ непобѣдимыми, дали себя разбить и разсѣять, нѣсколько минушь хранилъ молчаніе, и тогда шолько пришелъ въ себя, когда почувствовалъ, что сіе поражение ускорило паденіе ненавистнаго ему Наполеона и возвратило прежній блескъ, шоль любезнымъ для него Лиліамъ. Послѣ минушной, но сильной внутренней борьбы, повѣствовала ояшь привѣшливо взглянулъ на своего чужеземнаго гостя и продолжалъ свою повѣсть слѣдующимъ образомъ:

„Когда дошло до насъ первое достоверное извѣстіе объ истребленіи большой нашей Арміи въ холодныхъ степяхъ Россіи; тогда благородный воинственный духъ пробудился въ нашемъ Ансельмѣ, и неисповая приверженность къ Бонапарте разорвала, наконецъ, всѣ сладостныя цѣпи любви и вѣрности къ невѣстѣ; правду сказать, бѣдная Адель сама была шому причиною. Получивъ ошъ родителей сво-

ихъ душу пылкую, еще болѣе распаленную опшважносшію своего любимца, она сама разорвала пріятныя оковы, въ кошорыхъ до шѣхъ поръ держала она неукрошимый духъ его. Съ насшупленіемъ весны, Ансельмъ опсправился въ Армію Бонапарше. Адель проводила его до самаго шого мѣсша, гдѣ вы сегодня ее увидѣли, и бросила въ слѣдъ ему вѣнокъ, сказавъ шочно шакъ, какъ вамъ: „просши, будь счасшлливъ!“ — Эшо обыкновенныя слова ея, кошорыми привѣщешвуешъ она каждаго прохожаго въ военномъ мундирѣ, съ шого времени, какъ объ Ансельмѣ нѣшъ никакого извѣспія. Послѣднее письмо опъ него получили мы незадолго до сраженія при Лейпцигѣ. Нѣшъ сомнѣнія, что сей опшважный молодой человекъ принадлежишъ къ бесчисленному множешву жершвъ шого жаркаго дня, падшихъ за Наполеона; шакже надобно признашъся, за чешъ Французскаго оружія; ибо, скажу смѣло, что всѣ Державы Европы, возспавшія прошивъ Франціи, не могушъ похвалишъся, что побѣда надъ Французами спощшъ имъ дешево!“

Глаза спарца пылали. Однако же вскорѣ взоръ его смягчился горешшною слезою, и онъ опусшвивъ голову, шихимъ голосомъ примолвилъ: „Что до моей бѣдной Адели, умъ ея помрачился съ шой ужасной разлуки, кошорую въ другомъ случаѣ, можешъ бышъ, она перенесла бы съ швердосшію. Всякой разъ, когда она бросаешъ вѣнокъ, увидѣвъ военнаго человека, кажешся ей, что она шеперь шолько разспалась съ Ансельмомъ. Горешшная мысль сія чуднымъ образомъ ее успоко-

иваешь. Въ эту минушу она забываешь недѣли и мѣсяцы, проведенные въ щещномъ ожиданіи писемъ отъ Ансельма. Она увѣряешь себя, что въ такое короткое время не лзя еще получишь объ немъ извѣстія. Я надѣюсь, что она сего дня будетъ съ нами за ужиномъ, хотя въ грустномъ расположеніи, какъ обыкновенно бываетъ съ нею со времени отъѣзда Ансельмова, но безъ всякихъ сильныхъ припадковъ.“ —

Невольное движеніе Арнольфа, которой что-то хотѣлъ сказать, но вдругъ ошановился, заставило Полковника спросишь его съ нѣкоторою чувствительностью: „Если видѣ сумасшедшихъ васъ слишкомъ пугаешь, то я не посмѣю предшавишь вамъ моей дочери! Не могу сказать, чтобъ несчастная Адель въ самомъ дѣлѣ была въ такомъ состояніи; сильные припадки случаются съ нею только послѣ первой подобной встрѣчи и скоро проходяшь; впрочемъ, вы найдете въ ней дѣвицу скромную и благовоспитанную; скажете опкровенно! Сохрани Богъ, чтобъ я сдѣлалъ хотя малѣйшее неудовольствіе моему почтенному госпю. Мы можемъ одни опужинашь въ этой комнашѣ.“ —

Огорченный Арнольфъ перервалъ съ живостию, возможно ли, Г. Полковникъ, чтобы лице мое было такимъ дурнымъ зеркаломъ души: вы принимаете за равнодушіе, и даже за опшращеніе, искреннее участіе мое въ бѣдной больной, и самую надежду содѣйствовать совѣсами своими ея выздоровленію. Вы

видите во мнѣ воина, который умѣя наносить раны, способенъ и исцѣлять ихъ; однимъ словомъ, я полковой врачъ. Нѣсколько достоверныхъ свидѣтельствъ, опчасши данныхъ мнѣ Парижскими Медиками, удостоившими меня своей дружбы и уваженія, можетъ быть, внушатъ вамъ довѣренность, необходимую въ этомъ важномъ и щекотливомъ случаѣ.“ —

Полковникъ молчалъ; пошомъ крѣпко сжалъ онъ руку Арнольфа, подобно человѣку, который, скользя на краю пропасти, схватываетъ руку, нечаянно простершую для его спасенія.

Въ эту минушу они позваны были къ столу. Полковникъ повелъ своего гостя въ столовую, всееще не выпуская руки его.

Они вошли въ небольшую круглую залу, находящуюся въ одной изъ башенъ замка.

На кругломъ столѣ стояла прекрасная хрустальная ваза съ цвѣтами; за ними у окна сидѣла Адель, погруженная въ шихую задумчивость. Ея прекрасные каштановые волосы рассыпались по лилейному лицу; она вспала и открыла прелестный спройный спанъ свой. Полковникъ предспавилъ ей нежданого, но любезного гостя; она привѣщспвовала его съ неизьясною пріятностью; Арнольфъ сполько очарованъ былъ ея обхожденіемъ и красошю, что не зналъ, вѣрнш ли всему шому, о чемъ рассказывалъ ему отецъ ея. Но сомнѣніе скоро исчезло, когда Адель замѣшивъ неисправность прислуги, обратилась къ незнакомцу съ слѣдующими словами:

„Вы извините насъ, что мы сегодня шакъ худо васъ приняли: завтра и послѣ завтра, надѣюсь, вы будете довольнѣе нашимъ угощеніемъ. Не прошло еще двухъ часовъ, какъ мы разстались съ другомъ нашего дома, который поведешъ къ новымъ побѣдамъ полки Французскихъ Героевъ, гонимые холодомъ и пожарами. Вы удивляешесь? извините меня! . . . По муидиру вашему мнѣ должно было знать, что вы Прусской пльиникъ! И конечно, продолжала она съ ласковымъ видомъ, побѣда надъ шакимъ храбрымъ воиномъ доспавишъ новый блескъ Французскому оружію. Ваши креспы и вашъ видъ за шо ручающся. Будьте увѣрены, государь мой, что вы ничего не услышите здѣсь оскорбительнаго на счепъ невыгоднаго положенія вашей Арміи, исключая развѣ семейшвенную радость нашу при возвратѣ побѣдоноснаго нашего друга; но ахъ, намъ еще долго ждашь его!“ . . . .

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди ея; она медленно вспала изъ за сполы, подошла къ клави-кордамъ — и сдѣлавъ нѣсколько спиранныхъ аккордовъ, пропѣла шрогашельную арію, изображающую горесшь разлуки.

Она умолкла. Казалось, душа ея гошова была излишья въ слезахъ; но, примѣшивъ беспокойство ошца, она съ швердосшію сказала: „Ничего, папилька! эшо мой переводъ изъ пѣсней Трубадуровъ, кошорый написала я недавно, когда . . . .“

Она не могла продолжашь, съ робосшію удалилась опть клавикордъ, и нѣсколько минушь погружена была въ мрачную думу. Пошомъ вдругъ перемѣнилась; лице ея покрывалось шо живымъ румянцемъ, шо смершною блѣдносшью. Она продолжала:

„Да, недавно, можешь бышь, за шесшь, — за семь, — за пяшь, — за восемь, — за шри, — за десяшь лѣшь.“

Между шѣмъ, она перебирала по прекраснымъ пальцамъ своимъ, подобно дѣшямъ, кошорые спараются найши опашь пошерянный счешь.

Полковникъ закрыль лице обѣими руками. Адель снова пришла въ себя, спала веселѣе и начала шушишь надъ собою:

„Какія грезы иногда приходяшь мнѣ въ голову! Чшо пользы въ кабалистическихъ числахъ, досшавшихся намъ опть среднихъ вѣковъ?“

Пошомъ примѣшнымъ образомъ она спаралась завести обыкновенный разговоръ.

Арнольфъ воспользовавшись минушою, когда она занималась болѣе своими мечшами, шихо сказалъ Полковнику: „эша принужденность для нее всего опаснѣе. Не лучше ли привести ее опашь въ прежнее расположеіе?“

Полковникъ съ сердечною горестію посмошрѣль на блѣдное лице дочери, и далъ знакъ врачу, дѣлашь, чшо ему угодно.

Арнольфъ сѣлъ за клавикорды, и сдѣлавъ нѣсколько печальныхъ аккордовъ пзъ прежней мелодіи, при-

влекъ вниманіе Адели. „Пѣсни Трубадуровъ, сказали онъ обращаясь къ ней, имѣютъ необыкновенную прелесть. Онѣ дышатъ нѣгою, и припомъ столько въ нихъ огня. Я также перевелъ одну изъ нихъ. Не угодно ли послушать, сударыня?“

Адель поблагодарила его и подошла къ клавикордамъ.

Арнольфъ хотѣлъ заключить арію веселымъ финаломъ; но Адель съ чувствомъ сказала ему: „Ахъ! для чего такъ скоро переносишься изъ счастливой области фантазіи въ существенный міръ бѣдствій? Повтори еще свою мелодію, и позвольте мнѣ пропѣть!“

Арнольфъ повиновался. Адель сильно была разстрогана. Окончивъ арію, она не могла долѣе удерживать слезъ своихъ, которыя пошекли ручьями изъ прекрасныхъ глазъ ея. Душа ея примѣшно облегчилась. Но какъ скоро взоры ея устремлялись на родителя, то видъ ея опять измѣнился. Она старалась успокоиться, и съ нѣкопорымъ принужденіемъ сказала: „Въ самомъ дѣлѣ прекрасныя варіаціи! Не могу только вспомнить, Моцартовъ ли онѣ, или Гайденовы. Нѣтъ, теперь я вспомнила; эта музыка Херубини, да, Херубини! — Ахъ! я чувствую усталость, говорю почти сквозь сонъ; добрая ночь, папичка! — простите, сударь!“

При сихъ словахъ она удалилась.

Отецъ горестно взглянулъ на врача; послѣдній увѣрялъ его, что не надобно терять надежды.

„Я надѣюсь, говорилъ онъ, возвратишь симъ разсироеннымъ звукамъ прежнее ихъ согласіе. Одно шолько условіе: истина! Не надобно долѣе остав- ляшь больную въ заблужденіи, будто женихъ ея не давно съ нею разсирался. Очень опасно шакже зашавляшь ее принуждашь себя и скривашь свою горесшь. Вы сами видѣли, какъ полезно для нее свободное измѣніе чувствъ, и какъ рассу- докъ ея опяшь начиналъ приходишь въ разсирой- ство, какъ скоро она спаралась скрившь опъ вась свою печаль. Я увѣренъ, что вы имѣете до- вольно швердосши съ учасшіемъ выслушивашь ши- хія жалобы вашей Адели, и шогда, ручаюсь вамъ, она возвратишь рассудокъ, къ общей нашей ра- досши!“

Полковникъ Годесбергъ, исполненный надежды и довшренности, бросился въ объащія своего госши.— Они сдѣлали планъ, какимъ образомъ обходирься съ больною. Разумѣется, что пребываніе Арнольфа въ зѣмкъ должно было продолжирься, пока будетъ ей лучше. Домашнія обстоятельсшва его не шребовали скорого его возврата, да и сладосшныя узы сердеч- наго учасшія слишкомъ привязывали его къ пре- красной сшрадалищъ. Прошли недѣли и мѣсяцы: Арнольфъ все-еще жилъ въ зѣмкъ. Чшо онъ шогда чувсшвовалъ, чшашели увидашь изъ слѣдующихъ опрывковъ писемъ его къ другу.

— „Ты спрашиваешь меня, долго ли я пробуду въ зѣмкъ? — Можно сказашь, что никто не знаешь

о помъ менѣ меня; ибо въ такихъ болѣзняхъ врачъ никогда не можешь опредѣлить времени, скоро ли выздоровѣешь его больнои. Знаю шолько, что если жизнь моя не прекрашится, если землетрясеніе, пошопъ, или что-нибудь подобное не возстанеть прошивъ меня: то ничто не извлечеть меня отсюда, пока умъ Адели не прояснится, и пока она не получишь прежней своей веселости.“

„Однажды, когда спояла она у окна, мой вѣрный Сейбольдъ, кошораго вызвалъ я изъ ближняго городка, въѣхалъ на дворъ замка. Я уже прежде писалъ тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ мною въ деньщики, никакъ не можешь онъ разстаться съ своею пикою. Въ свое время онъ славно употреблялъ это оружіе, и не хочешь оставять его, подражая Козакамъ, никогда неразлучающимся съ своею пикою.

„Въ семь-шо вооруженіи явился онъ передъ нами. Адель съ удивленіемъ спросила отца своего: „Неуже ли въ рыцарскія времена оруженосцы носили копьа? Мнѣ кажешся, что одни шолько Рыцари имѣли это право. Полковникъ съ беспокойствомъ взглянулъ на меня; ему казалось, что припадки больнои опять усилились.

„Я шивѣчалъ ей, что видѣнный ею, не естъ оруженосецъ изъ древнихъ Рыцарскихъ временъ, но Прусской рашникъ и мой деньщикъ. — „Я хвалю древній обычай, позволяшь плѣннымъ Офицерамъ носить оружіе: онъ показывается какою-шо благородную довѣренность. Но слыхано ли когда, чтобы

просному рядовому солдапу, пѣвцу, позволялось развѣзжашь въ полномъ вооруженіи? — Хорошо, что здѣсь ишь одного изъ нашихъ друзей; а шо онъ принялъ бы это за важное нарушение военной дисциплины. Бышь можешь, скоро мы опляшь его увидимъ — и тогда я покорнѣйше вась попрошу запрешить вашему деньщику“ — она не могла продолжашь, и вдругъ перемѣнивъ тонъ, съ замѣшательствомъ примолвила: просише мнѣ, что я нарушаю право госнепримства. Побѣдителямъ приличнѣе бышь великодушными. Но, если, ... о чемъ и думашь нельзя — если счастье измѣнишь храбрымъ Французамъ, своимъ любимцамъ: счастье перемѣнчиво!, — Она умолкла, какъ будто поражена была сею неожиданною мыслию; отецъ ея давалъ мнѣ знакъ, чтобъ и я прекратилъ разговоръ.

„Но счастливая минуша пробужденія разсудка Адели была шакъ близка; не надобно было пропускать ее.

„Ахъ! могъ ли бы я иначе снести, чтобъ эшопъ небесный взоръ помрачился скорбію? — Тутьъ сказалъ я тихимъ и швердымъ голосомъ:“ Сударыня, мы не пѣвцы, и ни одинъ изъ соотечественниковъ моихъ, находящихся теперь во Франціи, не спушилъ на землю ся обезоруженный.

Она обратила взоры къ небу, и тихо произнесла: „Боже мой! Прусаки во Франціи? — Не уже ли все это было мечта?“ Пошомъ она всшала и удалилась въ свою комнату.

„Полковникъ разспался со мною въ сильномъ движеніи, но съ полною ко мнѣ довѣренностью. Если я не обманываюсь, то спрададица счастливо выдержала самый сильный переломъ.

„Такъ, она мало по-малу начинаешъ пробуждаешся опъ шяжкаго сна и съ каждыиъ днемъ спановишся привлекашельнѣе. Правда, глаза ея еще не осушающся опъ слезъ о любимцѣ сердца ея, можешъ бышъ, давно уже покоющемся въ могилѣ на поляхъ Лейпцигскихъ; но она не была бы Адель, еслибъ не имѣла для него слезъ; не была бы, о другъ мой! узнай мою тайну, Геніемъ-хранителемъ моей жизни, моею любовію, когда бы менѣе грустила о ранней ушрашъ перваго предмета любви своей.“

„Сего дня спояли мы на шомъ самомъ мѣспѣ, гдѣ она въ первый разъ явилась мнѣ въ очаровашельномъ видѣ. Она была очень весела и шушила со мною: вдругъ увидѣвъ вдали скачущую серну, по обыкновенной привычкѣ сдѣлала ей знакъ рукою, и сказала въ слѣдъ ей: „прости!“

„Пошомъ обращаешъ ко мнѣ, примолвила съ чувствомъ: „Не почишайте меня слишкомъ безумною. Я знаю, что это серна! и онъ былъ шакже . . . Увы! онъ спишъ въ долинѣ, кошорая гораздо глубже, нежели эша. Я не увижу его болѣе: шамъ, на дальнихъ Лейпцигскихъ равнинахъ много лежашъ храбрыхъ!“ — Она горько начала плакашъ; однако жъ подала мнѣ руку, когда мы пошли домой. —

„Вы самый добрый лъкаръ!“ — сказала она мнѣ, когда мы возвращались въ замокъ; — вы употребляете самое лучшее средство. слезы искренняго участія!“ — Другъ мой! она говорила правду: глаза мои наполнены были слезами; я не могу удержатъ ихъ, когда плачешь Адель.“

„Безцѣнный другъ! я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, что еще буду счастливъ, сколько позволено человѣку быть счастливымъ въ этой жизни.“

„Ты знаешь, что для такихъ надеждъ я не имѣлъ довольно твердости, или слабости: назови это, какъ хочешь; но теперь совсѣмъ иное. Крошкая душа Адели, шѣснѣе и шѣснѣе соединяется съ моею, по мѣрѣ возвращенія ея разсудка, и другъ швой, упоенный надеждою, живетъ для счастья. —“

„Правда, она не осушила еще слезъ своихъ по убишомъ въ сраженіи; но ты знаешь, какъ мила для меня эта горечь. Еще успѣла ея не произнесли признанія, но я прочелъ его въ ея взорахъ; что можешь быть восхищеннѣе для сердца, способнаго живо чувствовать? Скажу тебѣ, что и взоры почтеннаго ея родителя часто покоятся на насъ съ любовью. Общее согласіе, взаимная довѣренность: все общаетъ счастливую будущность! — Ты улыбаешься! называешь меня мечтателемъ? — нѣтъ, мой другъ! сомнѣніе исчезло; съ дѣтскою радостью смотрю я на первыя бѣлыя страницы записной моей книжки, и въ сладкой увѣренности говорю: завтра, или послѣ завтра, онъ наполняется описаніемъ моего счастья. — До того времени я не при-

мусь за перо: — пригопovsky жь, другъ мой, заранѣе раздѣлишь со мною радость, когда получишь это описаніе!“ —

Ахъ! предчувствіе обмануло бѣднаго Арнольфа; листокъ записной книжки осмался пусть, опъ шого, что Арнольфъ слишкомъ много обѣщаль себѣ и своему другу! — Такова участь всѣхъ смѣлыхъ надеждъ въ этой жизни!

Пребываніе Арнольфа въ горномъ замкѣ со времени послѣдняго письма его къ другу, продолжилось до слѣдующей весны. Въ одинъ прекрасный день, это было въ Маршѣ, Адель по старой привычкѣ вышла на террасъ, откуда кидала вѣнки на проходящихъ. Въ этотъ день она ожидала возвращенія Арнольфа, который вмѣстѣ съ опцемъ ея вышелъ на охоту, чшбы освободить окрестности замка опъ появившагося незадолго предъ шѣмъ опаснаго хищнаго звѣря. Адель ни мало не беспокоилась на счетъ удачи охотниковъ: она знала опытность и смѣлость обоихъ. Она украсила споящій на террасѣ яворъ цвѣтами изъ оранжерей, шакъ почно, какъ въ первый разъ видѣлъ его Арнольфъ. Озаренная послѣдними лучами вечерняго солнца Адель, стоя посреди искусственнаго цвѣтника, прислушивалась къ каждому шуму съ шой стороны, откуда надлежало возвращаишь охотникамъ. Въ рукахъ ея были два прекраснѣйшихъ вѣнка, которые она изъ за кусповъ хотѣла бросить на возвращающихся съ веселымъ привѣствіемъ.

Вдругъ послышался въ долинь конскій топотъ. Сердце ея затрепетало; ей казалось, что судьба ее готовишь къ чему-шо новому, хотя она и ничего не могла ожидать, кромѣ признанія Арнольфа. Но последнее она давно уже прочла въ глазахъ его; невольное раздумье овладѣло ея душою. — Конскій топотъ раздавался ближе и ближе. Она слышала уже веселыя пѣсни. — „Онъ вѣрно поскакалъ впередъ, подумала она; всадникъ поворошилъ уже къ замку! Такъ, это онъ, точно онъ!“ и бросила вѣнокъ, произнеся сладостное привѣщанье.

Громкія, радостныя восклицанія были ошвѣтомъ, и, какъ ей показалось, на опечеспившемъ языкѣ ея. Она не вѣрила самой себѣ; ибо Арнольфъ никогда не говорилъ съ нею по-Французски. Она слышала, съ какимъ гнѣвомъ всадникъ умирялъ коня, чшобы подняти вѣнокъ; это не сходно съ характеромъ добраго Арнольфа. — Вошь раздался опять топотъ, и еще съ большею быспрошою.

„Что съ нимъ сдѣлалось? Не случилось ли съ нимъ какого-нибудь несчастія; нѣтъ, это невозможно! къ чему эти веселыя пѣсни? — Вдругъ невольный ужасъ овладѣлъ ею. Она вспомнила одно древнее преданіе, какъ мершвецъ прискакалъ за своею любезною, и бѣдная Адель едва не подверглась прежнимъ припадкамъ сумасшесствія.

Вдругъ изъ лѣса показался молодой випязь; это не Арнольфъ. На блестящей каскѣ его развѣвался лошадиный хвостъ; на плечахъ небрежно накинушь

бѣлый плащъ; пылающіе взоры его съ дикимъ восторгомъ усшремлены были на дѣвицу; вѣнокъ Адели висѣлъ на шяжеломъ палащѣ незнакомца.

Незнакомца? нѣтъ! онъ слишкомъ былъ знакомъ Адели. „Ансельмъ!“ вскричала она пронзительнымъ голосомъ, и лишилаеь чувствъ. Вищязъ бережно положилъ ее на дерновую скамью, проклиная свою поспѣшность, и въ шужь минушу началъ звать людей изъ замка на помощь съ такимъ громкимъ крикомъ, что Адель невольно вострепенулась, когда служители уже окружили ее, одни съ ружьями и саблями, а другіе съ спиршами.

Не прошло получаса, какъ Полковникъ Годесбергъ съ Арнольфомъ возвратились съ охоты, убивъ спрашнаго волка. Они шушили другъ надъ другомъ, и каждый себѣ приписывалъ побѣду; Полковникъ прежде выстрѣлилъ, и раненый волкъ съ бѣшенствомъ кинулся на Арнольфа, который довершилъ побѣду охотничьимъ ножомъ.

„Чтобы рѣшишь нашъ споръ, говорилъ Годесбергъ, надобно знашь, кто былъ собственно побѣдитель Помпея: Цесарь ли, разбившій его въ Фарсальскомъ сраженіи, или шотъ, кто поразилъ его безоружнаго во время бѣгства, когда онъ вышелъ на берегъ Александри?“ — Но онъ скоро примѣшилъ, что это сравненіе было вовсе не къ спашу, и пожавъ руку Арнольфа, примолвилъ: мы возьмемъ лучше другой примѣръ изъ новой Исторіи, примѣръ какого-нибудь грознаго воителя, побѣжденнаго соединенными си-

дами непріятелей!“ — Но эпошь примѣръ былъ очень опъ него близко, и чувствво оскорбленной народной гордости снова заставило его умолкнуть.

Однако Полковникъ въ эпошь вечеръ непременно хощѣлъ быть веселъ, и съ усмѣшкою сказала своему товарищу: „Пусть рѣшишь Адель, кому изъ насъ принадлежишь честь побѣды.“

„Хотѣшо, отвѣчалъ Арнольдъ, я согласенъ.“

— Не правда ли, подхватилъ Полковникъ, вы охотно эшо принимаете?“ прибавивъ пѣсколько важнымъ тономъ: „Въ самомъ дѣлѣ, я сдѣлалъ большой промахъ: женщины удивляются болѣе тому, чего сами произвеств не въ состояніи. Выстрѣлишь издали въ волка, имъ кажешся бездѣлкою! Онѣ думаютъ, что эшо шакже легко, какъ ранишь сердце милыми взглядами, хощя и ошибающся. Но кинущся на звѣря, сидя на рьяномъ конѣ, и поразишь его блестящимъ оружіемъ, для эшого онѣ и слишкомъ слабы, и жалосп-ливы. Я напередъ угадываю, что васъ признають побѣдшелемъ.“

Охотники наши пріѣхали въ замокъ уже въ сумерки. Арнольдъ конечно воспользовался бы симъ случаемъ, чтобы узнать опъ опца и болѣе на счетъ расположенія къ нему Адели, но незнакомый Офицеръ, скорыми шагами ходившій взадъ и впередъ передъ домомъ, привлекъ ихъ вниманіе. Полковникъ принялъ его за одного изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ, кошорый пріѣхалъ посѣшнить его, и будучи въ веселомъ расположеніи, вскричалъ: „qui vive?“ —

„Vive l'Empereur!“ дерзко отшвѣчала незнакомецъ, и спокойно пошелъ въ домъ съ видомъ спранный небрежности, которую многіе тогдашніе Французскіе Офицеры переняли у Наполеона.

„Чудный гость!“ сказала Полковникъ Годесбергъ съ нѣкошорою досадою, и шощася соскочивъ съ лошади, пошелъ съ Арнольфомъ въ слѣдъ за непонятымъ посѣшителемъ; но сей послѣдній прямо направилъ шаги свои въ гостиную, и съ шумомъ захлопнулъ за собою двери. Полковникъ разсердился не на шутку. Онъ искалъ глазами кого-нибудь изъ служителей, желая узнать развязку сей чудной встрѣчи. Ему попадаешя служанка Адели, кошорая поспѣшно сбѣжавъ съ лѣшницы, подаешъ ему записку, и говоришь, что барышня не здорова, что она просишь его прежде всего прочешъ эту записку, и что она до шѣхъ поръ желаетъ бышь одна.“ Удивленный отецъ поспѣшилъ съ Лѣкаремъ въ свой кабинетъ, пробѣжалъ глазами письмо, перечисалъ его снова, и въ сильномъ волненіи едва могъ произнестъ, подавая письмо своему другу: „прочишите, прочишите мнѣ, я не вѣрю глазамъ своимъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ, что я долженъ сдѣлать для моей дочери? Я говорю это для того, что вы ея врачъ. Ахъ! нѣтъ, вы избавишель моей Адели!“ —

Арнольфъ читалъ слѣдующее:

„Родишель мой!“

„Ансельмъ живъ! онъ здѣсь! — не думайте, читая это письмо, что снова возвратилось печальное со-

спояніе души моей, ошь кошораго — но нѣшь! объ эпомъ послѣ. Спракныя мечшы мои сбылись, я видѣла его на яву! — Въ самомъ дѣлѣ Ансельмъ былъ смершельно раненъ и безъ чувствъ лежалъ на Лейпцигскихъ поляхъ, но во время ночи, въ самую ужасную полночь, когда мершвые возспають изъ гробовъ, когда умолкають и шумъ военный, и крики побѣдишелей, и споны пораженныхъ, — эшо не сонъ говорю вамъ, эшо собшвенныя слова Ансельма, — въ самую полночь онь пробудился, но онь не былъ привидѣніе. Онь не привидѣніе, увѣряю васъ; не сказала ли я вамъ уже, чшо онь живъ! шакъ, онь со мною! прошу васъ бышь къ нему снисходительнымъ. Война, разныя несчастія, имъ преперѣнныя, и безпокойство, чшобы безумная радость моя при его возвращѣ не споила мнѣ жизни, — все эшо сдѣлало его нѣсколько дикимъ. Съ сего дня въ семействѣ нашемъ должно многое перемѣнишья, очень многое. Не правда ли, родишель мой? — Богу и вамъ поручаю свою судьбу, вы все устроите къ лучшему. Мой Лѣкаръ — но нѣшь, я шеперь совсѣмъ здорова. Впрочемъ, здѣсь совѣшь врача не нужень.“

За симъ слѣдовали двѣ или при спроки вычеркнутыя, кошорыхъ Полковникъ не могъ разобрать, и просилъ о шомъ друга; но послѣдній, удерживая вздохъ, сказала: „Она не хощѣла, чшобы кто-нибудь могъ чшашать эши спроки, хощѣла скрышь ихъ даже ошь своего родишеля! осмѣлюсь ли я проникать въ ея шайну? — Довольно для насъ видѣшь подпись

любезнаго имени Адели. Чшо до меня, я не увижу болѣ сего небеснаго существа; утренняя заря застанеть меня уже на пуши къ опдаленному Сѣверу, къ моей родинѣ.“ —

Разпроганный отецъ схватилъ крѣпко руку юнаго своего друга, какъ бы желая удержашь его. Но Арнольфъ съ бѣльшю рѣшимостью прибавилъ :

„Не шущя, Г. Полковникъ, Адель никогда не должна уже встрѣчашься въ этой жизни съ своимъ врачомъ; эшо могло бы возбудишь въ ней опасенія, чшо она еще не совсѣмъ изцѣлилась. Будьте счастливы, почтенный мой хозяинъ; да наградишь васъ Богъ за все шо, чшо пребываніе у васъ сдѣлало для меня шолько пріятнымъ!“

Полковникъ принялъ своего гостя въ распростершыя объашія, и они долго держали другъ друга съ чувствами искренняго сожалѣнія о предстоящей разлукѣ.

Наконецъ, Годесбергъ, освободивъ друга своего изъ объашій, шихо произнесъ: „И такъ, шы съ нами уже расстаешься?“ — Арнольфъ почтительно отвѣчалъ: „Прощайше, Г. Полковникъ, но прежде всего прошу васъ познакомить меня съ будущимъ вашимъ зашемъ.“

„Въ самомъ дѣлѣ!“ сказалъ Полковникъ съ нѣкоторою важностію, „спранно, чшо я не вспомнилъ самъ, какъ необходимо эшо приличіе.“ — Онъ позволилъ, и вошедшему слугѣ велѣлъ попросить къ себѣ новопріѣзжаго. —

Скоро явился Ансельмъ; онъ учтиво поклонился хозяину, но не смотря на сію учтивость, видъ его показывалъ какую-то небрежность и высокомеріе.

Полковникъ, посадивъ его подлѣ себя на софѣ, сказалъ: „Ты очень перемѣнился, Ансельмъ, со времени нашей разлуки.“

Ансельмъ отвѣчалъ горькою улыбкою и прибавилъ съ колкостью: „Если шакъ много случилось перемѣнъ въ нашемъ опечесствѣ, то простиительно перемѣнишься воину, оставившему родину съ пышными надеждами! — Мы не побѣдили! — Эшопъ господинъ, въ спаро-Нѣмецкомъ мундирѣ, служишь убѣдительнымъ тому доказательствомъ.“ —

Онъ замолчалъ. Арнольфъ вскочилъ съ своего мѣста; но Полковникъ сложивъ ихъ руки, убѣдительнымъ голосомъ произнесъ: „не забудьте, что шеперь миръ между Франціею и Германіею.“

„*Somme il vous plaiga!*“ — отвѣчалъ Ансельмъ съ громкимъ смѣхомъ. Однако жъ сдѣлавъ учтивый поклонъ и примолвилъ съ видомъ откровенности, схвативъ руку Арнольфа, которую прежде сей поспѣшно опшдернулъ: „Въ самомъ дѣлѣ, Докшоръ, я не шакоевъ, какимъ кажусь въ своей неучливой опрометчивости! безъ шушокъ, Г. Докшоръ, прошу не сердиться на мои военные приемы.“

Арнольфъ, нечувствительнымъ образомъ освободя свою руку изъ рукъ пылкаго незнакомца, отвѣчалъ спокойно: „Я еще не Докшоръ Медицины, а полко-

вой Лъкаръ; но въ войскѣ, гдѣ я имѣю честь служить, это званіе соединено съ чиномъ Капитана.“

„У насъ всѣ эти Господа слывуть Докторами,“ вскричалъ Ансельмъ съ насмѣшкою.,,

„Знаю, съ твердосію возразилъ Нѣмецъ, и для того спою за свое право. Если хошите величать меня, то называйте Капитаномъ. Мнѣ помнишь, что и васъ здѣсь называли Капитаномъ. Подобный подобнаго ищеть, *Monsieur le Capitaine!*“

„Вы предупреждаете мой искренній желанія!“ сказалъ пыкій Французъ и направилъ шаги свои къ дверямъ, приглашая учтивою уклонкою слѣдовать за собою своего пропивника. —

Арнольфъ гошовъ уже былъ за нимъ ишши, но Полковникъ съ важностью сказалъ: извинише, господа, вы дали мнѣ слово примиришься. Ансельмъ, безъ попеченій сего чловѣка вы нашли бы дочь мою въ домъ Сумасшедшихъ.“

Молодой Французъ подхвасилъ съ досадою: „воинственный Докторъ, безъ сомнѣнія, воспользовался тайными симпатическими средствами для излѣченія своей больной, не правда ли?“

Годесбергъ перервалъ его съ гнѣвомъ: „Государь мой, не забудише, что вы говорише о моей дочери и вашей невѣстѣ!“ При сихъ словахъ, молодой чловѣкъ смягчился и съ пихою покорностью примолвилъ: „Ахъ! могу ли я называшъ Адель мою невѣспою? Просише жъ мою горячность!“ — Онъ гошовъ былъ на колыняхъ просить прощенія у Полковника, но сей

съ вѣжностію заключилъ его въ свои объятія: „Ну вошь, шеперь ты опяшь спаль добрый рѣбенокъ, котораго я прежде носилъ на рукахъ. О! не испребляй эшого пріятнаго воспоминанія въ сердцѣ моемъ и Адели, и повѣрь мнѣ, другъ мой, что шогда мы все будемъ счастливы!“ —

Ансельмъ, выравниевъ изъ объятій Полковника, обрашцился къ Арнольфу и сказалъ съ живосшію: „Вы были моимъ благодѣтелемъ, Ангеломъ-хранишителемъ, и я могъ оскорбить васъ! Просшите разспроенности моихъ мыслей. Надѣюсь, что будущія опношенія наши“ . . . . .

Но Арнольфъ прервалъ съ важностію: „позвольте сказать вамъ, что о будущихъ опношеніяхъ нашихъ говорить нечего. Завтра еще до разсвѣта я намѣренъ опправиться въ пущь въ опдаленный Сѣверъ, чшобы увидѣшь опяшь свое опечештво; но до опъзда моего позвольте съ вами распрощаться. Г. Капишанъ! не хопните ли сдѣлать мнѣ какихъ-нибудь порученій? Я охотно ихъ исполню.“

„О, повѣрьте, что я умѣю быть признашельнымъ!“ сказалъ Ансельмъ, крѣпко сжавъ руку Арнольфа, „счастливый пущь, Г. Докпоръ, счастливый пущь, Г. Капишанъ, хотѣлъ я сказать: эшо названіе вамъ больше нравится, и вы имѣете прекрасное на него право. Мое уваженіе и признашельность никогда къ вамъ не охладѣють!“

Последнія слова произнесены были такимъ шопомъ, который показывалъ обыкновенную Французскую вѣжливосшь. Арнольфъ чувствовалъ эшо и шопому учредилъ съ нимъ свое поведеніе. Крѣпко сжавшия руки

ихъ нечувствительно распались, подобно увядшему плющу, падающему съ вѣтхаго забора.

За то, прощаніе Годесберга съ Арнольфомъ было гораздо искреннѣе. Они крѣпко жали другъ друга въ объятіяхъ и безмолвно распались. —

Еще день не показывался изъ за шуманныхъ горъ Вогезскихъ; только шьма, лежавшая въ долинахъ, мало по малу начала уступать мѣсто блѣдному сумраку. Вѣрный Сейбольдъ осѣдлалъ уже лошадей и ожидалъ своего господина на дворѣ замка. Ему очень не нравился скорый опъѣздъ. Какъ храбрый рашникъ, онъ не могъ забыть вчерашняго неучливаго обхожденія Капишана Ансельма, и опъ всего сердца желалъ видѣшь, чшобы булать Арнольфовъ еще разъ перевѣдался съ Французскою спалью. „Чшо скажущъ объ насъ, ворчалъ онъ про себя, Мусье Капишанъ и деньщикъ его, надушой усачь. Они назовущъ насъ шрусами. Но нѣшь! — Мы до эшого не допустимъ!“

Сейбольдъ еще больше ободрился, увидѣвъ Арнольфа, вышедшаго изъ замка во всемъ вооруженіи, хощя сильно распроганнаго, но по прежнему смѣлаго и мужественнаго! —

Арнольфъ приказалъ вѣрному слугѣ своему ѣхать и ожидать его съ лошадьми въ назначенномъ мѣстѣ.

Сейбольдъ осшановился на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ господинъ его въ первый разъ услышалъ горешное: „прости“ и поднялъ вѣнокъ, брошенный рукою Адели. Арнольфъ хощѣлъ видѣшь въ послѣдній разъ цвѣшникъ и шеррасъ, но кошорому онъ шакъ часто прохаживался.

Посреди шерраса, какъ и прежде, стоялъ яворъ украшенный на канунъ цвѣшочными гирляндами для

вспрѣчи Полковника и друга его, бывшихъ вчера на охотѣ.

„И такъ, я никогда уже ее не увижу—никогда!“ горесно произнесъ Арнольфъ, и благодарилъ Небо, что онъ здѣсь наединѣ могъ облегчить священное сердце свое слезами.

Сладкія слезы! они чудеснымъ образомъ успокоили душу Арнольфа. Онъ подошелъ къ дереву и врызалъ на немъ: „прости!“

Онъ печально посматрѣлъ на слово, начерпанное его рукою, роковое слово, кошорое кровавыми буквами напечаталъ было на его сердце.

Вдругъ ему представилось, что Адель можешь прийти на это мѣсто, и что это слово, столько разъ повшоряемое ею въ припадкахъ сумасшества, можешь снова разспроишь ее умъ.

Онъ поспѣшилъ изгладить печальныя черты, но въ ту жь минушу услышалъ за собою грознымъ голосомъ произнесенное: „оспановись!“

Онъ оглянулся; передъ нимъ стоялъ Ансельмъ: „Э, Г. Докшоръ! — продолжалъ онъ съ насмѣшкою, я мало вѣрю симпанцескимъ заклинаніямъ и магнешическимъ бреднямъ вашей браньи, и прошу не поршишь деревьевъ будущаго моего шесця. Впрочемъ убирайшесь съ миромъ.“

„Я хочу удалиться съ чешью!“ — возразилъ Арнольфъ и выхватилъ свою шпагу.

„Какъ угодно!“ — съ жаромъ ошвѣчалъ шощъ, и булашь зазвенѣлъ въ ихъ рукахъ.

При первой сшибкѣ Арнольфъ ранилъ своего прошивника въ правую щеку, кошорый въ жару не чувшвовалъ, что рана опасна. Но Арнольфъ увидя

пекущую кровь, закричалъ: „стой!“ и въ шужь минушу опушилъ шпагу. Разгоряченный Ансельмъ, не смотря на то, поразилъ Арнольфа въ правое плечо — и кровь брызнула ручьемъ.

„Стой!“ — вскричалъ въ свою очередь Ансельмъ: напрасный прудъ, отвѣчалъ Арнольфъ съ горькою улыбкою; но и вамъ, Г. Капшанъ, пора уже перевязать рану;“ потомъ приказалъ своему слугѣ скорѣ привязать лошадей и вынуть изъ чемодана нужное докторство.

Ансельмъ въ замѣшательствѣ спросилъ: „не ранилъ ли я васъ тогда, какъ вы закричали: „стой!“

„Кажешся шакъ,“ отвѣчалъ Арнольфъ съ видомъ челоуѣка оскорбленнаго, кошорый великодушно прощаетъ свою обиду. Но отважный Французъ шѣмъ живѣе чувствовалъ свою несправедливость.

„Возможно ли, сказалъ онъ, чшобъ я посрамилъ себя споль бесчестнымъ поступкомъ, чшобы я укралъ побѣду у великодушнаго своего прошивника!“

„Спыдишесь говорить это!“ — сказалъ Арнольфъ; „чшо мы начали дѣло безъ секунданшовъ, это моя вина. Легко могло случиться, чшо и я въ жару нанесъ бы вамъ лишній ударъ.“

„Но я прошу васъ: шребуйте опъ меня жершвы, какой хошите, и тогда я успокоюсь.“ — —

„Очень хорошо! я прошу, чшобы вы стерли слово, кошорое вы мнѣ помѣшали изгладить.“

Приспыженный Ансельмъ схватилъ руку прежняго своего прошивника, въ полной мѣрѣ чувствуя всю свою несправедливость. —

Приближеніе Сейбольда не позволило ему излишь свои чувства. Сей послѣдній, по приказанію своего

господина, сначала перевязала рану Французу; потом, разсмотрев рану Арнольда, горестно покачала головою, и как бы хотела сказать, что едва ли ему удастся повторить подобный удар, какой он нанес Ансельму.“ —

Арнольд вывел доброго слугу из сомнѣнiя; — объявивъ, что правая рука его не можетъ уже владѣть шпагою.

Ансельмъ старался оплощить опъездъ великодушнаго своего противника до излеченiя раны его; но Арнольдъ былъ непреклоненъ.

„Еще одно слово!“ тихо примолвилъ Ансельмъ.

Когда Сейбольдъ по данному знаку удался, Ансельмъ продолжалъ: „Чтобы сколько-нибудь загладить вину мою предъ вами, пребудьте опъ меня гораздо важнѣйшей жертвы, нежели ша, которую я уже обѣщала исполнить.“

Арнольдъ посматривая на него пристально, сказалъ: „но сдержите ли вы слово?“

— Какъ! я не знаю еще, чего вы потребуете? —

„Я вижу, что вы худо меня знаете; кажешся, что мы лучше умѣемъ наносить другъ другу удары, нежели разумѣшь одинъ другаго.“

— Можно ли еще провиниться такимъ убѣжденiямъ? Требуйте опъ меня, чего хотите! —

„Верности своему законному Королю! съ твердосiю произнесъ Арнольдъ. Не подвергайте опасности счастья Адель. Вопъ чего я опъ себя требую! Я не хочу, чтобы Адель когда-нибудь краснѣла за своего мужа. Вчера вечеромъ произнесъ шь: *Vive l'Empereur!* Клянись мнѣ надъ этой израненой ру-

кой не произносишь другихъ словъ, какъ полько:
Vive le Roi!“

„Ты слишкомъ многого ошь меня потребуешь, ска-
заль Ансельмъ въ сильномъ движеніи, — но я уже
далъ слово. Такъ, почтенный другъ, шы правъ. Кшо
любишь свою ошчизну и хочешь жить счастливо,
пошь не долженъ колебаться между двумя паршіями.
И шакъ вошь шебъ моя рука: *Vive le Roi!*“

При сихъ словахъ они дружески разшались.

Въ 1815 году, когда дерзкій Корсиканецъ снова
возмушил Францію и угрожалъ Европъ, Арнольфъ
не раздвляль уже похода съ своими войсками. „Мы
калеки и полубольные, говорилъ онъ съ улыбкою;
лучше дома ошпанемся, на случай нужды. Теперь
пушь идушь здоровые и крѣпкіе, кошорые съ че-
сшію могутъ переносить всъ шруды и опасности.“

Посвятивъ себя совершенно своей наукѣ и сильно
пораженный чудеснымъ переворошомъ событій,
Арнольфъ часто вспоминаль о жипеляхъ Вогезскаго
горнаго зѣмка. Онъ не сомѣвался въ честности
Ансельма; но былъ ли онъ въ сосшояніи умѣришь
свой воинственый жаръ при новой перемѣнѣ об-
сшояшельствъ, и сохранишь счастіе Адели? —
Эша мысль, какъ камень, шягошила его сердце.

Когда снова възстановлено спокойствіе и небо-
склонъ Европы проясился, шогда и Арнольфъ полу-
чилъ радосшную вѣсшь ошь почтеннаго Полковника
Годесберга. Ошець Адели съ възшоргомъ описываль

благоразумное поведеніе своего зятя и счастье дочери.

Благородное сердце Арнольфа облегчилось. Онъ подошелъ къ окну, взглянулъ на небо, усыянное звѣздами и произнесъ тихую молитву за счастье Адели. Потомъ вынулъ онъ свою записную книжку, въ которой шпашельно хранилъ листокъ изъ вѣнка, полученнаго имъ при первой встрѣчѣ съ Аделью. Ночной вѣшеръ свѣялъ листокъ сей, и Арнольфъ опирая невольно выкапившуюся изъ глазъ его слезу, со вздохомъ произнесъ: *“Прости!”*

Съ Нѣм. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оскаръ Адъвскій.

На сводъ лазоревыхъ небесъ
Взошло полночное свѣшло,
И мрачный доль и спящій лѣсъ
Сіянемъ тихимъ озарло;
Шумящей Лоры на брегахъ
Вкругъ замка Альвы волны плещуть;
И башни древнія въ водахъ
Смотрясь, въ ихъ зеркаль шрепещуть.

Не разъ спокойный лучъ луны
Скользилъ по шлемамъ грозныхъ боевъ,
Когда подъ сѣнью пишипы
Изъ замка шли въ пыль грозныхъ боевъ;
Не разъ на гордыхъ высопахъ
Утесовъ, Лорой орошенныхъ,
Луна серебрила на поляхъ
Ошанки боевъ пораженныхъ.

Но мѣсяца печальный ликъ
Теперь пустыню освѣщаетъ;
Могущихъ Альвы нѣтъ владыкъ:
Ихъ прахъ въ семь замкъ почиваетъ.
Еще огромныхъ башенъ рядъ
Рука времянь досель щадила;
Но вошновъ угаснуль взглядъ
И ушомилась храбрыхъ сила.

Вошце въ разрушенныхъ стѣнахъ
Несется бурь ночныхъ дыханье;
И вѣтръ, играя въ знаменахъ,
Тревожитъ древнее молчанье.
Оскара пражденъ мечъ и щипъ,
Герой почиющій не внемлетъ;

И шлемъ поверженный лежашь,
И все забвеніе объемлешь.

Вопгъ здѣсь, какъ свѣшь узрѣль Оскаръ —
Съ живую радостью родителъ
Пріялъ его, какъ неба даръ,
Ощцевъ въ завѣшную обителъ.
Вассаламъ Ангъ устроилъ пиръ;
И старъ и младъ бѣжалъ къ обѣду;
И рогъ звучащій, вмѣсто лиръ,
Живилъ вопшелей бѣсѣду.

Едва другой сокрылся годъ —
Родителъ вновь на пиръ гонцами
Созвалъ усердный свой народъ —
Вновь сынъ былъ посланъ Небесами.
Съ пѣхъ поръ, заботливой рукою
Лелѣялъ Ангъ питомцевъ милыхъ
И съ ихъ любовію святой
Не зрѣлъ дней шаросни унылыхъ.

Во слѣдъ за ланьми по горамъ
Оскаръ съ Аланомъ быстро мчался;
Бродя по холмамъ и лѣсамъ,
Съ добычей тяжкой возвращались.
Но лишь съ младенчествомъ ланьнымъ
Простясь, вступили въ возрастъ зрѣлый,
Конь и мечъ знакомы имъ
И бивъ губительныя стрѣлы.

Оскаръ въ себя соединилъ
Съ веселымъ нравомъ умъ глубокой;
Аланъ былъ мраченъ и унылъ;
Скитался, часто одинокой.
Оскаръ былъ истинный Герой,
Съ открытымъ взоромъ, вѣренъ чести;
Аланъ съ прищипнутою душой,
Отъ раннихъ лѣтъ языкъ зналъ лести.

Изъ отдаленныхъ областей
Красавица прибывъ въ ихъ горы,
Предметомъ стала всѣхъ рѣчей,
И всѣхъ плѣнила прелесть Моря.
Оскаръ, воспорженный душой,
Къ прелестной страстию пылаешь,
И искоръ съ радостной слезой
Родитель бракъ благословляетъ.

Я внемлю звукъ роговъ златыхъ
И пѣсень брачныхъ шумны клики;
Герои въ панцыряхъ спальныхъ
Стояшъ вокругъ Альвскаго владыки;
И вошь, пиръ свадебный гошовъ;
Ликуютъ храбрые средь спана,
И полнь гостей веселыхъ кровь,
Лишь нѣтъ Оскара и Аллана.

Алланъ явился наконецъ,
Возсѣлъ, приближася къ невѣщѣ,
Въ смущеннѣ болѣе онецъ
Сыновъ своихъ не видя вмѣстѣ.
„Почто, Оскаръ, въ сей часъ златой
Замедлалъ въ полѣ?“ — вопрошаешь;
Безвѣстно мнѣ, родитель мой!
Алланъ печально отвѣчаешь.

Но, можетъ быть, онъ вдалекѣ
Бѣжишь за серной молодою,
Или на легкоу челнокѣ
Заспигнушь бурною волною.“ —
„О, нѣтъ! за серной не бѣжишь
И не волной заспигнушь Лоры!
Ужель въ день брака оскорбишь
Онъ сердце обрученной Моря?“ —

„Гдѣ вы, о воевъ храбрый сонмъ,
Ощевъ завѣтная дружина!

Пройди дремучій лѣсъ кругомъ
И возврапи надежду — сына.“ —
И все въ смятеніи — на коняхъ
Пустились воины, печальны;
„Оскаръ! раздалося въ лѣсахъ.
„Оскаръ! разноспитъ берегъ дальній.

И ночь просперла грозну тѣнь!
И по дубравамъ шѣ жъ опзывы!
Сомнительно мелькаетъ день,
Но роци пакже молчаливы!
Злашипъ заря небесный кровь;
Проснулась пихая долина,
И хоръ гремитъ среди лѣсовъ —
Но все опецъ не видишь сына!

Трикрашы свѣшлый день блисталъ,
Трикрашы темна ночь сходила,
Но воевъ кликъ не умолкалъ,
Дружина щещно вкругъ бродила;
Надежды въ спарць лучъ угасъ.
Въ поскъ, онъ рвешъ съ главы сѣдны,
И съ жалобой въ послѣдній разъ
Излил всю скорбь своеѣ кручины.

„Оскаръ! услада дней мопхъ!
Лишень тебѣ, лишень опоры!
Но если на поляхъ чужихъ
Твой на вѣкъ угасли вѣоры,
Ты палъ убійцы подъ рукой! . . .
О, Небеса! молю о мщени!
Пусть дней конецъ пресшупникъ злой
Узришь въ ужаснѣйшемъ мучени.

„Бышь можешъ, сына моего
Оставленъ прахъ безъ погребеня!
Въ печали жду лишь одного:
Съ нимъ вѣчнаго соединеня.

О, благость крошкая Небесь!
Прости преступное желанье:
Его исторгло съ шоккомъ слезъ
Души ужасное впряданье.

Такъ въ скорби съговалъ отецъ,
Призвавъ Судьбы непоспшимы;
Но время гореспныхъ сердце
Всегда былъ врачъ неупомимый.
Какой-то тайный гласъ въцадь:
„Оскаръ увидится съ тобою.“ —
И годъ незримо пробъжалъ;
Спокойный спарець спалъ душою.

Но сынъ другой усладой былъ:
Имъ оживлялъ угасши взоры.
Аланъ въ свою чреду склонилъ
Томившееся сердце Моры.
„Свершилося! Оскара ншь!
Такъ мншь красавица порою;
Но если онъ и видишь свшь,
То жизнью дльнися съ другою.“

Но пусть еще проходить годъ —
Въцадетъ спарець со слезамп.
Коль медленный его псходъ
Оскара не застанешъ съ намп;
Тогда прискорбнаго ошца
Умолкнешъ голосъ сожаленья.
И будущъ нъжня сердца
Достойны узъ соединенья.

И наступилъ желанный день.
Свшьлюшъ взоры обрученной,
Исчезли гореспн, какъ нвнь,
Въ цвпахъ одежды драгоцнной.
И близокъ наслажденй часъ!
Готовишся обрядъ въчальный,

И шарецъ дряхлый въ первый разъ
Ошрелъ съ нела туманъ печальный.

Я внемлю звукъ роговъ влапыхъ,
И пѣснь брачныхъ шумны клики;
Герон въ панциряхъ спальныхъ
Стояшь вкругъ Альскаго владыки.
И вошь, пирь свадебный готовъ,
Ликуютъ храбрые средь спана,
И полкъ гостей веселыхъ кровъ,
И прославляюшь всѣ Алмана.

Но кто, безвѣстный сей пришлецъ,
Склоняешь взоръ къ спящимъ мрачный,
Веселье оправилъ сердце
Незванный гость на пирь сей брачный.
Воскрилемъ черной ризы, онъ
Свой шлемъ надвигнувши, покрылся,
И въ думу, какъ глубокий сонъ,
Возствший Рыцарь погрузился.

Недвижный и туманный взоръ
Мелькалъ украдкой сквозь забрало;
Грозу таинственныхъ укоръ
Его молчанье предвѣщало;
И страхъ невольный пробѣжалъ
Въ кругу красавицъ плененныхъ:
Пришлецъ невѣдомый молчалъ
Одинъ средь кликовъ испуганныхъ.

Бѣшетъ полночь — шумный кругъ зашпихъ,
Суровость гостя примѣчая —
И вошь, за здравье молодыхъ
Несется чаша круговая.
Тутъ всмалъ съ поспѣшностью пришлецъ
И всѣ шоятся въ ожиданьи,
Встревоженъ жениховъ отецъ
И сердце Моря въ содроганьи.

„Внимай, вскричалъ онъ, спарецъ, мнѣ:
Сей кубокъ поданъ въ честь Аллану,
И я въ покорной тишинѣ
Пить съ прочими госпями спану.
Но есть еще намъ долгъ святой . . .
Въ шопъ часъ, какъ все въ увеселены,
Алана занята судьбой,
Почто Оскаръ, твой сынъ, въ забвеньи?“ —

И Ангъ отвѣтствовалъ съ слезой:
„Трикрапы свѣтлая девица
Годичный путь свершаешь свой,
Какъ мнѣ безъ сына свѣшь шемница.
„Но еслибъ — продолжалъ пришлецъ —
Ему дарилъ воспоминанье,
То знай, поскоующій отецъ,
Ты зрѣлъ еще бы съ нимъ свиданье.

„Подыmemъ кубокъ въ честь его —
Торжественно всѣмъ возглашаю,
Готовъ! въ честь сына моего,
Заздравну чашу подымаю.
„Но кубокъ сей почто Алланъ
Береть трепещущей рукою,
Иль брата, средь родимыхъ странъ,
Почтивши не хочешь честью мою? . . .“ —

И до минуты роковой,
Алана рдѣлся ланины;
Но съ сею рѣчью гробовой,
Внезапно блѣдносью покрыты . . .
Трикрапы чашу онъ къ ушамъ
Подноситъ, сердца скрывъ укору,
Трикрапы — спрахъ его очамъ —
Предъ нимъ невѣдомаго взоры!

Его усмѣшкой приспѣженъ
Аланъ въцаешь, изступленный:

„Отцу да будетъ возвращенъ
Оскаръ, столь долго опсужденный!“ —
Умолкъ — и въ душу смертный хладъ
Съ сей рѣчью грозною пролился.
Роняешь кубокъ . . . ! спускнешь взглядъ,
Небесной казни часъ свершился!

Огнь, онъ убійца! слышенъ гласъ,
Убійца! гости повторили,
И яркій блескъ свѣчей погасъ,
И бури грозныя завывли,
И замка сводъ разсѣкъ ударъ,
И озаренный молній блескомъ
Предсталъ . . . . израненный Оскаръ!
И все исчезло съ страшнымъ трескомъ.

Кто жъ былъ таинственный пришлецъ,
Сей призракъ грознаго видѣнья,
Никто не вѣдалъ! но отецъ
Позналъ весь ужасъ преступленья.
Аланъ раскаянемъ сраженъ,
Узрѣлъ безвременно кончину,
И старецъ, Небомъ извѣщенъ,
Отшелъ къ погибнувшему сыну.

Вы видите ль на сихъ холмахъ
Убійцы гробъ уединенный?
Его сокрытъ далеко прахъ,
Трофеевъ Альвы отлученный!
Они навѣкъ обагрены
Братоубійственной рукою,
Но въ замкѣ семъ сохранены
И съ страшной повѣстію тою.

И прахъ убійцы не почнуть
Сыны могущихъ вдохновеній,
И подвиговъ не опадуть
Въ завѣшь грядущихъ поколѣній.

Надъ нимъ проклятіе отца
Въ дубравъ эхо повторяетъ
И ужась грознаго конца
Душамъ преступнымъ возвѣщаетъ.

Дм. Гл.

Конецъ 17-й книжки.

Печаташе позволено: Ноября 5-го дня, 1826 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ